

Редакционный совет:

Н. С. БОНДАРЬ
В. А. СИВИЦКИЙ
Н. В. СТРУННИКОВА
О. С. ХОХРЯКОВА (председатель)

Главный редактор —
Н. В. Струнникова
Адрес редакции: 190000, Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, дом 1
Телефон: 404-32-51

Номер подготовили:
И. В. Андреева
И. А. Бойцов
М. В. Бухаркина
И. А. Михайлова
Н. А. Сергеева
Н. Ю. Сильваненок
Е. В. Скалон

Художник А. Б. Бобров

Сдано в набор 20.05.2018.
Подписано в печать 19.06.2018.
Формат 70 × 108^{1/16}. Печать офсетная.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 7,75.
Тир. 500 экз.

Издательство «Спарк».
117630, г. Москва,
Старокалужское ш., д. 62. БЦ «Валлекс».
Тел. (495) 784-72-18.

Отпечатано в ГУП МО «Коломенская типография»,
140400, Московская область, г. Коломна,
ул. III Интернационала, д. 2а.
Тел./факс: 8(496) 618-62-87, 618-69-33.
Заказ № 809.

Издательство «Спарк»

© Вестник Конституционного Суда РФ, 2018
Официальное издание

В НОМЕРЕ

Постановление по делу о проверке конституционности части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»

от 11 января 2018 года № 1-П 4

Постановление по делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. В. Кургаевой

от 12 января 2018 года № 2-П 13

Постановление по делу о проверке конституционности части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» в связи с запросом Арбитражного суда города Москвы и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Проект»

от 17 января 2018 года № 3-П 26

3'2018

Постановление по делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. А. Шакировой, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой
от 22 января 2018 года № 4-П 36

Постановление по делу о проверке конституционности положений статей 181⁴ и 181⁵ Гражданского кодекса Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Логинова
от 29 января 2018 года № 5-П 44

Постановление по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «ТАИФ»
от 6 февраля 2018 года № 6-П 56

Постановление по делу о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов госу-

3'2018

дарственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в связи с жалобой гражданина А. Я. Сизова

от 8 февраля 2018 года № 7-П 66

Постановление по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»

от 13 февраля 2018 года № 8-П 78

Постановление по делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска

от 19 февраля 2018 года № 9-П 93

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. С. Бондаря 105

Постановление по делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Горностаевой

от 26 февраля 2018 года № 10-П 111

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

11 января
2018 года,
город Санкт-
Петербург

№ 1-П

по делу о проверке конституционности части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «Синклит». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. В соответствии с частью первой статьи 81¹ «Порядок признания предметов и документов вещественными доказательствами по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики» УПК Российской Федерации предметы и документы, указанные в части первой статьи 81 данного Кодекса, включая электронные носители информации, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями пятой – седьмой статьи 159, статьями 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171–174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴ и 190–199⁴ УК Российской Федерации, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносятся постановления. Согласно пункту 3¹ части второй статьи 82 «Хранение вещественных доказательств» УПК Российской Федерации вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий, подлежат аресту в порядке, установленном статьей 115 данного Кодекса.

Конституционность приведенных законоположений оспаривает ООО «Синклит», директор которого обратился в суд в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации с жалобой на действия следственного органа Управления МВД России по Белгородской области, связанные с изъятием и удержанием принадлежащей на праве собственности этому обществу линии по производству и упаковке сигарет, а также с воспрепятствованием в пользовании ею. В обоснование жалобы помимо прочего было указано, что данное имущество не могло быть изъято следователем самостоятельно, вне судебной процедуры наложения на него ареста. Постановлением судьи Свердловского районного суда города Белгорода от 13 марта 2017 года в удовлетворении жалобы отказано, с чем согласился Белгородский областной суд, оставивший постановлением от 17 апреля 2017 года решение суда первой инстанции без изменения, а поданную ООО «Синклит» апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Из названных судебных решений следует, что 1 февраля 2017 года в ходе осмотра места происшествия было обнаружено и изъято указанное производственное оборудование. Постановлением следователя оно признано вещественным доказательством по уголовному делу, возбужденному по факту незаконного изготовления неустановленными лицами в поселке Красный Остров Чернянского района Белгородской области немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке, в крупном размере (преступление, предусмотренное пунктом «а» части шестой статьи 171¹ УК Российской Федерации); местом хранения изъятого оборудования определен специализированный склад, расположенный в ином населенном пункте.

ООО «Синклит» просит признать оспариваемые законоположения не соответствующими статьям 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34, 35 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не предполагают наложение на определенный срок ареста на имущество, признанное вещественным доказательством в качестве орудия преступления по уголовному делу в сфере экономической деятельности. По мнению заявителя, тем самым допускается чрезмерное усмотрение уполномоченных органов при изъятии ими вещественных доказательств по уголовным делам, притом что отсутствует эффективный судебный контроль за таким изъятием, призванный обеспечить права собственников изымаемого имущества.

Принимая во внимание требования статей 3, 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании уполномоченным лицом органа предварительного расследования в рамках досудебного производства по уголовному делу о преступлении в сфере экономической деятельности решается вопрос об изъятии, приобщении в качестве вещественных доказательств к материалам этого уголовного дела и хранении предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих лицу, не являющемуся в этом уголовном деле подозреваемым, обвиняемым или лицом, несущим по закону материальную ответственность за их действия.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России гарантируется свобода экономической деятельности, признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности, относящееся к основным правам человека, подлежит защите со стороны государства и наряду с другими правами и свободами человека и гражданина

определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечивается правосудием (статьи 2, 8, 18 и 34; статья 35, части 1–3; статья 46, части 1 и 2; статья 118, часть 2; статья 128, часть 3).

Как следует из статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признание права каждого физического и юридического лица на уважение и защиту принадлежащей ему собственности (и, соответственно, свободы пользования имуществом, в том числе для осуществления предпринимательской деятельности) не умаляет право государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для контроля за использованием собственности согласно общим интересам. Вместе с тем вмешательство государства в отношении собственности, как неоднократно подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность используемых средств и преследуемой цели, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению; ограничения права собственности, в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 8, 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 и 35 (части 1 и 3), могут вводиться федеральным законом, только если они необходимы для защиты иных конституционно значимых ценностей, включая права и законные интересы других лиц, отвечают требованиям справедливости, разумности и соразмерности, носят общий и абстрактный характер, не имеют обратной силы и не затрагивают само существо данного конституционного права.

Возможные ограничения права собственности в целях защиты публичных интересов могут обуславливаться, в частности, потребностями обеспечения производства по уголовному делу, для чего лица, производящие дознание и предварительное следствие, наделяются полномочиями по применению соответствующих обеспечительных мер, связанных с изъятием имущества. Вместе с тем в силу конституционных принципов верховенства права, означающего в том числе защиту от произвольных действий государственных органов и должностных лиц, а также неприкосновенности собственности и соблюдения баланса частных и публичных интересов, изъятие по уголовному делу имущества (в том числе в виде наложения на него ареста или признания его вещественным доказательством с режимом хранения, ограничивающим права владения и пользования имуществом), которое находится у лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и не несущих по закону материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого, и использование которого в совершении преступления лишь предполагается, может иметь лишь временный характер и применяться при предоставлении таким лицам процессуальных гарантий защиты прав посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства.

Из приведенных положений Конституции Российской Федерации, международно-правовых норм и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях от 20 мая 1997 года № 8-П, от 11 марта 1998 года № 8-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П, от 10 декабря 2014 года № 31-П и в Определении от 14 мая 2015 года № 1127-О, следует, что федеральный законодатель обязан установить, а суды – применять надлежащий правовой механизм, позволяющий эффективно защищать, в том числе в судебном порядке, интересы лиц, право собственности которых ограничивается в связи с изъятием при-

надлежащего им имущества в качестве вещественного доказательства по уголовным делам, тем более когда они в этих уголовных делах не являются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за действия подозреваемых, обвиняемых.

3. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления либо сохранили на себе следы преступления или на которые были направлены преступные действия; деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления; иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (часть первая статьи 81); указанные предметы и документы, изъятые в ходе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных частями пятой – седьмой статьи 159, статьями 159¹–159³, 159⁵, 159⁶, 160 и 165 УК Российской Федерации, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 171–174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴ и 190–199⁴ УК Российской Федерации, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится постановление уполномоченным лицом органа предварительного следствия или дознания (пункт 25 статьи 5, статьи 38–41 и часть первая статьи 81¹).

По смыслу статей 81, 81¹ и 82 УПК Российской Федерации, изъятие предметов и документов, подлежащих признанию вещественными доказательствами, применяется в целях обеспечения процесса доказывания (включая сбор, проверку и оценку доказательств) с учетом прав и законных интересов их собственников или владельцев. Такого рода временное изъятие и удержание имущества в режиме его хранения, представляя собой необходимую для производства по уголовному делу процессуальную меру обеспечительного характера, применяемую по решению уполномоченных лиц лишь на период производства по данному делу и не порождающую перехода права собственности на имущество, само по себе не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод, в том числе как нарушение права собственности, – притом что лицам, в отношении которых применяются подобные меры, сопряженные с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом, гарантируется закрепленное статьей 46 (часть 2) Конституции Российской Федерации право обжаловать соответствующие решения и действия в судебном порядке (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 марта 2017 года № 5-П).

Статья 82 УПК Российской Федерации обязывает хранить вещественные доказательства при уголовном деле до вступления приговора в законную силу либо до истечения срока обжалования постановления или определения о прекращении уголовного дела и передавать вместе с уголовным делом, за исключением случаев, ею предусмотренных; когда спор о праве на имущество, являющееся вещественным доказательством, подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства, вещественное доказательство хранится до вступления в силу решения суда (часть первая). Если же признанные вещественными доказательствами предметы в силу громоздкости или иных причин не могут храниться при уголовном деле, они передаются на хранение в государственные органы, имеющие условия для их хранения и наделенные правом в соответствии с законодательством Российской Федерации на их хранение, а при отсутствии такой возможности – на основании договора юридическому лицу или индивидуальному пред-

принимателю, имеющим эти условия и право (подпункт «а» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации; абзац третий пункта 2 и пункт 10 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2015 года № 449 «Об условиях хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам»). Кроме того, допускается возвращение таких вещественных доказательств их законным владельцам (отказ от изъятия у них предметов, признанных вещественными доказательствами), в частности в досудебном производстве, когда это возможно без ущерба для доказывания по уголовному делу (подпункт «б» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации). Во всяком случае условия хранения, учета и передачи вещественных доказательств должны исключать их подмену, повреждение, порчу, ухудшение или утрату их индивидуальных признаков и свойств, а также обеспечивать их безопасность (пункт 1 Правил хранения, учета и передачи вещественных доказательств по уголовным делам).

Таким образом, в досудебном производстве уполномоченные лица органов предварительного следствия и дознания, ответственные за расследование уголовного дела, самостоятельно решают вопрос о признании тех или иных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, о способе такого хранения либо об их возвращении законному владельцу на ответственное хранение (об отказе от их изъятия) до принятия окончательного решения по уголовному делу или на иной вытекающий из закона срок. Выбор одного из указанных решений должен быть мотивированным, отражающим особенности уголовного дела, включая правовое и фактическое положение предметов, признанных вещественными доказательствами.

4. В ходе досудебного производства по уголовному делу в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства, исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в части первой статьи 104¹ УК Российской Федерации, также возможно наложение ареста на имущество. Следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия; арест может быть наложен на имущество, находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (статьи 111 и 115 УПК Российской Федерации).

Согласно статье 115 УПК Российской Федерации наложение ареста на имущество состоит в запрете, адресованном собственнику или владельцу имущества, распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение (часть вторая); арестованное имущество может быть изъято либо передано по усмотрению лица, производившего арест, на хранение собственнику или владельцу этого имущества либо иному лицу, которые должны быть предупреждены об ограничениях, которым подвергнуто арестованное имущество, и ответственности

за его сохранность, о чем делается соответствующая запись в протоколе (часть шестая).

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 января 2011 года № 1-П, возможность применить наложение ареста на имущество как процессуальную меру, которая сама по себе не влечет переход права собственности на это имущество к государству или иным лицам и носит временный характер (на период предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу), обуславливается тем, что, по общему правилу, наличие в рамках уголовного дела обстоятельств, влекущих такой переход, может быть с достоверностью установлено только при постановлении обвинительного приговора.

Подлежат аресту в порядке, предусмотренном статьей 115 УПК Российской Федерации, вещественные доказательства в виде денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, и доходов от этого имущества, обнаруженных при производстве следственных действий (пункт 3¹ части второй статьи 82 данного Кодекса). Вместе с тем наложение ареста на иное имущество, признаваемое вещественным доказательством, не признается обязательным и иницируется по усмотрению уполномоченных лиц органов предварительного следствия и дознания, имея в виду достижение целей, указанных в статьях 111 и 115 УПК Российской Федерации.

Хотя дополнительно к целям обеспечения порядка уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора наложение ареста на имущество может при необходимости способствовать установлению наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, иных обстоятельств, имеющих значение для дела, собирания, проверки и оценки доказательств, в частности посредством изъятия вещественных доказательств и их хранения (статьи 73, 74 и 81–82 УПК Российской Федерации), а также может применяться для обеспечения сохранности вещественных доказательств по уголовному делу (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2011 года № 1-П и от 21 октября 2014 года № 25-П), институты наложения ареста на имущество, с одной стороны, и, с другой стороны, изъятия и хранения вещественных доказательств имеют разное предназначение в уголовном процессе. Тем обстоятельством, что изъятие имущества в качестве вещественного доказательства и его удержание в режиме хранения при наложении на него ареста на основании судебного решения, принятого по ходатайству, возбужденному перед судом следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, позволяют распространить на данные отношения предварительный судебный контроль за законностью и обоснованностью временного изъятия имущества как гарантию защиты прав и законных интересов его собственников или владельцев, не предопределяется использование процедуры наложения ареста на имущество во всех случаях, когда соответствующие предметы используются в качестве вещественных доказательств для раскрытия преступления и разрешения уголовного дела, тем более при обеспечении возможности последующего судебного контроля.

Такое регулирование, различающее цели и процедуру изъятия вещественных доказательств и наложения ареста на имущество, не выходит за пределы дискреции федерального законодателя и не противоречит конституционным принципам справедливости и равенства, требованиям, при соблюдении которых возможно ограничение прав и свобод человека и гражданина (преамбула; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о», Конституции Российской Федерации). Тем не менее полномочия орга-

нов предварительного следствия и дознания в отношении изъятия и определения порядка хранения вещественных доказательств — принимая во внимание имеющиеся у них возможности, включая возможность передать вещественное доказательство на ответственное хранение его законному владельцу, — должны использоваться таким образом, чтобы не нарушался баланс конституционно значимых ценностей, в том числе с учетом предназначения этого имущества.

5. Изъятие и удержание в режиме хранения любого имущества, признанного вещественным доказательством, по существу, ограничивают права его собственника или владельца, причиняют им неудобство. Изъятие же и удержание предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, тем более на длительный срок, создают негативный эффект не для одного лишь лица либо группы лиц: они способны существенно нарушить производственные циклы, затруднить исполнение обязательств собственников или владельцев изъятого имущества перед контрагентами, повлечь прекращение самой предпринимательской деятельности, что неизбежно ведет к ухудшению положения работников субъекта такой деятельности, вплоть до их вынужденного увольнения, т. е. затрагивает весь комплекс их прав в трудовых правоотношениях, в том числе право на защиту от безработицы (статья 37, часть 3, Конституции Российской Федерации). Затруднения в предпринимательской деятельности вызывают и сокращение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней, притом что налоги, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 16 июля 2004 года № 14-П и др.), материально обеспечивают осуществление публичной властью социальной, экономической, правоохранительной и иных функций.

Тем самым финансовые, материальные и прочие потери собственников или владельцев изъятого имущества и других лиц, включая публично-территориальные образования, при изъятии предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, могут значительно превышать последствия изъятия вещей той же стоимости, но иного целевого назначения. Следовательно, требуется специальный подход к разрешению в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопросов о признании указанных предметов вещественными доказательствами, их изъятии и удержании в режиме хранения, предполагающий, что такие изъятие и удержание должны быть скорее исключением, обусловленным обстоятельствами конкретного дела и особенностями этих предметов, в том числе информации, источниками которой они служат и которая необходима для раскрытия преступления.

Это, однако, не означает, что предметы, используемые для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности, не могут быть изъяты у лица, не имеющего статуса подозреваемого, обвиняемого и не несущего по закону материальную ответственность за их действия, если такое изъятие является вынужденно необходимым для расследования уголовного дела и вынесения справедливого приговора, поскольку иначе объективно невозможно обеспечить сохранность и доказательственную ценность указанных предметов, избежать уничтожения следов преступления, а равно если без такого изъятия имущество может быть использовано для продолжения преступной деятельности. Вместе с тем обязанность обосновать необходимость такого изъятия, в том числе при возникновении судебных споров по соответствующим вопросам, лежит на уполномоченных лицах органов предварительного след-

ствия и дознания, причем одной только ссылки на то, что данный предмет обладает свойствами вещественного доказательства, недостаточно для обоснования необходимости его изъятия.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июля 2008 года № 9-П отметил, что оценка судом законности и обоснованности изъятия у собственника или владельца того или иного имущества в связи с приобщением его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства не может, по смыслу статей 81 и 82 УПК Российской Федерации, ограничиваться установлением формального соответствия закону полномочий применяющих данную меру должностных лиц органов предварительного расследования, — суд должен прийти к выводу, что иным способом обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач невозможно; в таких случаях должны приниматься во внимание как тяжесть преступления, в связи с расследованием которого решается вопрос об изъятии имущества, так и особенности самого имущества, в том числе его стоимость, значимость для собственника или владельца и общества, возможные негативные последствия изъятия имущества; в зависимости от указанных обстоятельств дознаватель, следователь и затем суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны определять, подлежит ли это имущество изъятию либо в соответствии с подпунктами «а», «б» пункта 1 части второй статьи 82 УПК Российской Федерации оно может быть сфотографировано, снято на видео- или киноплёнку и возвращено собственнику или владельцу на хранение до принятия решения по уголовному делу. Такой механизм защиты прав и законных интересов заинтересованных лиц применим и к оценке правомерности изъятия предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности.

Следовательно, изъятие и удержание в режиме хранения в качестве вещественных доказательств в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), если для обеспечения сохранности таких вещественных доказательств не требуется их изъятие у собственников либо владельцев или допускается их незамедлительное возвращение последним на ответственное хранение после производства необходимых следственных действий, несоразмерно конституционно значимым ценностям ограничивали бы право частной собственности указанных лиц, а также их право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (статья 19, части 1 и 2; статьи 34 и 35; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции

Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что при решении на их основании уполномоченными лицами органов предварительного следствия и дознания в досудебном производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности вопроса об изъятии, приобщении к материалам уголовного дела и удержании в режиме хранения в качестве вещественных доказательств предметов, используемых для производства товаров, выполнения работ и оказания услуг при осуществлении предпринимательской деятельности и принадлежащих на законных основаниях лицам, не являющимся в этих уголовных делах подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия (юридическим лицам, которые не контролируются подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия), указанные вещественные доказательства не должны изыматься у их собственников или владельцев, если обеспечение их сохранности и проведение с ними необходимых следственных действий, а равно предотвращение их использования для совершения преступлений не требуют — с учетом их особенностей и иных обстоятельств конкретного дела — такого изъятия; после проведения с ними необходимых следственных действий, потребовавших изъятия, они незамедлительно возвращаются собственнику или владельцу на ответственное хранение.

2. Конституционно-правовой смысл положений части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении общества с ограниченной ответственностью «Синклит» на основании положений части первой статьи 81¹ и пункта 3¹ части второй статьи 82 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**12 января
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 2-П

по делу о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н. В. Кургаевой

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н. В. Кургаевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика О. С. Хохряковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявительница по настоящему делу гражданка Н. В. Кургаева оспаривает конституционность частей 1–9 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», регулирующих правоотношения с сотрудником органов внутренних дел при сокращении его должности, и ряда положений статьи 82 того же Федерального закона, закрепляющей основания прекращения или расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел, а именно пункта 3 ее части 3, предусматривающей, что контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел (за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным частью 3, пунктами 1, 3 и 6 части 5, пунктом 2 части 7 и частью 9 статьи 30 данного Федерального закона), а также части 6 данной статьи, устанавливающей, по

каким основаниям расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел осуществляется по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, и части 7, согласно которой расторжение контракта по основанию, предусмотренному, в частности, пунктом 11 ее части 2, т. е. в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником, осуществляется по инициативе одной из сторон контракта; при этом расторжение контракта по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя допускается только в случае невозможности перевода или отказа сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел.

1.1. Н. В. Кургаева, проходившая службу в органах внутренних дел в должности начальника отдела управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти Республики Башкортостан и органами местного самоуправления Главного управления МВД России по Республике Башкортостан на основании контракта, заключенного на неопределенный срок, после сокращения замещаемой ею должности была зачислена в распоряжение Главного управления МВД России по Республике Башкортостан (приказы от 30 июля 2015 года и от 31 июля 2015 года). От замещения предлагавшихся ей вакантных должностей в территориальных и структурных подразделениях Главного управления МВД России по Республике Башкортостан она отказалась, в связи с чем была уволена со службы по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (приказ от 28 января 2016 года).

Считая свое увольнение незаконным, Н. В. Кургаева обратилась в Ленинский районный суд города Уфы с иском к Главному управлению МВД России по Республике Башкортостан, требуя отмены приказов о сокращении ее должности и увольнении, восстановления на службе, выплаты денежного довольствия за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда и т. д. В обоснование своих требований истица, в частности, указывала на то, что является одинокой матерью, самостоятельно воспитывающей малолетнего ребенка – дочь 2007 года рождения, а следовательно, на нее распространяется гарантия, установленная частью четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации для одиноких матерей, воспитывающих ребенка в возрасте до 14 лет, при увольнении по инициативе работодателя; кроме того, в период нахождения в распоряжении Главного управления МВД России по Республике Башкортостан ей не были предложены нижестоящие вакантные должности в ранее возглавляемом ею отделе.

Ленинский районный суд города Уфы, согласившись с доводами истицы, пришел к выводу, что в силу части 2 статьи 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» к правоотношениям, связанным с увольнением со службы в органах внутренних дел одинокой матери, воспитывающей малолетнего ребенка, применяется часть четвертая статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, а потому Н. В. Кургаева не подлежит увольнению со службы в связи с сокращением замещаемой ею должности по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя. Решением от 25 июля 2016 года заявленные исковые требования были частично удовлетворены: приказ об увольнении Н. В. Кургаевой со службы в органах внутренних дел признан незаконным и отменен, она

была восстановлена на службе с зачислением в распоряжение Главного управления МВД России по Республике Башкортостан, в ее пользу взыскано денежное довольствие за время вынужденного прогула и компенсация морального вреда.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда Республики Башкортостан от 2 ноября 2016 года решение Ленинского районного суда города Уфы было отменено и принято новое решение, которым в удовлетворении требований Н. В. Кургаевой было отказано. По мнению суда апелляционной инстанции, вывод суда первой инстанции не соответствует обстоятельствам дела и основан на неправильном применении правовых норм: гарантия, установленная трудовым законодательством для одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в данном случае применяться не должна, поскольку увольнение по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», осуществляется в силу обязательного и безусловного предписания закона и не может рассматриваться как увольнение по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя; кроме того, истица имела возможность выбора основания увольнения – ей предлагалось подать рапорт об увольнении по основанию, предусмотренному пунктом 11 части 2 статьи 82 названного Федерального закона (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), однако она от этого предложения отказалась, указав, что для увольнения по данному основанию рапорт от нее не требуется.

Определением судьи Верховного суда Республики Башкортостан от 22 февраля 2017 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 3 мая 2017 года в передаче кассационных жалоб Н. В. Кургаевой для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции отказано.

1.2. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы заявителя и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Нарушение положениями статей 36 и 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» своих прав, гарантируемых статьями 7, 19 (части 1 и 2), 37 (часть 1), 38 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, Н. В. Кургаева усматривает в том, что эти положения не относят основание увольнения сотрудника органов внутренних дел, предусмотренное пунктом 3 части 3 статьи 82 названного Федерального закона, к основаниям увольнения по инициати-

ве руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, препятствуя тем самым предоставлению сотруднику органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, гарантии, предусмотренной частью четвертой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации, а также не обязывают руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать сотруднику, подлежащему увольнению в связи с проведением организационно-штатных мероприятий, влекущих сокращение замещаемой им должности, все имеющиеся вакантные должности, что позволяет производить увольнение из органов внутренних дел произвольно, по усмотрению соответствующего руководителя.

Между тем, как следует из представленных заявительницей судебных постановлений, пункт 2 части 1, части 2, 3 и 6–8 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» при разрешении ее дела не применялись. Что касается положений пункта 1 части 1, частей 4, 5, 9 статьи 36, частей 6 и 7 статьи 82 названного Федерального закона, то они определяют особенности прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел, должности которых сокращаются, предусматривают заблаговременное уведомление таких сотрудников о предстоящих организационно-штатных мероприятиях и возможность освобождения их от замещаемой должности в органах внутренних дел и зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, обязывают руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать увольняемому сотруднику иные должности с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности, закрепляют, что при отказе сотрудника органов внутренних дел от замещения соответствующих должностей либо при их отсутствии он подлежит увольнению по основанию, предусмотренному пунктом 11 части 2 статьи 82 данного Федерального закона (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), а также перечисляют основания увольнения со службы в органах внутренних дел по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя. Как таковые указанные положения не содержат неопределенности применительно к обстоятельствам дела заявительницы и не могут расцениваться как нарушающие ее права и свободы, в связи с чем в этой части ее жалоба не является допустимой по смыслу статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Соответственно, в силу предписаний пункта 2 статьи 43 и статьи 68 названного Федерального конституционного закона производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности частей 1–9 статьи 36 и частей 6 и 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подлежит прекращению, что не препятствует Конституционному Суду Российской Федерации учитывать эти положения при оценке конституционности пункта 3 части 3 его статьи 82.

Таким образом, пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является предме-

том рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой он служит основанием увольнения со службы сотрудника органов внутренних дел – одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в случае, когда в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий и сокращения замещаемой ею должности она отказывается от перевода на иную должность в органах внутренних дел.

2. Согласно Конституции Российской Федерации труд свободен; каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (статья 37, часть 1); граждане Российской Федерации имеют равный доступ к государственной службе (статья 32, часть 4).

В силу приведенных конституционных положений во взаимосвязи с конкретизирующими их положениями федерального законодательства о государственной службе в Российской Федерации служба в органах внутренних дел, заключая контракт о прохождении которой гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и на выбор рода деятельности, является одним из видов федеральной государственной службы и представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Такая деятельность осуществляется в публичных интересах, а лица, которые проходят службу в органах внутренних дел, выполняют конституционно значимые функции, чем обуславливается их специальный правовой статус (совокупность прав и свобод, гарантируемых государством, а также обязанностей и ответственности), содержание и характер обязанностей государства по отношению к ним и их обязанности по отношению к государству.

Спецификой профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел предопределяется право федерального законодателя вводить особые правила поступления на службу в органы внутренних дел, ее прохождения и прекращения служебных отношений с учетом задач, стоящих перед органами внутренних дел, принципов их организации и функционирования, при условии обеспечения баланса между конституционно защищаемыми ценностями, публичными и частными интересами и с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации принципов справедливости, равенства и соразмерности.

Правовое регулирование отношений, связанных с прохождением государственной службы, в том числе в органах внутренних дел, – исходя из публичного характера профессиональной служебной деятельности и необходимости ее непрерывного осуществления – должно быть направлено, как подчеркивается в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 8-П, на сохранение определенной стабильности служебных отношений, которая достигается, в частности, установлением гарантий от произвольного увольнения лиц, замещающих должности государственной службы, и предполагает не только возможность увольнения государственного служащего исключительно по основаниям, предусмотренным законом, но и использование правовых механизмов увольнения в строгом соответствии с их предназначением и обстоятельствами, которые являются предпосылкой для их применения.

Осуществляя в порядке статьи 71 (пункты «г», «м», «т») Конституции Российской Федерации правовое регулирование отношений, связанных с поступлением на службу в органы внутренних дел, ее прохождением и прекращением, федеральный законодатель обязан принимать во внимание и

те ее положения, которые имеют общее значение и потому должны учитываться при регламентации различных видов профессиональной деятельности. Так, государственные гарантии, предоставляемые женщинам в связи с материнством и воспитанием детей, – в силу статей 7 и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющих социальный характер российского государства и необходимость защиты семьи, материнства и детства, в том числе в трудовых и государственно-служебных отношениях, а также требований международных актов (пункт 3 статьи 27 Конвенции о правах ребенка) – имеют целью как защиту интересов ребенка, создание условий, необходимых для его полноценного развития, так и обеспечение женщинам возможности сочетать семейные обязанности с профессиональной деятельностью, достижение фактического равенства в сфере труда (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 октября 2013 года № 21-П).

3. Мероприятия по сокращению должностей государственной службы в конкретном государственном органе, осуществляемые в целях оптимизации численности и состава государственных служащих, упорядочения распределения нагрузки на них, улучшения работы данного государственного органа, в итоге должны быть направлены на совершенствование организации и прохождения государственной службы в таком государственном органе и, как следствие, – на повышение эффективности его функционирования как неотъемлемой части механизма реализации публичных функций государства.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 марта 2016 года № 8-П, проведение такого рода организационно-штатных мероприятий, являющихся основной предпосылкой прекращения служебного контракта с государственным служащим по соответствующему основанию, должно сопровождаться соблюдением установленной законом процедуры, а высвобождаемым государственным служащим должны предоставляться гарантии, обеспечивающие справедливость и обоснованность их увольнения, а также защиту от произвольного прекращения служебного контракта.

3.1. Наряду с общими гарантиями, предоставляемыми всем сотрудникам органов внутренних дел, должности которых подлежат сокращению, на проходящих государственную службу женщин, являющихся одинокими матерями, воспитывающими детей в возрасте до 14 лет, распространяются специальные меры государственной защиты, включая гарантии, направленные на предотвращение потери ими работы (увольнения с государственной службы) и утраты заработка (денежного содержания).

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 15 октября 2013 года № 21-П отметил, что в системе действующего правового регулирования гарантия, связанная с запретом увольнения одиноких матерей, воспитывающих детей в возрасте до 14 лет, по инициативе работодателя (представителя нанимателя) в связи с сокращением численности или штата (проведением организационно-штатных мероприятий), прямо либо косвенно распространяется на женщин, состоящих в трудовых отношениях, проходящих государственную, в том числе государственную гражданскую, службу либо являющихся муниципальными служащими. Для женщин, работающих по трудовому договору, гарантии при расторжении трудового договора прямо установлены статьей 261 Трудового кодекса Российской Федерации; гарантии защиты от увольнения для беременных женщин-военнослужащих, а также женщин-военнослужащих, исполняющих материнские обязанности, непосредственно закреплены пунктом 25 статьи 34 Положения о порядке прохождения военной службы (утверждено

Указом Президента Российской Федерации от 16 сентября 1999 года № 1237). Что касается женщин, реализующих свое право на труд путем прохождения государственной службы иного вида, то законодательство, определяющее их правовое положение как государственных служащих, не включает специальные гарантии, связанные с материнством и воспитанием детей, — такие гарантии предоставляются им на основании отсылочных норм, предусматривающих возможность применения трудового законодательства в части, не урегулированной законодательством о конкретном виде государственной службы.

Так, воспитывающим детей в возрасте до 14 лет одиноким матерям из числа прокурорских работников гарантии защиты от увольнения предоставляются на основании пункта 3 статьи 40¹ и статьи 43 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»; Федеральным законом от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» (часть 2 статьи 34) действие трудового законодательства распространено на сотрудников полиции в части, не урегулированной законодательством, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел, и данным Федеральным законом; к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, нормы трудового законодательства применяются в случаях, не урегулированных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и другими нормативными правовыми актами, регламентирующими данные правоотношения (часть 2 статьи 3 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Положений, исключающих предоставление гарантий, которые установлены для женщин в связи с рождением и воспитанием детей на случай увольнения по инициативе работодателя (представителя нанимателя, уполномоченного руководителя), ни названные федеральные законы, ни законодательство о государственной службе в целом не содержат. Как следует из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 22 ноября 2011 года № 25-П, это свидетельствует о том, что само по себе введение повышенной защиты для указанных категорий государственных служащих рассматривается законодателем как совместимое с особенностями прохождения государственной службы соответствующего вида, а правовая природа таких гарантий, направленных наряду с другими мерами государственной поддержки на защиту материнства и детства, предопределяет широкую сферу их применения.

Избранный федеральным законодателем подход согласуется с принципом социального государства, обязывающего публичную власть надлежащим образом осуществлять государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливая гарантии социальной защиты на основе общепринятых в правовом и социальном государстве стандартов и гуманитарных ценностей и обеспечивать институту семьи эффективную защиту, адекватную целям социальной и экономической политики Российской Федерации (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2007 года № 4-П и от 15 декабря 2011 года № 28-П). При этом наличие определенной специфики прохождения государственной службы того или иного вида, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в Постановлении от 15 октября 2013 года № 21-П, не может приводить к различиям в правовом положении женщин, совмещающих прохождение службы с выполнением материнских обязанностей, в зависимости от вида государственной службы; соответственно, прохождение государственной службы определенного

вида само по себе не может служить оправданием для отмены в отношении избравших ее женщин — одиноких матерей, воспитывающих детей, не достигших 14-летнего возраста, правовых гарантий, имеющих целью их защиту от увольнения в связи с сокращением численности или штата сотрудников соответствующего государственного органа.

3.2. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», устанавливая возможность сокращения должностей, замещаемых сотрудниками органов внутренних дел, определяет для таких случаев и особенности прохождения службы сотрудниками, должности которых подлежат сокращению.

Так, пункт 1 части 1 статьи 36 данного Федерального закона предусматривает возможность продолжения службы сотрудником органов внутренних дел, должность которого сокращается, на иной должности, предоставленной ему с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности. При этом часть 7 его статьи 82, закрепляя правило, в силу которого увольнение по некоторым предусмотренным в ее части 2 основаниям, в том числе в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником (пункт 11), осуществляется по инициативе одной из сторон контракта, содержит и специальную гарантию, направленную на обеспечение сотруднику органов внутренних дел возможности продолжить службу: расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по данному основанию допускается только в случае невозможности перевода или отказа сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел. Тем самым, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 9 марта 2017 года № 357-О, в системе действующего правового регулирования обеспечивается возможность — при наличии соответствующих вакантных должностей — продолжения сотрудником органов внутренних дел, должность которого подлежит сокращению, службы на равноценной или нижестоящей должности, избранной с учетом его квалификации, образования и стажа (опыта) работы по специальности.

Кроме того, в ходе проведения организационно-штатных мероприятий может быть решен вопрос о переводе сотрудника, должность которого подлежит сокращению, и на вышестоящую должность. В таком случае, как это вытекает из взаимосвязанных положений части 3 статьи 30, подпункта «а» пункта 3 части 4 статьи 33 и части 6 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по предложению уполномоченного руководителя проводится внеочередная аттестация сотрудника органов внутренних дел.

Что касается расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел в связи с сокращением замещаемой им должности по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, то оно возможно только в двух случаях, один из которых — невозможность перевода на иную должность в органах внутренних дел, которая, по буквальному смыслу части 7 статьи 82 названного Федерального закона, обуславливается отсутствием вакантных должностей, соответствующих уровню квалификации, образования сотрудника и стажу службы в органах внутренних дел (выслуге лет) либо стажу (опыту) работы по специальности. Намерение федерального законодателя

придать данной норме именно такой смысл подтверждается содержащимся в ней указанием на второй случай расторжения контракта по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя – отказ сотрудника органов внутренних дел от перевода на иную должность в органах внутренних дел. Таким образом, само по себе сокращение замещаемой сотрудником должности не влечет его безусловного увольнения, – оно выступает лишь предпосылкой расторжения служебного контракта.

То обстоятельство, что закон прямо не обязывает руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя предлагать сотруднику, чья должность подлежит сокращению, все без исключения вакантные должности, которые он с учетом уровня квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности может замещать, не означает, что при решении данного вопроса указанные должностные лица обладают неограниченной свободой усмотрения, могут действовать произвольно, выбирая вакантные должности, которые они считают возможным предложить сотруднику. В противном случае нарушался бы баланс публичных и частных интересов, а задача обеспечения эффективного функционирования органов внутренних дел, в том числе на основе максимально полного использования знаний и опыта сотрудников путем перевода их на иные должности, не была бы решена в полной мере.

Как следует из правовой позиции, изложенной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 1 марта 2017 года № 3-П, при наличии вакантных должностей в органах внутренних дел сотруднику, признанному ограниченно годным к службе или годным к службе с незначительными ограничениями, соответствующие должности (с учетом квалификационных требований по каждой из них) должны быть предложены; могут не предлагаться те вакантные должности, для замещения которых сотрудник не обладает необходимыми профессиональными качествами, либо имеются иные объективные обстоятельства, препятствующие его переводу на такие должности.

Приведенная правовая позиция в полной мере применима и к случаям сокращения должностей в органах внутренних дел, поскольку и в таких случаях сотрудник увольняется по основанию, не связанному с его виновным поведением: как прямо следует из части 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ему должна быть предоставлена возможность перевода на другую должность. При этом предполагается, что сотрудник органов внутренних дел также ответственно подходит к принятию решения о согласии на перевод либо об отказе от перевода на предложенные ему вакантные должности, действует добросовестно, руководствуется намерением продолжить службу в органах внутренних дел, стремлением реализовать свои профессиональные навыки.

4. В случае сокращения должности в органах внутренних дел замещающий ее сотрудник, который отказался от предложенной вакантной равноценной или нижестоящей должности, увольняется, как предписывает часть 4 статьи 36 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», по основанию, указанному в пункте 11 части 2 его статьи 82, – в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником. Это означает, что и расторжение контракта с сотрудником – независимо от того, отсутствуют в органах внут-

ренных дел вакантные должности либо он отказался от замещения предложенных вакантных должностей, — осуществляется по тому же основанию, связанному с проведением организационно-штатных мероприятий.

В то же время согласно пункту 3 части 3 данной статьи контракт о прохождении службы в органах внутренних дел подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел — увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел, за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным в статье 30 того же Федерального закона, а именно ее частью 3 (перевод сотрудника на вышестоящую должность рядового состава, младшего, среднего или старшего начальствующего состава по результатам аттестации и (или) конкурса, а также из кадрового резерва), пунктами 1, 3 и 6 части 5 (перевод сотрудника на равнозначную должность в связи с необходимостью замещения другой должности в интересах службы либо в порядке ротации; перевод сотрудника на равнозначную должность по личным или семейным обстоятельствам; перевод сотрудника органов внутренних дел на равнозначную должность в связи с прекращением срочного контракта), пунктом 2 части 7 (перевод сотрудника на нижестоящую должность по личным или семейным обстоятельствам) и частью 9 (перевод сотрудника при его зачислении в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме либо для подготовки и защиты диссертации на соискание ученой степени доктора наук в образовательной организации или научной организации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел).

Одновременно с установлением указанного специального основания увольнения со службы в органах внутренних дел федеральный законодатель предусмотрел в части 10 статьи 30 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и условия его применения: при невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода сотрудник подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел (за исключением перечисленных в той же статье случаев), и такое увольнение производится по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 названного Федерального закона только в тех случаях, когда иное не предусмотрено данным Федеральным законом.

Кроме того, согласно части 8 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудник органов внутренних дел вправе выбрать основание увольнения со службы в органах внутренних дел, если он может быть уволен по каким-либо двум или более из перечисленных в данной норме оснований: по истечении срока действия срочного контракта (пункт 1 части 1), по достижении предельного возраста пребывания на службе (пункт 2 части 1), по соглашению сторон (пункт 1 части 2), в связи с изменением условий контракта и отказом сотрудника от продолжения службы в органах внутренних дел (пункт 3 части 2), по выслуге лет, дающей право на получение пенсии (пункт 4 части 2), по состоянию здоровья — на основании заключения военно-врачебной комиссии об ограниченной годности к службе в органах внутренних дел и о невозможности выполнять служебные обязанности в соответствии с замещаемой должностью при отсутствии возможности перемещения по службе (пункт 8 части 2), в связи с восстановлением в должности в органах внутренних дел сотрудника, ранее замещавшего эту должность, в случае

отказа сотрудника, замещающего эту должность, от перевода на другую должность (пункт 9 части 2), в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником (пункт 11 части 2), в связи с истечением срока нахождения сотрудника в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения (пункт 12 части 2), в связи с нарушением условий контракта уполномоченным руководителем (пункт 16 части 2), в связи с болезнью – на основании заключения военно-врачебной комиссии о негодности к службе в органах внутренних дел (пункт 1 части 3), в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел (пункт 3 части 3).

Следовательно, расторжение контракта с сотрудником органов внутренних дел и его увольнение со службы по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», возможно, если только данным Федеральным законом не предусмотрены иные последствия невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел (отказа от перевода), либо если отсутствуют иные, прямо предусмотренные им основания увольнения, в большей степени соответствующие обстоятельствам, послужившим причиной увольнения, либо если данное основание увольнения выбрано самим увольняемым со службы в органах внутренних дел сотрудником в порядке реализации права, предоставленного ему частью 8 той же статьи.

Поскольку, таким образом, увольнение сотрудника органов внутренних дел в связи с невозможностью перевода или его отказом от перевода на иную должность в органах внутренних дел может производиться в тех случаях, когда Федеральным законом «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не предусмотрено специальное основание увольнения сотрудника, отказавшегося от перевода на иную должность, и осуществляется по объективным причинам (в случае отсутствия возможности перевести увольняемого сотрудника органов внутренних дел на иную равнозначную или нижестоящую должность) или по воле увольняемого сотрудника органов внутренних дел (при его отказе от замещения предложенных вакантных должностей либо в случае выбора им данного основания увольнения), данное основание увольнения обоснованно не включено в перечень оснований увольнения по инициативе руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, содержащийся в части 6 статьи 82 названного Федерального закона.

Соответственно, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель при решении вопроса об увольнении сотрудника органов внутренних дел, должность которого сокращается, связан требованиями Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», обязывающими его выбрать то основание увольнения, которое прямо предписано названным Федеральным законом для соответствующих обстоятельств увольнения (тем более если определенное основание увольнения или отнесение его к основаниям увольнения по инициативе указанных должностных лиц сопряжено с предоставлением специальных гарантий, в том числе обусловленных реализацией конституционных положений о защите материнства и детства), либо – если увольняемому сотруднику органов внутренних дел

предоставлено право выбора основания увольнения со службы — волеизъявлением самого сотрудника. В противном случае — вопреки конституционным положениям о правовом и социальном государстве и в нарушение принципов справедливости и равенства — допускался бы произвольный выбор указанными должностными лицами основания увольнения сотрудника органов внутренних дел, должность которого сокращается, ущемлялись бы права сотрудников органов внутренних дел, а сам пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» утрачивал бы качество определенности.

Между тем именно в силу принципа правовой определенности, выступающего одним из основных признаков верховенства права, избранное основание увольнения должно соответствовать тем фактическим обстоятельствам, которые послужили его причиной, что согласуется также с общим принципом реализации норм права, предполагающим, в свою очередь, соответствие имеющих место фактических обстоятельств сформулированному законодателем содержанию нормы (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2014 года № 2749-О, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 года № 8-П).

Таким образом, пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение не предполагает возможность применения предусмотренного им основания расторжения контракта по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, и тем самым — лишения ее гарантий, предоставляемых при увольнении со службы в целях защиты материнства и детства, в случае, когда при сокращении замещаемой ею должности в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий она отказывается от перевода на иную вакантную должность.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение не предполагает возможность применения предусмотренного им основания расторжения контракта по инициативе (по выбору) руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в отношении сотрудника органов внутренних дел — одинокой матери, воспитывающей ребенка в возрасте до 14 лет, в случае, когда при сокращении замещаемой ею должности в процессе осуществления организационно-штатных мероприятий она отказывается от перевода на иную вакантную должность.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности частей 1–9 статьи 36, а также частей 6 и 7 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4. Правоприменительные решения по делу гражданки Кургаевой Надежды Викторовны, основанные на пункте 3 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**17 января
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 3-П

по делу о проверке конституционности части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» в связи с запросом Арбитражного суда города Москвы и жалобой общества с ограниченной ответственностью «Проект»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктами 3 и 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97, 99, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взно-

сах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Арбитражного суда города Москвы и жалоба ООО «Проект». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку запрос Арбитражного суда города Москвы и жалоба ООО «Проект» касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А. Н. Кокотова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части 1 статьи 46 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» непредставление плательщиком страховых взносов в установленный данным Федеральным законом срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в орган контроля за уплатой страховых взносов по месту учета влечет взыскание штрафа в размере 5 процентов суммы страховых взносов, начисленной к уплате за последние три месяца отчетного (расчетного) периода, за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для его представления, но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1000 рублей. Названный Федеральный закон утратил силу с 1 января 2017 года в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» (далее – Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ), в соответствии со статьей 20 которого контроль за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, подлежащих уплате за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года, осуществляется соответствующими органами Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования Российской Федерации в порядке, действовавшем до дня вступления в силу данного Федерального закона.

1.1. В производстве Арбитражного суда города Москвы находится дело о признании недействительным решения Главного управления Пенсионного фонда Российской Федерации № 10 по городу Москве и Московской области от 26 января 2017 года о привлечении плательщика страховых взносов, уплатившего страховые взносы в срок в полном объеме, к ответственности в виде штрафа на основании части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд Российской Федерации за периоды, истекшие до 1 января 2017 года.

Арбитражный суд города Москвы, установив, что указанное решение было вынесено после утраты силы Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», и придя к выводу о том, что подлежащая применению в данном деле статья 20 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ противоречит статье 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, поскольку позволяет привлекать к ответственности, предусмотренной Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», участников правоотношений по уплате страховых взносов за периоды, предшествовавшие 1 января 2017 года, на основании закона, утратившего свою силу до момента принятия соответствующего решения, при наличии в новом законодательном регулировании сходных, но не полностью аналогичных мер ответственности, определением от 22 июня 2017 года приостановил производство по рассматриваемому делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности данной статьи.

1.2. Решением Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в городе Пскове и Псковском районе Псковской области (межрайонного) от 13 января 2017 года ООО «Проект», уплатившее страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации в срок в полном объеме, было привлечено к предусмотренной частью 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» ответственности в виде штрафа за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Арбитражный суд Псковской области решением от 13 июня 2017 года требование ООО «Проект» о признании этого решения недействительным удовлетворил частично, снизив размер штрафа с учетом смягчающих обстоятельств (в том числе с учетом отсутствия у плательщика страховых взносов задолженности по страховым взносам и совершения правонарушения впервые) и указав на отсутствие оснований для непривлечения ООО «Проект» к ответственности за совершенное правонарушение.

Нарушение частью 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьей 20 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ прав, гарантированных статьями 2, 6 (часть 2), 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 19 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, ООО «Проект» усматривает в том, что они допускают привлечение после 1 января 2017 года плательщиков

страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации к ответственности на основании нормы, утратившей силу с указанной даты, в то время как с этой даты к ним должны применяться нормы Налогового кодекса Российской Федерации, предусматривающие возможность более мягкого наказания за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд Российской Федерации в случае отсутствия задолженности по уплате таких взносов.

1.3. Как следует из статей 3 и 36, пункта 4 статьи 43, статей 74, 96, 97, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам объединений граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом и по запросам судов проверяет конституционность закона или отдельных его положений в той части, в какой они были применены или подлежат применению в конкретном деле, оценивая как буквальный смысл этих положений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и учитывая их место в системе правовых норм; если правовой акт, конституционность которого оспаривается, был отменен или утратил силу, начатое Конституционным Судом Российской Федерации производство может быть прекращено, за исключением случаев, когда акт продолжает применяться к правоотношениям, возникшим в период его действия.

Хотя часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» утратила силу с 1 января 2017 года (пункт 5 статьи 18 и статья 24 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ), уполномоченные органы продолжают применять содержащееся в ней законоположение (со ссылкой на статью 20 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ) к отношениям, возникшим до указанной даты, а потому производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», не подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статья 20 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ – постольку, поскольку на их основании решается вопрос о привлечении с 1 января 2017 года плательщиков страховых взносов к ответственности за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, подлежащим уплате за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая Россию демократическим правовым государством, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, а основополагающей конституционной обязанностью государства – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, которые могут быть ограничены только федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности

государства (статьи 1 и 2; статья 55, часть 3), предъявляет тем самым особые требования к качеству законов, опосредующих взаимоотношения граждан (физических лиц) и их объединений (юридических лиц) с публичной властью, в частности устанавливающих ограничения прав и свобод и меры юридической ответственности граждан, их объединений за совершение правонарушений, в том числе в части действия таких законов во времени.

Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, согласно статье 54 Конституции Российской Федерации обратной силы не имеет; никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением; если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Данные правила, основанные на общеправовых принципах справедливости, гуманизма и соразмерности ответственности за совершенное деяние его реальной общественной опасности, имеют универсальное для всех видов юридической ответственности значение и являются обязательными и для законодателя, и для правоприменительных органов, в том числе судов; принятие законов, устраняющих или смягчающих ответственность, по-новому определяет характер и степень общественной опасности тех или иных правонарушений и правовой статус лиц, их совершивших, вследствие чего законодатель не может не предусмотреть — исходя из конституционно обусловленной обязанности распространения действия такого рода законов на ранее совершенные деяния — механизм придания им обратной силы, а уполномоченные органы не вправе уклоняться от вынесения юрисдикционных решений об освобождении конкретных лиц от ответственности и наказания или о смягчении ответственности и наказания, оформляющих изменение статуса этих лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 14 июля 2015 года № 20-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 января 2001 года № 1-О, от 10 октября 2013 года № 1485-О, от 21 ноября 2013 года № 1903-О и др.).

Следовательно, если деяние продолжает оставаться противоправным и наказуемым, правовая норма, закреплявшая конкретный состав соответствующего правонарушения, может применяться и после утраты силы законом, ее содержащим, к деяниям, совершенным во время действия этого закона, но только если предусмотренная ею ответственность мягче, чем закрепленная положением, устанавливающим в настоящее время ответственность за то же деяние, или равна ей, и во всяком случае только в пределах установленного законом срока давности привлечения к ответственности за соответствующее правонарушение.

При установлении и изменении составов правонарушений и мер ответственности за их совершение федеральный законодатель, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, связан вытекающими из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериями пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым целям, а также обязан соблюдать гарантированный статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации принцип равенства всех перед законом, означающий, помимо прочего, что любое правонарушение, как и санкции за его совершение должны быть четко определены в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из текста нормы (в случае необходимости — с помощью толкования, данного ей судами) каждый мог предвидеть правовые последствия своих действий (бездействия); в противном случае может иметь место противоречивая правоприменительная практика, что ослабляет гарантии государственной защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений

от произвольного юрисдикционного преследования и наказания (постановления от 25 февраля 2014 года № 4-П, от 14 июля 2015 года № 20-П и др.).

3. Конституция Российской Федерации, провозглашая целью политики России как правового демократического и социального государства создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 1, часть 1; статья 7, часть 1), предусматривает, что в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты (статья 7, часть 2); каждому гарантируется социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом; государственные пенсии и социальные пособия устанавливаются законом (статья 39, части 1 и 2).

Одним из важнейших средств реализации указанных гарантий является обязательное страхование, включающее систему страховых взносов — обязательных платежей на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемых с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования, а также взносов, взимаемых с организаций в целях дополнительного социального обеспечения отдельных категорий физических лиц (пункт 3 статьи 8 Налогового кодекса Российской Федерации).

В обеспечение исполнения плательщиками страховых взносов обязанности по их уплате, вытекающей из статьи 57 Конституции Российской Федерации, федеральный законодатель на основании статей 39 (часть 1), 57, 71 (пункт «в»), 72 (пункты «б», «ж» части 1) и 76 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации предусмотрел меры государственного принуждения, которые могут быть как праввосстановительными, обеспечивающими исполнение плательщиками страховых взносов их обязанности по уплате страховых взносов, так и штрафными, возлагающими на нарушителей в качестве меры ответственности дополнительные выплаты (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2016 года № 2-П).

3.1. Полномочия по контролю за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью уплаты (перечисления) страховых взносов в государственные внебюджетные фонды и по привлечению к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах в соответствии с Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» (статьи 3, 18 и др.) до 1 января 2017 года осуществляли Пенсионный фонд Российской Федерации и его территориальные органы — в отношении страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и страховых взносов на обязательное медицинское страхование; Фонд социального страхования Российской Федерации и его территориальные органы — в отношении страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

С 1 января 2017 года в силу статьи 5 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 243-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым

органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» указанные полномочия принадлежат налоговым органам.

Так, пунктом 85 статьи 1 этого Федерального закона пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации изложен в новой редакции, согласно которой непредставление в установленный законодательством о налогах и сборах срок налоговой декларации (расчета по страховым взносам) в налоговый орган по месту учета влечет взыскание штрафа в размере 5 процентов не уплаченной в установленный законодательством о налогах и сборах суммы налога (страховых взносов), подлежащей уплате (доплате) на основании этой декларации (расчета по страховым взносам), за каждый полный или неполный месяц со дня, установленного для ее представления, но не более 30 процентов указанной суммы и не менее 1 000 рублей.

Кроме того, пунктом 80 статьи 1 данного Федерального закона изменено содержащееся в статье 106 Налогового кодекса Российской Федерации понятие налогового правонарушения, которым теперь признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействии) налогоплательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое Налоговым кодексом Российской Федерации установлена ответственность.

Иными словами, ответственность плательщика страховых взносов за непредставление в контролирующий орган в законодательно установленный для этого срок расчета по страховым взносам в виде штрафа, которая была предусмотрена частью 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», с 1 января 2017 года, т. е. без временного разрыва, установлена пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации. Притом что в данной норме Налогового кодекса Российской Федерации по-иному определен способ исчисления штрафа за указанное правонарушение и учтены перенос регулирования страховых взносов в законодательство о налогах и сборах (вследствие чего на него распространяются общие правила об ответственности за совершение налоговых правонарушений, предусмотренные названным Кодексом), а также передача полномочий по контролю за их уплатой налоговым органам, существо противоправного деяния осталось неизменным, равно как и волеизъявление законодателя о его наказуемости.

3.2. Установление в пункте 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации с 1 января 2017 года ответственности плательщика страховых взносов за непредставление в налоговый орган в законодательно закрепленный для этого срок расчета по страховым взносам, предусматривавшейся ранее частью 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», при сохранении тем самым наказуемости соответствующего деяния означает, что с 1 января 2017 года к таким правонарушениям, имевшим место до указанной даты, может применяться либо часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», либо пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации. Выбор же одного из названных законоположений для цели применения меры ответственности за соответствующее правонарушение предопределяется положениями статьи 54 Конституции Российской Федерации.

Органы Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации и суды, разрешая вопросы о возможности привлечения с 1 января 2017 года к ответственности плательщиков страховых взносов за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в соответствующие государственные внебюджетные фонды, подлежащим уплате за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года, о выборе на основе указанного критерия подлежащей применению нормы и о размере наказания, должны руководствоваться не только содержанием этих норм, но и находящимися с ними во взаимосвязи общими положениями о применении ответственности за совершение правонарушений данного вида, в том числе закрепляющими обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность.

При этом Конституционный Суд Российской Федерации воздерживается от исследования вопроса о том, возможна ли конкретная правоприменительная ситуация, при которой ответственность за деяние, указанное в части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», будет такой же или менее строгой, чем за деяние, предусмотренное пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации.

3.3. Ни оспариваемые заявителями законоположения, ни иные положения Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ не называют прямо полномочие органов Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации при привлечении с 1 января 2017 года к ответственности плательщиков страховых взносов за непредставление в установленный срок расчета по начисленным и уплаченным страховым взносам в соответствующие государственные внебюджетные фонды, подлежащим уплате за отчетные (расчетные) периоды, истекшие до 1 января 2017 года, применять пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации.

Между тем отказ от применения данного законоположения в случаях, когда в системе действующего правового регулирования и с учетом фактических обстоятельств конкретного дела оно предусматривает меньший размер штрафа, чем часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», создавал бы условия для нарушения требований Конституции Российской Федерации, ее статей 2, 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1), 54 и 55 (часть 3). Кроме того, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (постановления от 13 июня 1996 года № 14-П, от 11 марта 1998 года № 8-П, от 18 февраля 2000 года № 3-П, от 30 октября 2003 года № 15-П, от 19 апреля 2010 года № 8-П, от 22 июня 2010 года № 14-П, от 29 июня 2012 года № 16-П, от 5 декабря 2012 года № 30-П, от 16 апреля 2015 года № 8-П и от 29 ноября 2016 года № 26-П), а потому тот факт, что применение норм Налогового кодекса Российской Федерации относится к компетенции налоговых органов, не может в сложившейся нормативно-правовой ситуации рассматриваться как препятствие для их применения органами Пенсионного фонда Российской Федерации и Фонда социального страхования Российской Федерации, если это обусловлено прямым действием статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации.

4. Таким образом, положения части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ в их взаимосвязи не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что:

применение положений части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» с 1 января 2017 года к деяниям, совершенным до этой даты, т. е. во время действия данного законоположения, допустимо только в том случае, если в системе действующего правового регулирования с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исчисленный в соответствии с названным законоположением во взаимосвязи с общими положениями об ответственности за совершение таких правонарушений (в том числе с учетом Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 января 2016 года № 2-П) размер штрафа меньше или равен размеру штрафа, исчисленному в соответствии с пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с общими положениями налогового законодательства об ответственности за совершение налоговых правонарушений;

в иных случаях применению к соответствующим деяниям, в том числе судами, рассматривающими дело об оспаривании решения органа Пенсионного фонда Российской Федерации или Фонда социального страхования Российской Федерации, вынесенного на основании части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», подлежит пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статью 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование» в их взаимосвязи не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу содержащиеся в них положения предполагают, что:

применение части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицин-

ского страхования» с 1 января 2017 года к деяниям, совершенным до этой даты, т. е. во время действия данного законоположения, допустимо только в том случае, если в системе действующего правового регулирования с учетом фактических обстоятельств конкретного дела исчисленный в соответствии с названным законоположением во взаимосвязи с общими положениями об ответственности за совершение таких правонарушений размер штрафа меньше или равен размеру штрафа, исчисленному в соответствии с пунктом 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации во взаимосвязи с общими положениями налогового законодательства об ответственности за совершение налоговых правонарушений; в ином случае применению к соответствующим деяниям подлежит пункт 1 статьи 119 Налогового кодекса Российской Федерации.

2. Конституционно-правовой смысл части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”», выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу ООО «Проект», вынесенные на основании части 1 статьи 46 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» и статьи 20 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование”» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**22 января
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 4-П

по делу о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А. А. Шакировой, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба граждан А. А. Шакировой, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителями законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К. В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, включая письменные отзывы полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А. А. Клишаса и полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации жилые помещения предоставляются по договорам социального найма вне очереди гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса.

Конституционность названного законоположения оспаривают граждане А. А. Шакирова, обратившаяся в Конституционный Суд Российской Федерации в своих интересах и в интересах своих несовершеннолетних детей — Камиллы Шакировой и Карины Шакировой, являющейся ребенком-инвалидом, М. М. Шакиров, состоящий в браке с А. А. Шакировой, и их совершеннолетняя дочь А. М. Шакирова.

1.1. Распоряжением главы администрации Калининского района городского округа город Уфа от 27 ноября 2013 года семья Шакировых в составе пяти человек, как малоимущая семья, имеющая ребенка-инвалида, была

включена в список граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий. В квартире, где они проживают, зарегистрированы также мать М. М. Шакирова, его брат и племянница. Решением Калининского районного суда города Уфы от 8 июня 2015 года установлено, что супруги Шакировы и три их дочери составляют отдельную семью от матери М. М. Шакирова и от семьи его брата.

Октябрьский районный суд города Уфы, рассмотрев иск А. А. Шакировой, заявленный также в интересах несовершеннолетних Карины и Камиллы Шакировых, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой, решением от 8 декабря 2015 года обязал администрацию городского округа город Уфа предоставить им во внеочередном порядке благоустроенное жилое помещение по договору социального найма общей площадью не менее 84 кв. м с учетом того, что Карина Шакирова страдает заболеванием, включенным в Перечень тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 года № 378), и в соответствии с заключениями врачебной комиссии лечебного учреждения Министерства здравоохранения Республики Башкортостан от 6 сентября 2013 года и от 20 декабря 2014 года по состоянию здоровья имеет право на внеочередное предоставление жилого помещения и право пользования дополнительной жилой площадью.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан решение суда первой инстанции отменила и приняла по делу новое решение – об обязанности ответчика предоставить во внеочередном порядке Карине Шакировой и ее матери А. А. Шакировой благоустроенное жилое помещение по договору социального найма общей площадью не менее 42 кв. м; в удовлетворении остальной части исковых требований было отказано (апелляционное определение от 6 июня 2016 года).

В передаче кассационных жалоб А. А. Шакировой, М. М. Шакирова и А. М. Шакировой для рассмотрения в судебных заседаниях Президиума Верховного Суда Республики Башкортостан и Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отказано определением судьи Верховного Суда Республики Башкортостан от 7 сентября 2016 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2017 года соответственно.

1.2. В силу статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», конкретизирующих статью 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобу гражданина на нарушение его конституционных прав и свобод законом, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения, примененные в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, затрагивают конституционные права и свободы и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Как утверждают заявители по настоящему делу, оспариваемое ими законоположение препятствует предоставлению во внеочередном порядке жилого помещения на условиях социального найма семье с ребенком-инвали-

дом, имеющим право на получение жилого помещения в таком порядке, и тем самым нарушает статью 38 Конституции Российской Федерации, в силу которой материнство и детство, семья находятся под защитой государства (часть 1), а забота о детях, их воспитание составляют равное право и обязанность родителей (часть 2).

Соответственно, пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащегося в нем положения решается вопрос о предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, указанного в перечне соответствующих заболеваний, установленном уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти во исполнение предписания пункта 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, в случае, когда члены его семьи, с которыми он совместно проживает, состоят на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях.

2. Признавая право каждого на жилище, статья 40 Конституции Российской Федерации возлагает на органы государственной власти и органы местного самоуправления создание условий для его осуществления и предусматривает возможность предоставления жилища малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в нем, бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

Вместе с тем основания и порядок приобретения гражданами, нуждающимися в жилище, права пользования жилым помещением Конституцией Российской Федерации не определены, — согласно ее статье 72 (пункт «к» части 1) соответствующее правовое регулирование является прерогативой законодателя, который в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий вправе определять категории таких граждан, а также конкретные формы, источники и порядок обеспечения их жильем с учетом реальных финансово-экономических и иных возможностей, имеющихся у государства (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 года № 509-О-О, от 24 декабря 2012 года № 2280-О, от 23 декабря 2014 года № 2960-О, от 26 января 2017 года № 187-О и др.).

В развитие приведенных положений Конституции Российской Федерации Жилищный кодекс Российской Федерации наделяет правом получить жилое помещение из муниципального жилищного фонда по договору социального найма малоимущих граждан, признанных нуждающимися в таких жилых помещениях по установленным данным Кодексом основаниям (часть 2 статьи 49), а из жилищного фонда Российской Федерации или жилищного фонда субъекта Российской Федерации — ряд иных категорий граждан, указанных в части 3 статьи 49 данного Кодекса; при этом критериями, при наличии которых граждане признаются таковыми, выступают, по общему правилу, фактическое наличие у них жилого помещения и его характеристики — площадь и пригодность для проживания (пункты 1–3 части 1 статьи 51).

В отдельную категорию нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, Жилищный кодекс Российской Федерации выделяет граждан (и членов их семей), проживающих в квартире, занятой несколькими семьями, если в составе семьи имеется больной, страдающий тяжелой формой хронического заболевания, при которой совместное с ним проживание в одной квартире невозможно, из числа заболеваний, входящих в перечень, утверждаемый Правительством Российской Федерации (пункт 4 части 1 статьи 51). Будучи исключением из общего правила, позволяющим таким гражданам встать на учет независимо от ха-

рактических занимаемого ими жилого помещения, данная гарантия установлена как в интересах самих граждан, страдающих соответствующими заболеваниями, так и в интересах иных лиц, проживающих с ними в одной квартире в составе других семей (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 года № 187-О).

Принимая во внимание ограниченность финансовых возможностей публичной власти, федеральный законодатель закрепил в статье 57 Жилищного кодекса Российской Федерации также в качестве общего правила, что жилые помещения по договорам социального найма предоставляются гражданам, состоящим на учете как нуждающиеся в жилых помещениях, в порядке очередности исходя из времени их принятия на такой учет (часть 1). Тем самым, как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 9 февраля 2017 года № 215-О, обеспечивается справедливое распределение жилых помещений из жилищного фонда социального использования.

Исключением из этого правила является часть 2 той же статьи, предусматривающая внеочередное предоставление жилых помещений по договорам социального найма гражданам, жилые помещения которых признаны в установленном порядке непригодными для проживания и ремонту или реконструкции не подлежат (пункт 1), а также гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса перечне (пункт 3). Будучи дополнительной гарантией права на жилище для граждан, нуждающихся в особой поддержке государства, данная норма — с учетом того, что федеральный законодатель при реализации своих полномочий исходит из имеющихся у государства возможностей, — направлена на защиту интересов таких граждан и потому не может расцениваться как нарушающая какие-либо конституционные права и свободы (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2013 года № 36-О, от 25 февраля 2013 года № 192-О, от 23 апреля 2013 года № 636-О, от 20 февраля 2014 года № 386-О, от 20 марта 2014 года № 560-О, от 17 июля 2014 года № 1662-О, от 29 сентября 2016 года № 2092-О, от 9 февраля 2017 года № 215-О и др.).

Вместе с тем подобные гарантии — в силу конституционных требований недопустимости издания в Российской Федерации законов, отменяющих или умаляющих права граждан, а также принципов равенства и справедливости, поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, на необходимость соблюдения которых неоднократно обращал внимание законодателя Конституционный Суд Российской Федерации (постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 29 января 2004 года № 2-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 23 апреля 2012 года № 10-П, от 30 января 2013 года № 3-П и др.), — должны быть реальными, т. е. выполнимыми с точки зрения достигнутого уровня социально-экономического развития общества. С учетом этих требований, а также предписания статьи 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не допускающей при осуществлении прав и свобод человека и гражданина ущемления прав и свобод других лиц (в данном случае — имеющих право на предоставление жилого помещения на иных основаниях), пунктом 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено, что жилое помещение по договору социального найма предоставляется во внеочередном порядке именно гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, но не его семье.

Такое законодательное решение имеет целью не только обеспечить скорейшее отселение этих граждан (независимо от других оснований их постановки на учет нуждающихся в предоставлении жилого помещения), но и

удовлетворить потребность в отдельном жилье как можно большего их числа при соблюдении принципа равенства и справедливости в отношении иных граждан, также нуждающихся в жилых помещениях, и само по себе не может расцениваться как нарушающее конституционное право на жилище как самого гражданина, получающего жилое помещение вне очереди, так и членов его семьи, которые не лишаются возможности быть принятыми на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, на общих основаниях.

3. Согласно Конституции Российской Федерации в России как социальном государстве обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, устанавливаются гарантии социальной защиты (статья 7), материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (статья 38, части 1 и 2).

Право каждого ребенка на меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства, провозглашается в Международном пакте о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 24). Согласно Декларации прав ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1959 года) ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту; ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании; он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью.

Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года) обязывает подписавшие ее государства обеспечивать детям такую защиту и заботу, которые необходимы для их благополучия, а суды, административные или законодательные органы во всех действиях в отношении детей – уделять первоочередное внимание наилучшему обеспечению интересов ребенка и обеспечивать ему защиту и заботу, возлагает на родителя (родителей) или других лиц, воспитывающих ребенка, основную ответственность за обеспечение в пределах их способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для его развития (пункты 1 и 2 статьи 3, пункт 1 статьи 18 и пункт 2 статьи 27). Одновременно Конвенция требует от государств-участников уважать ответственность, права и обязанности родителей должным образом руководить ребенком при осуществлении им своих прав исходя из принципа общей и одинаковой ответственности обоих родителей за его воспитание и развитие, равно как и уважать право ребенка на сохранение семейных связей, не допуская противозаконного вмешательства, с тем чтобы он не разлучался со своими родителями вопреки их желанию, кроме случаев применения компетентными органами, согласно судебному решению, основанных на законе процедур, обусловленных необходимостью такого разлучения в наилучших интересах ребенка (статья 5, пункт 1 статьи 8, пункт 1 статьи 9 и статья 18).

Конкретизируя предписания статей 7 (часть 1), 38 (часть 2) и 40 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьей 60, согласно которой гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет, и корреспондирующие этим предписаниям приведенные положения международно-правовых актов, предполагающих, помимо прочего, предпочтительность совместного проживания родителей со своими несовершеннолетними детьми и, соответственно, возлагающих на государство ответственность за создание для этого необходимых условий, федеральный законодатель ввел в

правовое регулирование правила, касающиеся места жительства несовершеннолетних, не достигших четырнадцати лет, и граждан, находящихся под опекой, каковым признается место жительства их законных представителей – родителей, усыновителей или опекунов (пункт 2 статьи 20 ГК Российской Федерации и пункт 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации).

Таким образом, действующее законодательство, учитывая физическую и умственную незрелость несовершеннолетнего ребенка, а в отношении ребенка-инвалида – также необходимость постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, исходит из того, что местом жительства ребенка является место жительства его семьи (законного представителя), и устанавливает обязанность родителей (иных законных представителей) проживать совместно с ребенком.

4. Как указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, провозглашенные в Конституции Российской Федерации цели социальной политики России определяют обязанность государства заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и обеспечении нормальных условий существования; федеральный законодатель – исходя из того, что несовершеннолетние дети, по общему правилу, находятся на попечении родителей, которые вправе и обязаны действовать в их интересах в качестве законных представителей, – должен устанавливать эффективные механизмы, гарантирующие приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетних, восстановление нарушенных прав ребенка, недопущение их дискриминации; законодательное регулирование отношений в жилищной сфере, участниками которых являются собственник жилого помещения и проживающие совместно с ним несовершеннолетние члены его семьи, должно быть направлено на обеспечение возможности использования дифференцированного подхода к оценке возникающих жизненных ситуаций, с тем чтобы избежать необоснованного ограничения конституционных прав и свобод (постановления от 16 декабря 1997 года № 20-П и от 8 июня 2010 года № 13-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О и от 9 февраля 2017 года № 215-О).

Несовершеннолетние дети, страдающие заболеваниями, указанными в Перечне тяжелых форм хронических заболеваний, при которых невозможно совместное проживание граждан в одной квартире (утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 16 июня 2006 года № 378), в частности дети-инвалиды, тем более нуждаются в том, чтобы им были обеспечены условия для полноценного развития и интеграции в общество. В этих целях при осуществлении правового регулирования общественных отношений с участием инвалидов необходимо учитывать их интересы и потребности как лиц, нуждающихся в повышенной социальной защите, что предполагает не только создание специальных правовых механизмов, предоставляющих инвалидам дополнительные преимущества и гарантирующих им право на равные с другими гражданами возможности при реализации конституционных прав, но и введение мер социальной поддержки для лиц, осуществляющих социально значимую функцию воспитания детей-инвалидов и ухода за ними, связанную с повышенными психологическими и эмоциональными нагрузками, физическими и материальными затратами, с тем чтобы определенным образом компенсировать таким лицам соответствующие обременения, возникающие в связи с необходимостью обеспечивать особые нужды и потребности детей-инвалидов, обусловленные их возрастом и состоянием здоровья.

Исходя из приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в постановлениях от 1 июля 2014 года № 20-П и от 27 июня 2017 года № 17-П, и с учетом природы России как

социального государства, обязанного обеспечивать охрану семьи и права ребенка, предоставление жилого помещения в порядке, предусмотренном пунктом 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, в расчете лишь на самого несовершеннолетнего, страдающего тяжелой формой хронического заболевания из числа указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, фактически приводило бы либо к отказу от использования данной льготы, либо – при ее использовании – к существенным затруднениям в реализации родителями прав и обязанностей, возлагаемых на них Конституцией Российской Федерации и законом, и тем самым поощряло бы нарушение прав как самих несовершеннолетних, так и их родителей, а следовательно, лишало бы смысла закрепление в жилищном законодательстве права на получение вне очереди жилого помещения по договору социального найма применительно к несовершеннолетним, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, делая его иллюзорным, что противоречило бы статьям 7, 38 (части 1 и 2), 40 (часть 1) и 41 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, на основании которого несовершеннолетним гражданам, страдающим тяжелыми формами хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 данного Кодекса, предоставляются вне очереди жилые помещения по договорам социального найма, по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования обязывает правоприменительные органы при принятии соответствующих решений обеспечивать баланс прав и законных интересов таких несовершеннолетних, их родителей и других проживающих совместно с ними в одном жилом помещении лиц, в том числе несовершеннолетних детей, а также граждан, включенных администрацией муниципального образования в список нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Это означает, что пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации во всяком случае не предполагает вынесения решения о предоставлении несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, жилого помещения без учета того, что он не может быть лишен возможности получать должный уход и воспитание, т. е. без учета необходимости постоянного обеспечения его особых нужд и потребностей, а следовательно, проживания в предоставляемом ему жилом помещении по крайней мере еще одного взрослого члена семьи. Не может данное законоположение рассматриваться и как препятствующее предоставлению жилого помещения исходя из необходимости проживания несовершеннолетнего вместе с членами его семьи, если при оценке обстоятельств конкретного дела правоприменительный орган придет к выводу, что для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество определяющим (предпочтительным) будет именно их совместное проживание, однако при принятии такого решения должны приниматься во внимание как права других членов семьи на благоприятные условия проживания, так и наличие у публичного образования возможности предоставления жилого помещения соответствующей площади.

Признание пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации не препятствует федеральному законодателю – в целях обеспечения баланса прав несовершеннолетнего, страдающего тяжелой формой хронического заболевания, его родителей, других членов его семьи, проживающих совместно с ним в одном жилом помещении, а также прав иных граждан, включенных администрацией муниципального образования в список нуждающихся в улучшении жилищных условий, – внести изменения в регулирование порядка

внеочередного предоставления жилых помещений по договорам социального найма в связи с наличием у несовершеннолетних тяжелых форм хронических заболеваний, указанных в перечне, предусмотренном пунктом 4 части 1 статьи 51 Жилищного кодекса Российской Федерации, не исключая как прямое распространение действия пункта 3 части 2 его статьи 57 на семьи с детьми-инвалидами, страдающими соответствующими заболеваниями, так и установление иных способов защиты их прав.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку содержащееся в нем положение по своему конституционно-правовому смыслу:

предполагает вынесение решения о внеочередном предоставлении жилого помещения по договору социального найма несовершеннолетнему гражданину, страдающему тяжелой формой хронического заболевания, указанного в перечне, предусмотренном пунктом 4 части первой статьи 51 данного Кодекса, с учетом площади, необходимой для проживания в нем также по крайней мере одного взрослого члена семьи, осуществляющего уход за этим несовершеннолетним;

само по себе не может служить основанием для отказа в предоставлении жилого помещения несовершеннолетнему гражданину, страдающему соответствующим заболеванием, с учетом необходимости проживания в нем также его родителей и других членов семьи, если, исходя из обстоятельств конкретного дела, их совместное проживание является определяющим для состояния здоровья несовершеннолетнего, его развития и интеграции в общество и при наличии у публичного образования фактических возможностей для предоставления жилого помещения соответствующей площади.

2. Конституционно-правовой смысл пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное его истолкование в правоприменительной практике.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении граждан Шакировой Альбины Анатольевны, Шакирова Марата Маснавиевича, Шакировой Адели Маратовны, Шакировой Карины Маратовны и Шакировой Камиллы Маратовны на основании пункта 3 части 2 статьи 57 Жилищного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с его конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

29 января
2018 года,
город Санкт-
Петербург

№ 5-П

по делу о проверке конституционности
положений статей 181⁴ и 181⁵
Гражданского кодекса Российской
Федерации и части 1 статьи 158
Жилищного кодекса Российской
Федерации в связи с жалобой
гражданина С. А. Логинова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 181⁴ и 181⁵ ГК Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина С. А. Логинова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика С. П. Маврина, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу – гражданин С. А. Логинов оспаривает конституционность статьи 181⁴ ГК Российской Федерации, предусматривающей основания и порядок признания недействительным оспоримого решения собрания гражданско-правового сообщества, статьи 181⁵ данного Кодекса, устанавливающей основания ничтожности решения собрания гражданско-правового сообщества, и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которой собственник помещения в многоквартирном доме обязан нести расходы на содержание принадлежащего ему помещения, а также участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт; уплата дополнительных взносов, предназначенных для финансирования расходов на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирном доме, осуществляется собственниками помещений в многоквартирном доме в случае, предусмотренном частью 1¹ данной статьи.

1.1. Решением Железнодорожного районного суда города Ростова-на-Дону от 16 декабря 2016 года, оставленным без изменения апелляционным

определением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 13 марта 2017 года, за С. А. Логиновым признано право собственности на однокомнатную квартиру, расположенную в многоквартирном доме, на основании заключенного им с ООО «Центр строительных технологий» 30 октября 2012 года договора участия в долевом строительстве.

В качестве способа управления указанным многоквартирным домом решением общего собрания собственников помещений в нем и участников долевого строительства от 19 марта 2016 года было определено товарищество собственников недвижимости, создано товарищество собственников недвижимости «Магнитогорская, 3/28б» и установлены следующие размеры обязательных платежей для собственников помещений в данном многоквартирном доме: 25 рублей с 1 кв. м квартиры, 10 рублей с 1 кв. м машино-места и 14 рублей с 1 кв. м коммерческого помещения.

Железнодорожный районный суд города Ростова-на-Дону решением от 23 ноября 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Ростовского областного суда от 15 февраля 2017 года, отказал С. А. Логинову в удовлетворении требования о признании решения общего собрания от 19 марта 2016 года недействительным. Суды не согласились с доводами заявителя, полагавшего, что это решение принято с нарушением процедурных норм и ставит собственников жилых помещений в невыгодное положение по сравнению с собственниками коммерческих помещений, не усмотрели существенных нарушений процедуры проведения общего собрания и сослались на отсутствие в действующем законодательстве как запрета на установление его решением дифференцированных ставок платы за содержание общего имущества в многоквартирном доме в зависимости от назначения и размещения помещений (жилое, нежилое), так и прямого указания на ничтожность такого рода решений. В передаче кассационной жалобы С. А. Логинова для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации также отказано (определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 года).

По мнению заявителя, оспариваемые им законоположения противоречат статьям 6 (часть 2) и 19 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой, не предусматривая запрет установления решением общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме дифференцированных ставок платы за содержание общего имущества в зависимости от назначения и размещения помещений (жилое, нежилое), они препятствуют признанию судом недействительным (применению последствий ничтожности) подобных решений.

1.2. В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод законом и такая жалоба признается допустимой, если оспариваемый закон применен в деле заявителя, рассмотрение которого завершено в суде, и если этим законом затрагиваются конституционные права и свободы (статьи 96 и 97); несоблюдение указанных условий является основанием для отказа в принятии жалобы к рассмотрению, а если такое основание будет выявлено в ходе заседания, то Конституционный Суд Российской Федерации прекращает производство по делу (статьи 43 и 68). Поскольку, как следует из приложенных к жалобе С. А. Логинова документов, пункты 2, 4, 5 и 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации в деле заявителя непосредственно не применялись, производство по настоящему делу в

части, касающейся проверки их конституционности, подлежит прекращению.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 названного Федерального конституционного закона предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются пункты 1, 3 и 7 статьи 181⁴, статья 181⁵ ГК Российской Федерации и часть 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации – постольку, поскольку на их основании решается вопрос о возможности признания недействительным (применения последствий ничтожности) решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, устанавливающего различные размеры платы за содержание общего имущества в таком доме для собственников жилых и нежилых помещений.

2. Согласно Конституции Российской Федерации в России признаются и защищаются равным образом все формы собственности; право частной собственности относится к основным правам человека и подлежит защите со стороны государства наряду с другими правами и свободами человека и гражданина, которые обеспечиваются правосудием, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, а также местного самоуправления (статья 8, часть 2; статья 18). Исходя из этого статья 35 Конституции Российской Федерации предписывает, что право частной собственности охраняется законом (часть 1); каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами (часть 2).

Приведенным положениям Конституции Российской Федерации, выражающим один из основополагающих аспектов верховенства права – общепризнанный в демократических государствах принцип неприкосновенности собственности, выступающий гарантией права собственности во всех его составляющих, корреспондируют положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом; никто не может быть лишен своего имущества кроме как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права; государство вправе обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами (статья 1 Протокола № 1).

При осуществлении на основании статьи 71 (пункты «в», «о») Конституции Российской Федерации правового регулирования отношений собственности федеральному законодателю, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, надлежит руководствоваться фундаментальными принципами верховенства права и юридического равенства, в силу которых вмешательство государства в эти отношения не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает соблюдение разумной соразмерности между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению (постановления от 16 июля 2008 года № 9-П, от 31 января 2011 года № 1-П и др.); действуя в рамках предоставленных ему Конституцией Российской Федерации дискреционных полномочий, федеральный законодатель должен иметь в виду и вытекающее из взаимосвязанных положений статей 7 (часть 1), 8 (часть 2) и 17 (часть 3) Конституции Российской Федерации требование о необходимости соотношения принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц, обуславливающее

право собственника по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, если они не противоречат закону и иным правовым актам и не нарушают права и законные интересы третьих лиц; тем самым право собственности в пределах, определенных Конституцией Российской Федерации, предполагает не только возможность реализации собственником составляющих это право правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом в своих интересах, но и несение бремени содержания принадлежащего ему имущества, в том числе в целях предотвращения причинения вреда другим лицам; соответственно, регламентируя содержание права собственности и обеспечивая защиту прав и законных интересов других лиц, а также принадлежащих им благ посредством возложения на собственников дополнительных обязанностей и обременений, связанных с обладанием имуществом, федеральный законодатель должен учитывать особенности этого имущества (постановления от 31 мая 2005 года № 6-П и от 22 апреля 2011 года № 5-П; определения от 16 апреля 2009 года № 495-О-О, от 24 декабря 2012 года № 2353-О и др.).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации признает в качестве самостоятельных объектов недвижимого имущества в многоквартирном доме как жилые, так и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств машино-места (пункт 1 статьи 130).

Согласно правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 12 апреля 2016 года № 10-П, поскольку сам факт существования и сохранность каждого из помещений в многоквартирном доме обусловлены существованием и состоянием самого дома (здания), наличие права собственности на помещения в нем обуславливает и наличие права общей долевой собственности собственников этих помещений на общее имущество в таком доме, в том числе на общие нежилые помещения, несущие конструкции дома, сети и системы инженерно-технического обеспечения (статья 290 ГК Российской Федерации и статья 36 Жилищного кодекса Российской Федерации); в силу того что участники общей долевой собственности обязаны соразмерно своей доле в праве общей собственности на общее имущество участвовать в уплате налогов, сборов и иных платежей по этому имуществу, а также в издержках по его содержанию и сохранению (статья 249 ГК Российской Федерации), несение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме (фактически – здания и его конструктивных элементов) для каждого из собственников помещений в этом доме составляет не просто неотъемлемую часть бремени содержания принадлежащего ему имущества (статья 210 ГК Российской Федерации), но и обязанность, которая вытекает из факта участия в праве собственности на общее имущество и которую участник общей долевой собственности несет, в частности, перед другими ее участниками, чем обеспечивается сохранность как каждого конкретного помещения в многоквартирном доме, так и самого дома в целом.

Исходя из общего принципа гражданского законодательства о несении собственником бремени содержания принадлежащего ему имущества Жилищный кодекс Российской Федерации устанавливает для всех собственников жилых помещений в многоквартирном доме обязанность не только нести расходы на содержание принадлежащих им помещений, но и участвовать в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество путем внесения, во-первых, платы за содержание жилого помещения, т. е. за услуги, работы по управлению многоквартирным домом, за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, а также за коммунальные ресурсы, потребляемые при использовании и содержании общего иму-

щества, и, во-вторых, взносов на капитальный ремонт (часть 3 статьи 30, часть 1 статьи 39, пункты 1 и 2 части 2 статьи 154, часть 1 статьи 158); при этом доля обязательных расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, бремя которых несет собственник помещения в таком доме, определяется его долей в праве общей собственности на общее имущество, которая, в свою очередь, пропорциональна размеру общей площади принадлежащего ему помещения в этом доме (часть 1 статьи 37, часть 2 статьи 39).

Как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, нормы Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливающие в рамках регулирования отношений по содержанию общего имущества в многоквартирном доме обязательное участие собственников помещений в расходах по его содержанию и ремонту, направлены на поддержание дома в состоянии, отвечающем санитарным и техническим требованиям, что соответствует общим интересам собственников помещений (определения от 21 октября 2008 года № 805-О-О, от 22 апреля 2014 года № 947-О, от 26 мая 2016 года № 959-О и др.); справедливое распределение необходимых расходов между ними как участниками общей собственности обеспечивается частью 2 статьи 39 Жилищного кодекса Российской Федерации, которая в системной связи со статьей 249 ГК Российской Федерации и частью 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации закрепляет принцип соответствия обязательных расходов собственника помещения в многоквартирном доме его доле в праве общей собственности на общее имущество, что согласуется с предписаниями статьи 19 Конституции Российской Федерации, и которая не предполагает – с учетом части 1 статьи 37 Жилищного кодекса Российской Федерации – произвольного определения размера платы за содержание жилого помещения и взносов на капитальный ремонт многоквартирного дома (Определение от 26 октября 2017 года № 2390-О).

Соответственно, не может рассматриваться как не согласующееся с конституционными предписаниями и возложение расходов по содержанию общего имущества в многоквартирном доме не только на собственников жилых помещений в таком доме, но и на лиц, в собственности которых находятся расположенные в нем нежилые помещения и которые также заинтересованы в поддержании дома в надлежащем состоянии, а потому лица данной категории наряду с собственниками жилых помещений обязаны вносить соответствующие платежи соразмерно своей доле в праве общей собственности на это имущество.

4. Согласно пункту 1 статьи 290 ГК Российской Федерации собственникам квартир в многоквартирном доме принадлежат на праве общей долевой собственности общие помещения дома, несущие конструкции дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование за пределами или внутри квартиры, обслуживающее более одной квартиры. Названное законоположение конкретизируется Жилищным кодексом Российской Федерации, часть 1 статьи 36 которого относит к общему имуществу в многоквартирном доме следующие объекты: помещения в данном доме, не являющиеся частями квартир и предназначенные для обслуживания более одного помещения, в том числе межквартирные лестничные площадки, лестницы, лифты, лифтовые и иные шахты, коридоры, технические этажи, чердаки, подвалы, в которых имеются инженерные коммуникации, иное обслуживающее более одного помещения оборудование (технические подвалы); иные помещения в данном доме, не принадлежащие отдельным собственникам и предназначенные для удовлетворения социально-бытовых потребностей собственников помещений, включая помещения, предназначенные для организации их досуга, культурного развития, детского

творчества, занятий физической культурой и спортом и подобных мероприятий; крыши, ограждающие несущие и ненесущие конструкции данного дома, механическое, электрическое, санитарно-техническое и иное оборудование, находящееся в доме за пределами или внутри помещений и обслуживающее более одного помещения; земельный участок, на котором расположен данный дом, с элементами озеленения и благоустройства, иные предназначенные для обслуживания, эксплуатации и благоустройства дома и расположенные на указанном земельном участке объекты.

На основе приведенных положений гражданского и жилищного законодательства Правительство Российской Федерации во исполнение полномочий, возложенных на него частью 3 статьи 39 и частью 1² статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации, постановлением от 13 августа 2006 года № 491 утвердило Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме, устанавливающие, в частности, порядок определения состава общего имущества в многоквартирном доме и исчисления размера расходов на его содержание, а постановлением от 3 апреля 2013 года № 290 – Правила оказания услуг и выполнения работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме, и минимальный перечень таких услуг и работ. Под содержанием общего имущества в многоквартирном доме, как разъяснил – в целях обеспечения единства практики применения судами соответствующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации и Жилищного кодекса Российской Федерации, а также изданных в соответствии с ними нормативно-правовых актов Правительства Российской Федерации – Пленум Верховного Суда Российской Федерации, понимается комплекс работ и услуг, направленных на его поддержание в состоянии, обеспечивающем соблюдение характеристик надежности и безопасности многоквартирного дома, безопасность для жизни и здоровья граждан, сохранность их имущества, доступность пользования жилыми и (или) нежилыми помещениями, помещениями общего пользования, а также земельным участком, на котором расположен многоквартирный дом, постоянную готовность инженерных коммуникаций, приборов учета и другого оборудования, входящих в состав общего имущества, для предоставления коммунальных услуг (пункт 14 постановления от 27 июня 2017 года № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности»).

Конкретная форма участия собственников помещений в расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме зависит от способа управления многоквартирным домом (либо непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме, если количество квартир в нем составляет не более чем тридцать, либо управление товариществом собственников жилья, жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, либо управление управляющей организацией), который выбирается на общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме и может быть изменен в любое время его же решением (пункт 4 части 2 статьи 44, части 2 и 3 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации).

Исходя из этого Правила содержания общего имущества в многоквартирном доме закрепляют обязанность собственников помещений нести бремя соответствующих расходов соразмерно их долям в праве общей собственности на это имущество: либо путем внесения платы за содержание жилого помещения в многоквартирном доме – в случае управления многоквартирным домом управляющей организацией или непосредственно собственни-

ками помещений, либо путем внесения обязательных платежей и взносов — в случае управления многоквартирным домом товариществом собственников жилья, жилищным, жилищно-строительным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом; собственники же помещений, не являющиеся членами указанных организаций, вносят плату за содержание жилого помещения в соответствии с частью 6 статьи 155 Жилищного кодекса Российской Федерации (пункт 28).

Кроме того, названные Правила в развитие положений части 8 статьи 155 и частей 7 и 8 статьи 156 Жилищного кодекса Российской Федерации предусматривают, что при определении размера платы за содержание жилого помещения, которую обязаны вносить собственники помещений, выбравшие для управления многоквартирным домом управляющую организацию, соответствующее решение общего собрания собственников помещений в таком доме принимается на срок не менее чем один год с учетом предложений управляющей организации; указанный размер платы устанавливается одинаковым для всех собственников помещений (пункт 31); при непосредственном управлении многоквартирным домом собственниками помещений размер платы за содержание жилого помещения соответствует размеру платы за услуги и работы по договорам, заключенным собственниками помещений с лицами, оказывающими услуги и (или) выполняющими работы на основании решения (решений) общего собрания собственников помещений (пункт 32); размер же обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, для собственников помещений, являющихся членами товарищества собственников жилья, жилищного, жилищно-строительного или иного специализированного потребительского кооператива, а также размер платы за содержание жилого помещения для собственников помещений, не являющихся членами указанных организаций, определяются органами управления товарищества собственников жилья либо органами управления жилищного, жилищно-строительного или иного специализированного потребительского кооператива на основе утвержденной этими органами сметы доходов и расходов на содержание общего имущества на соответствующий год (пункт 33); при этом размеры платы за содержание жилого помещения и размеры обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества, должны быть соразмерны утвержденному перечню, объемам и качеству услуг и работ, необходимых для обеспечения надлежащего содержания общего имущества в многоквартирном доме (пункт 35).

Что касается платы за содержание жилого помещения для собственников жилых помещений, не принявших решение о выборе способа управления многоквартирным домом или об установлении размера платы за содержание жилого помещения, то ее размер, как следует из части 3 статьи 156 и части 4 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации, устанавливается органами местного самоуправления (в субъектах Российской Федерации — городах федерального значения Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе — органом государственной власти соответствующего субъекта Российской Федерации, если законом соответствующего субъекта Российской Федерации не установлено, что данные полномочия осуществляются органами местного самоуправления внутригородских муниципальных образований). При этом в отношении многоквартирных домов, управление которыми — в случаях, когда собственниками помещений в таких домах не выбран способ управления или принятые этими собственниками решения о выборе способа управления многоквартирными домами не были реализованы, — осуществляют управляющие организации, отобранные органами местного самоуправления по результатам открытого конкурса, действуют Правила проведения органом местного самоуправления открытого конкурса по

отбору управляющей организации для управления многоквартирным домом (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2006 года № 75, принятым в соответствии с частью 4 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации), прямо предписывающие, что плата за содержание и ремонт жилого помещения устанавливается в одинаковом для собственников жилых и нежилых помещений в многоквартирном доме размере, причем сама эта плата должна включать в себя плату за работы и услуги по управлению многоквартирным домом, а также содержанию, текущему и капитальному ремонту общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме (пункт 2).

Таким образом, применительно к многоквартирным домам, управление которыми осуществляют непосредственно собственники помещений в этих домах либо товарищества собственников жилья, жилищные или иные специализированные потребительские кооперативы, не установлены какие-либо конкретные правила, предписывающие или, напротив, исключающие возможность учета особенностей помещений в многоквартирном доме, обусловленных в том числе их назначением, при определении конкретного размера платежей, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в таком доме, которые обязаны нести собственники как жилых, так и нежилых помещений. Тем самым в рамках действующего правового регулирования при принятии решений, связанных с управлением многоквартирным домом, обеспечивается свобода волеизъявления различных категорий собственников помещений в таком доме исходя из необходимости соблюдения баланса их интересов и конкретных обстоятельств, обуславливающих необходимость несения ими бремени соответствующих расходов.

5. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, реализация имущественных прав осуществляется на основе общеправовых принципов неприкосновенности собственности и свободы договора, предполагающих равенство, автономию воли и имущественную самостоятельность участников гражданско-правовых отношений, а также недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (постановления от 6 июня 2000 года № 9-П, от 10 апреля 2003 года № 5-П и др.); вместе с тем конституционный принцип равенства сам по себе не исключает возможность установления различных правовых условий для различных категорий субъектов права, однако такие различия не могут быть произвольными и должны основываться на объективных характеристиках соответствующих категорий субъектов (Постановление от 27 апреля 2001 года № 7-П, Определение от 14 декабря 2004 года № 451-О и др.).

Соответственно, собственникам помещений в многоквартирном доме при установлении решением общего собрания размера платы за содержание жилого помещения, включающей в себя в том числе плату за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме (в частности, в случае управления многоквартирным домом непосредственно собственниками помещений), либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме (например, в случае, когда такое решение принимается одновременно с решением о создании товарищества собственников жилья), следует в первую очередь учитывать, что платежи, обязанность по внесению которых возлагается на всех собственников помещений в многоквартирном доме, должны быть достаточными для финансирования услуг и работ, необходимых для поддержания дома в состоянии, отвечающем санитарным и техническим требованиям. При этом законодательно установленный критерий распределения бремени расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, а именно доля конкретного собственника в праве общей собственности на общее имущество в многоквартирном доме, сам по

себе не исключает возможность учета при принятии указанного решения особенностей соответствующих помещений (в частности, их назначения), а также иных объективных обстоятельств, которые — при соблюдении баланса интересов различных категорий собственников помещений в многоквартирном доме — могут служить достаточным основанием для изменения долей их участия в обязательных расходах по содержанию общего имущества (соотношение общей площади жилых и нежилых помещений в конкретном доме, характер использования нежилых помещений и т. д.).

Подобный подход позволяет обеспечить на основе автономии воли собственников помещений в многоквартирном доме принятие ими решения об установлении размера платы за содержание жилого помещения либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, с опорой на конкретные характеристики соответствующих помещений и условия их использования, притом что выбор дополнительных критериев для определения долей участия собственников того или иного вида помещений в обязательных расходах по содержанию общего имущества в многоквартирном доме не должен осуществляться произвольно, а основанная на этих критериях дифференциация размеров соответствующих платежей не должна приводить к недопустимым различиям в правовом положении собственников помещений в многоквартирном доме, относящихся к одной и той же категории.

В то же время при принятии такого решения лица, участвующие в общем собрании собственников помещений в многоквартирном доме, должны руководствоваться положениями статьи 10 ГК Российской Федерации, закрепляющими презумпцию добросовестного поведения участников гражданских правоотношений и разумности их действий, на что прямо указано в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 года № 22 «О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащего им на праве собственности», согласно пункту 16 которого утвержденный общим собранием собственников размер платы за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, услуги и работы по управлению таким домом не может устанавливаться произвольно, должен обеспечивать содержание общего имущества в многоквартирном доме в соответствии с предписаниями законодательства и отвечать требованиям разумности.

6. Решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме, в том числе по вопросу об установлении размера платы за содержание жилого помещения либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, по своей природе относятся к решениям гражданско-правового сообщества, под которым понимается определенная группа лиц, наделенная полномочиями принимать на своих собраниях решения, с которыми закон связывает гражданско-правовые последствия, обязательные для всех субъектов, имеющих право участвовать в таком собрании, а также для иных лиц, если это установлено законом или вытекает из существа отношений (пункт 2 статьи 181¹ ГК Российской Федерации, пункт 103 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации правила его главы 9¹ «Решения собраний» применяются к различным решениям гражданско-правового сообщества постольку, поскольку законом или в уста-

новленном им порядке не предусмотрено иное (пункт 1 статьи 181¹). В отношении решений общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме такое специальное регулирование содержится в Жилищном кодексе Российской Федерации, глава 6 которого в числе прочего определяет компетенцию общего собрания, формы и порядок его проведения, включая голосование по вопросам повестки дня, а также порядок принятия и обжалования его решений. В частности, решение, принятое общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме с нарушением требований данного Кодекса, согласно части 6 его статьи 46 может быть обжаловано в суд собственником помещения в этом доме в случае, если он не принимал участия в общем собрании или голосовал против принятия такого решения и если таким решением нарушены его права и законные интересы; соответствующее заявление может быть подано в суд в течение шести месяцев со дня, когда указанный собственник узнал или должен был узнать о принятом решении; суд с учетом всех обстоятельств дела вправе оставить в силе обжалуемое решение, если голосование указанного собственника не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и принятое решение не повлекло за собой причинение убытков указанному собственнику.

Каких-либо специальных норм, закрепляющих основания признания решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме оспоримым или ничтожным, Жилищный кодекс Российской Федерации не содержит, что позволяет применять к ним положения главы 9¹ ГК Российской Федерации, в том числе следующие:

решение собрания недействительно по основаниям, установленным Гражданским кодексом Российской Федерации или иными законами, в силу признания его таковым судом (оспоримое решение) либо независимо от такого признания (ничтожное решение); недействительное решение собрания оспоримо, если из закона не следует, что решение ничтожно (пункт 1 статьи 181³);

основаниями для признания судом недействительным решения собрания являются нарушения требований закона, в том числе существенное нарушение порядка созыва, подготовки и проведения собрания, влияющее на волеизъявление участников собрания; отсутствие полномочий у лица, выступавшего от имени участника собрания; нарушение равенства прав участников собрания при его проведении; существенное нарушение правил составления протокола, в том числе правила о письменной форме протокола (пункт 1 статьи 181⁴); решение собрания вправе оспорить в суде участник соответствующего гражданско-правового сообщества, не принимавший участия в собрании или голосовавший против принятия оспариваемого решения; участник собрания, голосовавший за принятие решения или воздержавшийся от голосования, вправе оспорить в суде решение собрания в случаях, если его волеизъявление при голосовании было нарушено; оспоримое решение собрания, признанное судом недействительным, недействительно с момента его принятия (пункты 3 и 7 той же статьи);

ничтожным, если иное не предусмотрено законом, является решение собрания, которое противоречит основам правопорядка или нравственности либо принято: по вопросу, не включенному в повестку дня, за исключением случая, если в собрании приняли участие все участники соответствующего гражданско-правового сообщества; при отсутствии необходимого кворума; по вопросу, не относящемуся к компетенции собрания (статья 181⁵).

Приведенное правовое регулирование носит общий характер и призвано обеспечить защиту прав и законных интересов как самих участников гражданско-правового сообщества, так и иных лиц, для которых принятые собранием решения также могут порождать определенные правовые послед-

ствия. Соответствующие законоположения как сами по себе, так и во взаимосвязи со статьей 46 Жилищного кодекса Российской Федерации не препятствуют собственнику помещения в многоквартирном доме, не принимавшему участия в общем собрании, на котором рассматривался вопрос об установлении размера платы за содержание жилого помещения (обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме), или голосовавшему против принятия решения, устанавливающего ее конкретные размеры, если он полагает, что таким решением нарушены его права и законные интересы, обратиться в суд с заявлением об обжаловании данного решения в установленный законом срок.

В ходе рассмотрения дела об оспаривании решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме лицо, обратившееся в суд с соответствующим заявлением, не лишено возможности представить доводы и доказательства, свидетельствующие о том, что определенный общим собранием размер платы за содержание жилого помещения (обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме) установлен произвольно и не отвечает требованиям разумности, а основанная на избранных общим собранием дополнительных критериях для определения долей участия собственников помещений в обязательных расходах на содержание общего имущества в многоквартирном доме дифференциация размеров указанных платежей влечет за собой недопустимые различия в правовом положении этих лиц.

Суд же при оценке правомерности обжалуемого решения, действуя в пределах предоставленной ему дискреции и исходя из конкретных обстоятельств дела, во всяком случае не должен руководствоваться исключительно формальным критерием распределения бремени расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, установленным частью 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации. Вместе с тем он вправе признать такое решение недействительным лишь в том случае, если придет к выводу о нарушении им требований закона. Иное — притом что действующее законодательство не исключает возможность учета общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме при принятии решения об установлении размера платы за содержание жилого помещения (обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме) особенностей помещений в данном доме (в частности, их назначения), а также иных объективных обстоятельств, которые могут служить достаточными основаниями для изменения долей участия собственников того или иного вида помещений в обязательных расходах на содержание общего имущества, — ставило бы под сомнение свободу собственников помещений в многоквартирном доме в принятии ими решений, связанных с управлением таким домом, и в нарушение статьи 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации приводило бы к умалению конституционных гарантий права собственности, затрагивая само существо данного права.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункты 1, 3 и 7 статьи 181⁴, статью 181⁵ ГК Российской Федерации и часть 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации не

противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования:

предполагают совместное участие всех собственников помещений в многоквартирном доме в расходах на содержание общего имущества в таком доме и не исключают возможность учета общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме при принятии решения об установлении размера платы за содержание жилого помещения, включающей в себя в том числе плату за содержание и текущий ремонт общего имущества в многоквартирном доме, либо размера обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме, особенностей помещений в данном доме (в частности, их назначения), а также иных объективных обстоятельств, которые могут служить достаточным основанием для изменения долей участия собственников того или иного вида помещений в обязательных расходах по содержанию общего имущества в многоквартирном доме, — при том условии, что дифференциация размеров соответствующих платежей, основанная на избранных общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме дополнительных критериях для определения долей такого участия, не повлечет за собой необоснованных различий в правовом положении собственников помещений в многоквартирном доме, относящихся к одной и той же категории;

не исключают возможность признания судом недействительным решения общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме об установлении размера платы за содержание жилого помещения (обязательных платежей и (или) взносов, связанных с оплатой расходов на содержание общего имущества в многоквартирном доме), в том числе предусматривающего различные размеры такого рода платежей для собственников жилых и нежилых помещений, но лишь в случае, если суд придет к выводу о нарушении указанным решением требований закона.

2. Конституционно-правовой смысл пунктов 1, 3 и 7 статьи 181⁴, статьи 181⁵ ГК Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пунктов 2, 4, 5 и 6 статьи 181⁴ ГК Российской Федерации.

4. Правоприменительные решения в отношении гражданина Логинова Сергея Алексеевича, если они вынесены на основании пунктов 1, 3 и 7 статьи 181⁴, статьи 181⁵ ГК Российской Федерации и части 1 статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

6 февраля
2018 года,
город Санкт-
Петербург

№ 6-П

по делу о проверке конституционности
положений пункта 4 статьи 81
и статьи 123 Налогового кодекса
Российской Федерации в связи
с жалобой открытого акционерного
общества «ТАИФ»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ОАО «ТАИФ». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика К. В. Арановского, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу ОАО «ТАИФ» оспаривает конституционность следующих положений Налогового кодекса Российской Федерации:

пункта 4 статьи 81, согласно которому если уточненная налоговая декларация представляется в налоговый орган после истечения срока подачи налоговой декларации и срока уплаты налога, то налогоплательщик освобождается от ответственности в случаях: представления уточненной налоговой декларации до момента, когда налогоплательщик узнал об обнаружении налоговым органом неотражения или неполноты отражения сведений в налоговой декларации, а также ошибок, приводящих к занижению подлежащей уплате суммы налога, либо о назначении выездной налоговой проверки по данному налогу за данный период, при условии, что до представления уточненной налоговой декларации он уплатил недостающую сумму налога и соответствующие ей пени; представления уточненной налоговой декларации после проведения выездной налоговой проверки за соответствующий налоговый период, по результатам которой не были обнаружены неотражение или неполнота отражения сведений в налоговой декларации, а также ошибки, приводящие к занижению подлежащей уплате суммы налога;

статьи 123, согласно которой неправомерное неудержание и (или) неперечисление (неполное удержание и (или) перечисление) в установленный

данном Кодексом срок сумм налога, подлежащего удержанию и перечислению налоговым агентом, влечет взыскание штрафа в размере 20 процентов от суммы, подлежащей удержанию и (или) перечислению.

1.1. По результатам выездной налоговой проверки за период с 1 января 2011 года по 31 декабря 2012 года ОАО «ТАИФ» было привлечено к налоговой ответственности за несвоевременное перечисление в бюджет удержанных сумм налога на доходы физических лиц. Решение налогового органа от 26 февраля 2015 года, которым в соответствии со статьей 123 Налогового кодекса Российской Федерации обществу был назначен штраф в размере 299 403 руб., а также начислена пеня в сумме 4 896,70 руб., оставлено без изменения решением Федеральной налоговой службы от 8 июня 2015 года.

Арбитражный суд города Москвы решением от 2 февраля 2016 года признал решение налогового органа недействительным в части штрафа в размере 59 730,20 руб. Относительно освобождения от налоговой ответственности в другой части штрафа доводы ОАО «ТАИФ», ссылавшегося на то, что допущенное им как налоговым агентом несвоевременное перечисление сумм налога на доходы физических лиц было устранено самостоятельно, причем задолго до окончания налогового периода и до срока подачи соответствующих расчетов в налоговые органы, а также уплачены пени за просрочку, не были приняты во внимание: арбитражный суд посчитал, что положения пункта 4 статьи 81 Налогового кодекса Российской Федерации связывают освобождение от ответственности (штрафа), предусмотренной его статьей 123, с представлением уточненной декларации или расчета, а также с уплатой недостающей суммы налога и начисленных за просрочку пеней, тогда как ОАО «ТАИФ» представило налоговому органу расчет по налогу на доходы физических лиц сразу без ошибок и не уточняло его впоследствии, что не позволяет применить освобождение от налоговой ответственности на основании пункта 4 статьи 81 Налогового кодекса Российской Федерации.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 17 мая 2016 года и постановлением Арбитражного суда Московского округа от 1 сентября 2016 года решение арбитражного суда первой инстанции оставлено без изменения. Судья Верховного Суда Российской Федерации отказал ОАО «ТАИФ» в передаче его кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации (определение от 19 декабря 2016 года), с чем согласился и заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 15 марта 2017 года).

1.2. По мнению ОАО «ТАИФ», положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации противоречат статьям 19, 46 и 55 Конституции Российской Федерации, поскольку позволяют освободить налогового агента от налоговой ответственности (штрафа) за несвоевременное перечисление в бюджет удержанных им сумм налога на доходы физических лиц лишь в том случае, если он представит уточненную налоговую отчетность; поскольку же при изначально правильно составленной отчетности это условие исполнить нельзя, освобождением от налоговой ответственности за такую просрочку могут пользоваться лишь налоговые агенты, представившие недостоверную налоговую отчетность.

Кроме того, в обоснование своей позиции относительно неконституционности статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации ОАО «ТАИФ» дополнительно приводит следующий довод: установленный данной статьей штраф за неперечисление удержанных сумм налога взыскивается с налоговых агентов в одинаковом размере — независимо от того, что допущенная просрочка в уплате налога могла быть незначительной и была самостоя-

тельно устранена задолго до окончания налогового периода с уплатой пеней в возмещение ущерба казне. Между тем, как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, применение мер ответственности без надлежащего учета характеризующих виновное в совершении деяния лицо обстоятельств, имеющих объективное и разумное обоснование, противоречит конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации идеям справедливости и гуманизма и несовместимо с принципом индивидуализации ответственности за правонарушения; меры юридической ответственности и правила их применения должны не только соответствовать характеру правонарушения, его опасности для защищаемых законом ценностей, но и обеспечивать учет причин и условий его совершения, а также личности правонарушителя и степени его вины, гарантируя тем самым адекватность порождаемых последствий для лица, привлекаемого к ответственности, тому вреду, который причинен в результате правонарушения, не допуская избыточного государственного принуждения и обеспечивая баланс основных прав индивида (юридического лица) и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от правонарушений (постановления от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 марта 2008 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П).

Соответственно, налоговый агент, привлекаемый к налоговой ответственности за невыполнение обязанности по удержанию и (или) перечислению налогов, в любом случае вправе рассчитывать на возможность установления в его деле существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию наказания, в частности на учет смягчающих ответственность обстоятельств (статья 112 Налогового кодекса Российской Федерации), например при незначительности периода несвоевременного перечисления налога. Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации не усматривает неопределенности в вопросе о конституционности регулирования размера штрафа, предусмотренного статьей 123 Налогового кодекса Российской Федерации, в указанном заявителем аспекте.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности освобождения от налоговой ответственности, предусмотренной статьей 123 данного Кодекса, налоговых агентов, которые, своевременно представив в налоговый орган отчетные документы (расчеты) по налогу на доходы физических лиц без ошибок и искажений, просрочили перечисление удержанной суммы налога, но самостоятельно уплатили недостающую сумму налога и соответствующие ей пени до момента, когда им стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременного перечисления удержанной суммы налога или о назначении выездной налоговой проверки.

2. Согласно статье 57 Конституции Российской Федерации каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы.

Обеспечивая исполнение названной публичной обязанности и возмещение ущерба, понесенного казной от ее неисполнения, государство вправе устанавливать меры принуждения, в выборе которых оно ограничено требованиями необходимости, справедливости, соразмерности, иными конституционными установлениями и общими принципами права; предусматривающий такие меры налоговый закон должен быть конкретным и понятным,

исключающим какую-либо неопределенность, которая может приводить к произволу властей в отношении налогоплательщиков вопреки принципам правового государства и равенства всех перед законом (статья 1, часть 1; статья 19, часть 1, Конституции Российской Федерации), а вводимые им меры публично-правовой ответственности должны быть адекватны тяжести содеянного, величине и характеру причиненного ущерба, степени вины, другим определяющим их индивидуализацию существенным обстоятельствам и не допускать ограничения прав и свобод граждан, в частности гарантированного каждому статьей 34 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, вопреки закрепленным в ее статье 55 (часть 3) конституционно значимым целям.

Соответственно, меры налогового принуждения могут быть как право-восстановительными, обеспечивающими исполнение налогоплательщиком его конституционной обязанности (восполнение недоимки и возмещение ущерба от несвоевременной и неполной уплаты налога), так и штрафными, возлагающими на нарушителей дополнительные выплаты в качестве меры ответственности (наказания). Неуплата налога в срок должна быть компенсирована погашением задолженности по налоговому обязательству и полным возмещением ущерба, понесенного казной вследствие несвоевременного внесения налога, что дает государству право добавить к сумме недоимки дополнительный платеж — пенью при задержке в уплате сумм налога; штрафы же, взимаемые за нарушение налогового законодательства, несут карательный характер и являются наказанием за предусмотренное законом противоправное виновное деяние, совершенное умышленно или по неосторожности, т. е. — в отличие от налоговой недоимки и пени — выходят за рамки налогового обязательства (долга) как такового.

Приведенные правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенные в ряде его решений (постановления от 17 декабря 1996 года № 20-П, от 15 июля 1999 года № 11-П, от 14 июля 2005 года № 9-П и от 19 января 2016 года № 2-П; Определение от 10 марта 2016 года № 571-О и др.), относятся не только к основаниям и условиям налоговой ответственности как таковой, но и к освобождению от нее либо к ее смягчению, поскольку принципы справедливости и соразмерности предполагают пропорциональность не только в санкциях, но и в условиях освобождения от ответственности в зависимости от тяжести содеянного, причиненного ущерба, степени вины и других существенных обстоятельств, не исключая поощрения налогоплательщиков к правомерному поведению в фискальных правоотношениях.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации относит к участникам отношений, регулируемых законодательством о налогах и сборах, налоговых агентов — организации и физических лиц, на которых в силу требований данного Кодекса возлагаются обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации и которые, соответственно, обязаны вести учет начисленных и выплаченных налогоплательщикам доходов, исчисленных, удержанных и перечисленных в бюджетную систему Российской Федерации налогов, в том числе по каждому налогоплательщику, а также представлять в налоговый орган по месту своего учета документы, необходимые для осуществления контроля за правильностью исчисления, удержания и перечисления налогов (статьи 9 и 24).

Организации, от которых или в результате отношений с которыми налогоплательщики — физические лица получили доходы, признаются налого-

выми агентами по налогу на доходы физических лиц, что возлагает на них обязанность по удержанию и перечислению в бюджет сумм этого налога с выплачиваемого налогоплательщикам (как правило, работникам организации) дохода не позднее дня, следующего за днем его выплаты (пункты 1 и 6 статьи 226 Налогового кодекса Российской Федерации). По общему правилу, предусмотренному пунктом 2 статьи 230 Налогового кодекса Российской Федерации, налоговый агент по налогу на доходы физических лиц, налоговым периодом по которому, согласно статье 216 данного Кодекса, признается календарный год, представляет в налоговый орган по месту своего учета два отчетных документа: документ, содержащий сведения о доходах физических лиц за истекший налоговый период и о суммах налога, исчисленного, удержанного и перечисленного в бюджетную систему Российской Федерации за этот налоговый период по каждому физическому лицу, ежегодно не позднее 1 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом (форма 2-НДФЛ); расчет исчисленных и удержанных им сумм налога за первый квартал, полугодие, девять месяцев – не позднее последнего дня месяца, следующего за соответствующим периодом, за год – не позднее 1 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом (форма 6-НДФЛ).

Ответственность за невыполнение налоговым агентом обязанностей по удержанию и перечислению налогов в бюджет установлена статьей 123 Налогового кодекса Российской Федерации, которая действует в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 года № 229-ФЗ, расширившего сферу ее применения: в настоящее время не только неправомерное неперечисление (неполное перечисление) сумм налога, подлежащих удержанию и перечислению налоговым агентом, но и их неправомерное удержание (неполное удержание) влечет взыскание штрафа в размере 20 процентов от суммы, подлежащей удержанию и (или) перечислению; соответственно, любая просрочка в уплате в бюджет налоговым агентом сумм налога – независимо от ее длительности и причин (не удержал либо удержал, но не перечислил, т. е. не уплатил в срок) – влечет взимание штрафа в размере 20 процентов от суммы задолженности к установленному законом сроку для перечисления налога.

Характеризуя данное налоговое правонарушение как виновное бездействие лица, на которое налоговым законом возложены обязанности по своевременному исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации, федеральный законодатель исходил из степени его опасности для государства, уполномочившего (и обязавшего) налогового агента «собирать налоги» иных лиц (налогоплательщиков), вступивших с ним в правовые отношения, предполагающие выплату им налогооблагаемого дохода. Следовательно, нарушения, допущенные налоговым агентом при уплате налога за налогоплательщика, требуют мер государственного принуждения, пропорциональных опасности таких нарушений, что согласуется с конституционными установлениями в налоговой сфере (статья 57 Конституции Российской Федерации) и вместе с тем не исключает наличие в налоговом законе предписаний, направленных на создание как у налогоплательщиков, так и у налоговых агентов заинтересованности в самостоятельном исправлении ошибок, допущенных ими при исполнении возложенных на них налоговых обязанностей, притом что за налоговыми органами остается право выявлять с помощью имеющихся в их распоряжении организационно-административных средств такого рода налоговые правонарушения в рамках контрольных процедур.

3.1. В соответствии со статьей 81 Налогового кодекса Российской Федерации налогоплательщик, обнаружив в поданной им налоговой декларации

факт неотражения или неполноты отражения сведений либо ошибки, приводящие к занижению подлежащей уплате суммы налога, обязан внести в нее необходимые изменения и представить в налоговый орган уточненную налоговую декларацию; при обнаружении налогоплательщиком недостоверных сведений или ошибок, не приводящих к занижению суммы налога, он вправе представить уточненную декларацию (пункт 1); налогоплательщик, представивший в налоговый орган уточненную налоговую декларацию после истечения установленного срока ее подачи, но до истечения срока уплаты налога, освобождается от налоговой ответственности, если необходимые исправления были произведены им самостоятельно и прежде, чем он узнал об обнаружении налоговым органом факта неотражения или неполноты отражения сведений в налоговой декларации, а также ошибок, приводящих к занижению подлежащей уплате суммы налога, либо о назначении выездной налоговой проверки (пункт 3).

Одновременно пункт 4 той же статьи предусматривает освобождение налогоплательщика от налоговой ответственности в случае, когда он представил уточненную налоговую декларацию по истечении законодательно определенных срока ее подачи и срока уплаты налога: не подлежит налоговой ответственности налогоплательщик, который, во-первых, представил уточненную налоговую декларацию прежде, чем узнал о том, что налоговый орган сам обнаружил в ней недостоверные сведения, приводящие к занижению суммы налога, либо назначил по этому налогу выездную налоговую проверку за соответствующий период, и, во-вторых, уплатил недостающую сумму налога и пени за просрочку в его уплате до представления уточненной налоговой декларации (подпункт 1); если же налогоплательщик обнаружил недостоверность налоговой декларации после проведения выездной налоговой проверки, то его освобождение от ответственности не обусловлено уплатой недоимки и пеней и наступает в связи с подачей уточненной налоговой декларации (подпункт 2).

Правила исправления налоговой отчетности для целей освобождения от налоговой ответственности, предусмотренные статьей 81 Налогового кодекса Российской Федерации, действуют, как следует из ее пункта 6, и в отношении налоговых агентов — с учетом того, что они представляют в налоговый орган не налоговую декларацию, а расчет подлежащих удержанию и перечислению сумм налога, причем уточненный расчет они должны представлять не только при занижении сумм налога, но и при их завышении, обусловленном недостоверностью расчета; равным образом распространяются на налоговых агентов и условия освобождения от налоговой ответственности в случае представления уточненных расчетов по подлежащему удержанию и перечислению налогу, включая налог на доходы физических лиц.

Так, положения пункта 4 статьи 81 Налогового кодекса Российской Федерации связывают освобождение от налоговой ответственности (штрафа) с двумя условиями, которые, кроме прочего, поощряют ответственное и деятельное участие налогоплательщиков в поддержании фискального порядка, а именно с добровольными (не вынужденными) действиями по исправлению недостоверных сведений в ранее представленной налоговой отчетности (декларации или расчете) и уплатой недоимки с начисленными на нее пенями. По своему буквальному смыслу и в истолковании правоприменительной практикой эти положения допускают применение предусмотренной ими поощрительной меры лишь при соблюдении обоих условий и, следовательно, не предполагают освобождения от налоговой ответственности лица, которое не исправило налоговую отчетность и не представило налоговым органам уточненную налоговую отчетность, тогда

как налоговый агент, аналогичным образом возместивший просрочку (недоимку), но сначала представивший недостоверный расчет налога и лишь затем его уточнивший (исправивший) в установленном законом порядке, подлежит освобождению от налоговой ответственности.

Между тем просрочка в перечислении налоговых платежей возможна не только вследствие недостоверного декларирования налога (неотражения или неполноты отражения сведений в налоговой отчетности), но и безотносительно к этому, например – имея в виду, что налоговые агенты обязаны перечислять в бюджет налоговые платежи по налогу на доходы физических лиц, по общему правилу, не позднее дня, следующего за днем выплаты налогоплательщику дохода (пункт 6 статьи 226 Налогового кодекса Российской Федерации), – в результате упущений организационно-технического характера, связанных с удержанием данного налога, которые даже при правильном расчете подлежащего удержанию и перечислению налога за отчетный (налоговый) период не исключают ошибок и недоимок в ранее состоявшихся платежах. Такие промежуточные (внутригодовые) неточности могут быть обнаружены и исправлены налоговым агентом, а вызванная ими задолженность устранена как до представления достоверного расчета налога и при отсутствии доказательств, указывающих на преднамеренность несвоевременного перечисления в бюджет сумм удержанного налога и на систематический характер нарушений со стороны налогового агента.

Тем не менее в подобных случаях правоприменительные органы имеют формальный повод отказать налоговому агенту в освобождении от налоговой ответственности, притом что он уплатил недостающую сумму налога и соответствующие ей пени на законных условиях и не нарушил обязанности по своевременному представлению достоверного расчета налога и при отсутствии доказательств, указывающих на преднамеренность несвоевременного перечисления в бюджет сумм удержанного налога и на систематический характер нарушений со стороны налогового агента.

3.2. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 14 июля 2005 года № 9-П, система налогообложения основывается на информации о доходах, представляемой прежде всего самим налогоплательщиком (налоговым агентом). Из такого понимания, подразумевающего достоверность декларирования налогов, исходит, в частности, подпункт 2 пункта 4 статьи 81 Налогового кодекса Российской Федерации, по смыслу которого освобождение от налоговой ответственности налогоплательщика, представившего уточненную налоговую декларацию после проведения выездной налоговой проверки, которая не выявила в его отчетности ошибок и нарушений, обусловлено даже не уплатой им недостающих сумм налога и пеней, а одним лишь исправлением соответствующих сведений.

Данное законоположение, не отменяя налоговую обязанность, прямо поощряет налогоплательщиков и налоговых агентов к поддержанию достоверности в налоговой отчетности. Более того, статьи 119 и 126 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривают ответственность именно за непредставление налоговому органу налоговой отчетности (сведений, необходимых для осуществления налогового контроля), а его статья 126¹ – за представление налоговым агентом документов, содержащих недостоверные сведения. Из этого следует, что налоговый закон признает значимость требования достоверности налоговой отчетности в поддержании фискального правопорядка; соответственно, его соблюдение не может препятствовать применению фискально-поощрительных мер, тем более что ни сам налоговый закон, ни практика его применения не могут поощрять сохранение недостоверности в налоговой отчетности, обуславливая освобожде-

ние от налоговой ответственности исключительно наличием ошибок (недостовверных сведений) в налоговых декларациях или расчетах, как учетных в объективной и субъективной стороне правонарушения, так и сопутствующих налоговому деликту в условно нейтральном значении.

Равным образом статья 123 Налогового кодекса Российской Федерации предусматривает налоговую ответственность в виде штрафа не за нарушения, допущенные налоговым агентом в части достоверности представленных расчетов, а за противоправное неудержание сумм налога и (или) их перечисление в срок, т. е. за недоимку независимо от причин ее возникновения. При таком определении состава налогового правонарушения налоговый агент, как ответственное лицо, обязанное в силу налогового закона к достоверному декларированию (расчету) налогов, — прежде всего, ввиду недопустимости уклонения от их уплаты или занижения их суммы, т. е. нарушения фискальных прав казны, — имеет основания полагать, что именно неуплата налога и пеней безотносительно к тому, ошибочна или безупречна представленная им налоговая отчетность, влечет отказ в освобождении от налоговой ответственности, тем более если недоимка добровольно им уплачена и компенсирована пенями прежде, чем ему стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременной уплаты налога или о назначении выездной налоговой проверки, допущена без искажения (неотражения или неполноты отражения сведений) налоговой отчетности и непреднамеренно.

4. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что расплывчатость налоговой нормы может привести к не согласующемуся с конституционным принципом правового государства произвольному и дискриминационному ее применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с налогоплательщиками и тем самым — к нарушению конституционного принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства налогообложения, закрепленного пунктом 1 статьи 3 Налогового кодекса Российской Федерации.

Как следует из являющихся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу положений Налогового кодекса Российской Федерации, прежде всего пункта 4 его статьи 81, за деяния, совершаемые субъектами одной категории (налоговыми агентами) и влекущие одинаковые последствия, освобождение от налоговой ответственности зависит от того, имело ли место недостоверное либо неполное отражение сведений в налоговой документации. При этом право на освобождение от налоговой ответственности с определенностью получают лишь те налоговые агенты, которые недостоверно и (или) ошибочно составили и представили расчет по налогу. Правовое и фактическое положение этих лиц как субъектов налоговой ответственности равнозначно положению налоговых агентов, допустивших, как и они, просрочку в перечислении сумм налога, не обусловленную дефектами (искажением) налоговой отчетности (расчетов по налогу на доходы физических лиц), однако в отличие от них налоговыми агентам, исполнившим обязанности по представлению достоверного расчета налогов и уплатившим просроченные суммы налога вместе с пеней, в освобождении от налоговой ответственности может быть отказано, несмотря на то обстоятельство, что в основе допущенного ими нарушения лежало упущение, которое — и по своей сути, и по смыслу рассматриваемого правового регулирования — представляет собой техническую или иную ошибку, не влекущую искажения налоговой отчетности.

Вместе с тем в судебной практике допускается освобождение налогового агента, своевременно представившего достоверную налоговую отчетность, от налоговой ответственности за неправомерное неудержание и перечис-

ление налогов, что согласуется с правовой позицией, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 марта 2014 года № 18290/13 применительно к целевому назначению освобождения от налоговой ответственности, предусмотренного статьей 81 Налогового кодекса Российской Федерации. На наличие такой возможности указывается и в письме, направленном в Конституционный Суд Российской Федерации в рамках настоящего дела заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации, который полагает, что налоговые агенты, пропустившие срок уплаты налога, но компенсировавшие просрочку за счет добровольной уплаты пеней, поставлены в худшее положение по сравнению с теми, кто совершил более грубое нарушение за счет искажения налоговой отчетности, повлекшего неполную уплату налога. Тем не менее в письме также отмечается, что при обстоятельствах, подобных установленным в отношении ОАО «ТАИФ», для освобождения налогового агента от налоговой ответственности за несвоевременное перечисление удержанного налога, совершенное без искажения налоговой отчетности, формально отсутствует совокупность всех условий, предусмотренных пунктами 3 и 4 статьи 81 Налогового кодекса Российской Федерации.

Принимая во внимание расхождения в понимании положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации, имеющие место в судебной практике, Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций, выраженных в том числе в настоящем Постановлении, приходит к выводу, что эти положения в их взаимосвязи и с учетом их места в системе правового регулирования не должны толковаться как лишающие налогового агента, допустившего просрочку в уплате налога на доходы физических лиц, который был правильно исчислен им в представленном налоговому органу расчете, права на освобождение от налоговой ответственности, если он уплатил недостающую сумму налога и соответствующие ей пени до момента, когда ему стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременного перечисления удержанного налога или о назначении выездной налоговой проверки, притом что отсутствуют доказательства, указывающие на то, что несвоевременное перечисление налоговым агентом в бюджет сумм налога носило преднамеренный характер, не было результатом его упущения (технической или иной ошибки).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать взаимосвязанные положения пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они не препятствуют освобождению от налоговой ответственности за несвоевременное перечисление в бюджет сумм налога на доходы физических лиц налоговых агентов, не допустивших искажения налоговой отчетности, если они самостоятельно (до момента, когда им стало известно об обнаружении налоговым органом факта несвоевременной уплаты налога или о назначении выездной налоговой проверки) уплатили необходимые суммы налога и пени, а несвоевременное перечисление ими в бюджет соответствующих сумм явилось результатом упущения (технической или иной ошибки) и носило непреднамеренный характер.

2. Конституционно-правовой смысл взаимосвязанных положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации, выявленный Конституционным Судом Российской Федерации в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения по делу открытого акционерного общества «ТАИФ», принятые на основании положений пункта 4 статьи 81 и статьи 123 Налогового кодекса Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**8 февраля
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 7-П

по делу о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений

в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» в связи с жалобой гражданина А. Я. Сизова

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина А. Я. Сизова. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Ю. Д. Рудкина, изучив представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пункту 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и изложившему данную норму в действующей редакции положению пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы гарантируется ежемесячная денежная компенсация в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в следующих размерах: инвалидам I группы – 5 000 руб., инвалидам II группы – 2 500 руб., инвалидам III группы – 1 000 руб.

Часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», а также изложивший ее в действующей редакции пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”» (в редакции Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ) предусматривают, что гражданам, получавшим до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, выплачивается ежемесячная денежная компенсация, предусмотренная пунктом 15 части первой статьи 14 или пунктом 4 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», а в случае, если размер указанной компенсации не достигает ранее назначенной суммы возмещения вреда, она выплачивается в ранее назначенной сумме, но не превышающей максимального размера ежемесячной страховой выплаты, установленного федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на очередной финансовый год.

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривается гражданином А. Я. Сизовым, который в 1987 году принимал участие в работах по ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, а в 1997 году был признан инвалидом III группы вследствие чернобыльской катастрофы с утратой 60 процентов профессиональной трудоспособности. В 1998 году в связи с ухудшением течения заболевания он был направлен на досрочное переосвидетельствование, по результатам которого ему была установлена инвалидность II группы с утратой 90 процентов профессиональной трудоспособности сроком на пять лет. В 2003 и 2008 годах наличие у него инвалидности данной группы было подтверждено, при этом освидетельствование в целях определения степени утраты профессиональной трудоспособности не проводилось и, соответственно, степень утраты трудоспособности не изменялась.

При очередном переосвидетельствовании А. Я. Сизову с 1 апреля 2013 года была установлена III группа инвалидности бессрочно без определения

степени утраты трудоспособности. В связи с этим орган социальной защиты, производящий выплату ему ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью, обратился в Кировский районный суд города Омска с заявлением об изменении ее размера, который ранее был определен из среднего заработка с учетом степени утраты трудоспособности и по состоянию на 1 января 2013 года составлял 15 072,22 руб. Заочным решением названного суда от 11 июня 2013 года компенсация заявителю была установлена в твердом размере, составившем для него как для инвалида III группы 2 949,8 руб. (с учетом индексации по состоянию на 1 октября 2016 года – 3 496,37 руб., на 1 февраля 2017 года – 3 685,18 руб.).

После того как Главное бюро медико-социальной экспертизы по Омской области отказало ему в удовлетворении заявления о переосвидетельствовании и подтверждении утраты трудоспособности в размере 90 процентов (письмо от 10 марта 2016 года), А. Я. Сизов предъявил к названному учреждению, а также к бюджетному учреждению Омской области «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг» иск о возложении обязанности по установлению степени утраты профессиональной трудоспособности и признании за ним права на получение возмещения вреда здоровью исходя из заработка за работу на Чернобыльской АЭС.

Решением Куйбышевского районного суда города Омска от 4 октября 2016 года, законность которого была подтверждена апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Омского областного суда от 18 января 2017 года, его требования были оставлены без удовлетворения. В передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании судов кассационной инстанции заявителю также было отказано (определение судьи Омского областного суда от 24 апреля 2017 года, определение судьи Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2017 года).

В обоснование своей позиции суды указали, что действующее правовое регулирование не предусматривает изменение размера возмещения вреда в связи с изменением степени утраты трудоспособности, а при введении в действие Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ гражданам, которые до его вступления в силу (т. е. до 15 февраля 2001 года) были признаны инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, было предоставлено право на сохранение ежемесячной денежной компенсации в ранее назначенной сумме, но не право выбирать способ определения размера ежемесячных выплат в возмещение вреда.

1.2. Как следует из статьи 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации и статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм.

Заявитель утверждает, что оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 2, 10, 11 (часть 1), 15 (часть 1), 18, 19 (части 1 и 2), 42, 45, 46 (часть 1), 53, 54 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, поскольку по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, они допускают возможность снижения размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью гражданам, признанным инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, которым при очередном переосвидетельствовании было отказано в установлении степени утраты профессиональной трудоспособности.

Таким образом, пункт 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ и положение пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой в их взаимосвязи они служат основанием для установления гражданам, которые до 15 февраля 2001 года были признаны инвалидами-чернобыльцами и получали возмещение вреда в размере, исчисленном из заработка, и которым при очередном переосвидетельствовании было отказано в определении степени утраты профессиональной трудоспособности, ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью в твердом размере, меньшем по сравнению с размером ранее производимой выплаты.

2. Конституция Российской Федерации предоставляет каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии, на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, и возлагает на Российскую Федерацию как правовое социальное государство обязанность обеспечить охрану окружающей среды, предупреждение и ликвидацию последствий техногенных аварий и катастроф, в том числе радиационных, что предполагает признание и гарантирование со стороны государства права на возмещение вреда здоровью, являющемуся для каждого неотчуждаемым благом (статьи 1, 2, 7, 18, 42 и 53).

Возникновение конституционно-правовых отношений по поводу возмещения вреда здоровью между гражданами, которые оказались в зоне влияния радиационного излучения и других неблагоприятных факторов, возникших вследствие чернобыльской катастрофы, и государством, с деятельностью которого в сфере освоения и использования ядерной энергетики было связано причинение вреда, обусловлено самим фактом причинения такого вреда. При этом на государство, призванное в силу статьи 21 Конституции Российской Федерации охранять достоинство личности во всех сферах, возлагается обязанность предоставить этим гражданам эффективную поддержку как лицам, у которых в результате существенного неблагоприятного воздействия чрезвычайных техногенных обстоятельств невосполнимо утрачиваются (или резко сужаются) возможности самостоятельного обеспечения достойной жизни и свободного развития (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 1 декабря 1997 года № 18-П, от 19 июня 2002 года № 11-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П и от 7 февраля 2012 года № 1-П).

2.1. Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» устанавливает для граждан Российской Федерации, оказавшихся в

зоне влияния неблагоприятных факторов, возникших вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года, либо принимавших участие в ликвидации последствий этой катастрофы, гарантии возмещения вреда, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чернобыльской катастрофы, возмещения вреда за риск вследствие проживания и работы на территории, которая подверглась радиоактивному загрязнению, превышающему допустимые уровни в результате чернобыльской катастрофы, а также гарантии предоставления мер социальной поддержки (статьи 1, 3 и 13).

Данный Закон – исходя из того, что факт установления инвалидности таким лицам однозначно свидетельствует о причинении вреда их здоровью, – выделяет инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы в отдельную категорию лиц, пострадавших вследствие аварии на Чернобыльской АЭС (пункт 2 части первой статьи 13), и гарантирует им социальную защиту путем предоставления различных видов денежных выплат (ежемесячной денежной выплаты; компенсаций за вред здоровью, на оздоровление, на приобретение продовольственных товаров) и устанавливаемых в дополнение к ним мер социальной поддержки, которые направлены на создание для пострадавших граждан наиболее благоприятных (льготных) условий реализации конкретных прав и доступа к социально значимым благам и услугам в сфере медицинского, транспортного, жилищно-коммунального и социального обслуживания, лекарственного обеспечения, содействия занятости и получения образования (статьи 14, 27¹, 29 и 39), с тем чтобы сделать для них последствия чернобыльской катастрофы менее ощутимыми (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2009 года № 17-П и от 1 июля 2014 года № 20-П).

Наряду с другими мерами социальной защиты пункт 1 части первой статьи 29 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в редакции Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года № 3061-1) предусматривал для инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы назначение пенсий по инвалидности в размере возмещения фактического ущерба, но не ниже размеров пенсий, исчисленных из расчета семикратной суммы установленного законом размера минимальной месячной оплаты труда (на период назначения или перерасчета пенсии).

Федеральным законом от 24 ноября 1995 года № 179-ФЗ в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» был внесен ряд изменений и дополнений, в том числе в части установления инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы компенсаций и льгот. Так, пунктом 25 части первой статьи 14 названного Закона в новой редакции, вступившей в силу 2 марта 1996 года, инвалидам-чернобыльцам гарантировалось возмещение вреда выплатой денежных сумм в размере среднего заработка в зависимости от степени утраты профессиональной трудоспособности.

Тем самым в систему социальной защиты указанной категории граждан впервые была включена выплата, основанием предоставления которой является инвалидность вследствие чернобыльской катастрофы, устанавливаемая гражданам из числа перечисленных в пункте 2 части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» категорий на основании заключений межведомственных экспертных советов и военно-врачебных комиссий о причинной связи развившихся заболеваний и инвалидности с последствиями чернобыльской катастрофы (части шестая – девятая статьи 24 названного Закона). Степень утраты про-

фессиональной трудоспособности, представляющая собой выраженное в процентах стойкое снижение способности застрахованного осуществлять профессиональную деятельность до наступления страхового случая (статья 3 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»), выступала в рамках данного правового регулирования критерием определения размера суммы возмещения вреда.

2.2. Федеральным законом от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, вступившим в силу 15 февраля 2001 года, был изменен подход к определению размеров возмещения вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации ее последствий, а пункт 25 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» — изложен в новой редакции, предусматривающей выплату инвалидам-чернобыльцам ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, в твердом размере, дифференцированном в зависимости от группы инвалидности. При этом гражданам, которые получали возмещение вреда до вступления данного Федерального закона в силу, была предоставлена возможность по их выбору сохранить ежемесячные денежные выплаты в ранее определенном размере (но не превышающем 10 000 рублей) либо получать их в твердой сумме (часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ).

Оценивая конституционность данных изменений, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 июня 2002 года № 11-П указал, что сам по себе переход к новому способу определения размера возмещения вреда, как основанный на конституционном принципе равенства всех перед законом и вытекающем из него равенстве ценности жизни и здоровья всех граждан, пострадавших от чернобыльской катастрофы, не противоречит Конституции Российской Федерации. С конституционными предписаниями согласуется также то, что инвалидам-чернобыльцам, впервые обратившимся за назначением возмещения вреда после вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, не предоставляется возможность исчислять его из заработка, дохода, денежного довольствия в отличие от лиц, получавших до вступления в силу данного Федерального закона возмещение вреда здоровью в размере, исчисленном из заработка, которые вправе осуществить выбор — получать ежемесячную денежную компенсацию в твердых суммах или компенсацию, которую они получали ранее, исчисленную из заработка, дохода, денежного довольствия.

При этом ограничение сохраняемых за такими лицами сумм возмещения вреда максимальным размером 10 000 руб., предусмотренное частями первой и второй статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, было признано Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующим статьям 42 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации, которые предполагают стабильность длящихся конституционно-правовых отношений и недопустимость понижения ранее установленного объема возмещения вреда, а следовательно, запрет умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершенствовании порядка и условий возмещения вреда, причиненного здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы. Исходя из конституционных принципов справедливости, равенства всех перед законом, а также принимая во внимание равенство ценности жизни и здоровья всех граждан, пострадав-

ших от чернобыльской катастрофы, и с учетом того, что предельный уровень возмещения вреда не должен быть ниже, чем в сфере других правоотношений, складывающихся на основе норм отраслевого законодательства, в данном случае ориентирующее значение было придано уровню возмещения вреда, предусмотренному законодательством об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний (пункты 3.1–3.3 мотивировочной части, пункты 1 и 3 резолютивной части Постановления от 19 июня 2002 года № 11-П).

2.3. Федеральным законом от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ (пункт 1 статьи 2), направленным на исполнение названного Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, в часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ были внесены изменения, согласно которым гражданам, получавшим возмещение вреда до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, выплачивается ежемесячная денежная компенсация, предусмотренная пунктом 25 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», а в случае, если размер указанной компенсации не достигает ранее назначенной суммы возмещения вреда, ежемесячная денежная компенсация выплачивается в ранее назначенной сумме, но не превышающей максимального размера ежемесячной страховой выплаты, установленного федеральным законом о бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на очередной финансовый год.

В дальнейшем Федеральным законом от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ (пункт 8 статьи 3) была изложена в новой редакции статья 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», в которой право инвалидов-чернобыльцев на получение ежемесячных денежных компенсаций в возмещение вреда здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в размерах, дифференцированных в зависимости от группы инвалидности, было закреплено в пункте 15 ее части первой. Нумерация пунктов части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» названным Федеральным законом была скорректирована также в части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ, содержание которой не претерпело изменений.

Таким образом, в процессе совершенствования социальной защиты граждан, пострадавших вследствие чернобыльской катастрофы, включая признанных инвалидами от радиационно обусловленных заболеваний, было осуществлено правовое регулирование, согласующееся с конституционными принципами справедливости и равенства в их интерпретации Конституционным Судом Российской Федерации применительно к возмещению вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

3. Вводя правовое регулирование, обеспечивающее инвалидам-чернобыльцам, до вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ получавшим возмещение вреда, исчисленное из среднего заработка с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности, возможность сохранения ранее определенного размера соответствующих выплат, федеральный законодатель распространил его на всех граждан, приобрет-

ших указанный статус до 15 февраля 2001 года, – независимо от того, на какой срок им была установлена инвалидность.

3.1. Инвалидность может устанавливаться на определенный срок (в качестве общего правила) или же бессрочно. Между тем, в изъятие из общего правила, согласно которому инвалидность I группы устанавливается на 2 года, II и III групп – на 1 год (пункт 9 Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 95), очередное медицинское переосвидетельствование инвалидов вследствие чернобыльской катастрофы производится федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы через пять лет, при этом лицам, достигшим возраста выхода на пенсию по старости, инвалидность устанавливается бессрочно (часть пятая статьи 29 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»); в зависимости от степени тяжести имеющихся у инвалидов-чернобыльцев заболеваний, а также с учетом результатов реабилитационных мероприятий инвалидность при очередном переосвидетельствовании может быть установлена бессрочно и до достижения возраста выхода на пенсию по старости.

Установление инвалидности без указания срока переосвидетельствования не исключает возможности его проведения в связи с изменением состояния здоровья гражданина по его личному заявлению либо по направлению медицинской организации (пункты 13 и 39 Правил признания лица инвалидом). В случае установления инвалидности вследствие чернобыльской катастрофы без указания срока переосвидетельствования гражданин пожизненно сохраняет за собой соответствующий статус, включая право на ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью.

Если же инвалидность была установлена на определенный срок, то при очередном переосвидетельствовании учреждением медико-социальной экспертизы исходя из комплексной оценки состояния организма на основе анализа клинико-функциональных, социально-бытовых, профессионально-трудовых, психологических данных освидетельствуемого лица с использованием соответствующих классификаций и критериев (статьи 1, 7 и 8 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации») может быть принято решение об отказе в подтверждении инвалидности либо об изменении группы инвалидности.

Гражданин, причина инвалидности которого была связана с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы и которому при переосвидетельствовании инвалидность не была подтверждена, утрачивает данный статус и не вправе претендовать на составляющие его содержание меры социальной защиты, в том числе на ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью. Изменение же группы инвалидности влечет за собой изменение содержания и (или) объема социальной защиты, отдельные меры которой дифференцируются в зависимости от группы инвалидности, как, например, предусмотренные пунктом 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» размеры ежемесячных денежных компенсаций в возмещение вреда здоровью для инвалидов-чернобыльцев, впервые обратившихся за их установлением после вступления в силу Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ.

3.2. В отличие от названной категории инвалидов-чернобыльцев лица, приобретшие до 15 февраля 2001 года данный статус и получавшие до этой даты возмещение вреда здоровью в размере, исчисленном из среднего зара-

ботка с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности, были наделены правом сохранить ранее установленный размер возмещения вреда, причем — по смыслу части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ — безотносительно к тому, подлежали ли они переосвидетельствованию, и независимо от результатов такого переосвидетельствования.

Тем самым всем гражданам, получавшим до 15 февраля 2001 года возмещение вреда, причиненного здоровью в связи с радиационным воздействием вследствие чернобыльской катастрофы либо с выполнением работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, и после этой даты составившим особую категорию инвалидов-чернобыльцев, были обеспечены равные условия перехода к новому механизму возмещения вреда, как того требуют статьи 19, 42 и 55 Конституции Российской Федерации.

Поскольку право на возмещение такого вреда возникло у них до вступления в силу названного Федерального закона, им была обеспечена возможность его реализации в объеме, который был признан государством в конкретных правоотношениях. Уменьшение объема возмещения вреда вступало бы в противоречие с вытекающими из Конституции Российской Федерации требованиями стабильности длящихся конституционно-правовых отношений и запретом умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершенствовании порядка и условий возмещения вреда, причиненного здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы.

Одновременно им была предоставлена возможность получать ежемесячную денежную компенсацию в возмещение вреда здоровью в размере, предусмотренном пунктом 15 части первой статьи 14 Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (если он будет выше по сравнению с ранее назначенным).

Федеральный законодатель, сообразуясь с конституционными нормами и принципами, положил в основу преобразования системы возмещения вреда, причиненного здоровью воздействием радиации вследствие чернобыльской катастрофы, критерий равенства ценности жизни и здоровья всех граждан, пострадавших от нее. Это предполагает не только равный для всех граждан, получавших такое возмещение до 15 февраля 2001 года, запрет уменьшения признанного государством объема возмещения вреда независимо от результатов последующего переосвидетельствования, в том числе в отношении граждан, которым была установлена более низкая группа инвалидности (включая заявителя по настоящему делу), но и равную возможность выбора ежемесячной денежной компенсации в твердом размере, если он окажется выше ранее назначенного (например, в случае усиления группы инвалидности), на условиях, которые определены для граждан, впервые обратившихся за установлением данной выплаты после 15 февраля 2001 года.

4. Таким образом, пункт 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», часть первая статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС”», пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и в статью 2 Федерального закона “О внесении изменений и дополнений в Закон Россий-

ской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и положение пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку данные нормы в их взаимосвязи – по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования – не предполагают возможность снижения исчисленного из среднего заработка с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью, установленной гражданам, которые до 15 февраля 2001 года были признаны инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы и которым при очередном переосвидетельствовании была установлена более низкая группа инвалидности без определения степени утраты профессиональной трудоспособности.

Иное истолкование оспариваемых норм вступало бы в противоречие не только с требованиями стабильности длящихся конституционно-правовых отношений, запретом умаления или ограничения права на возмещение вреда при совершенствовании порядка и условий возмещения вреда, причиненного здоровью граждан, ставших инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы, но и с вытекающим из статей 1 (часть 1), 2, 6 (часть 2), 18 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм и предоставление гражданам возможности адаптироваться к вносимым изменениям и который должен соблюдаться при изменении законодателем ранее установленных условий социальной защиты, направленной на компенсацию вреда, причиненного здоровью граждан в связи с деятельностью государства в сфере освоения и использования ядерной энергетики (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 24 мая 2001 года № 8-П и от 10 ноября 2009 года № 17-П).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать пункт 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», часть первую статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и в статью 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Россий-

ской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» и положение пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку данные нормы в их взаимосвязи — по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования — не предполагают возможность снижения исчисленного из среднего заработка с учетом степени утраты профессиональной трудоспособности размера ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда здоровью, установленной гражданам, которые до 15 февраля 2001 года были признаны инвалидами вследствие чернобыльской катастрофы и которым при очередном переосвидетельствовании была установлена более низкая группа инвалидности без определения степени утраты профессиональной трудоспособности.

2. Правоприменительные решения в отношении гражданина Сизова Александра Яковлевича, если они вынесены на основании пункта 15 части первой статьи 14 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 апреля 2004 года № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» и в статью 2 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»» и положения пункта 8 статьи 3 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**13 февраля
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 8-П

по делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ»

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, с участием директора ООО «ПАГ» Н. С. Подоляцкого, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т. В. Касаевой, представителя Совета Федерации – доктора юридических наук П. А. Кучеренко, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба ООО «ПАГ». Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Г. А. Гаджиева, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание полномочного представителя Правительства Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М. Ю. Барщевского, а также представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации – М. А. Мельниковой, от Федеральной антимонопольной службы – С. А. Пузыревского, от Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей – А. В. Семенова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Заявитель по настоящему делу ООО «ПАГ» оспаривает конституционность следующих положений Гражданского кодекса Российской Федерации:

пункта 4 статьи 1252, согласно которому в случае, когда изготовление, распространение или иное использование, а также импорт, перевозка или

хранение материальных носителей, в которых выражены результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации, приводят к нарушению исключительного права на такой результат или на такое средство, такие материальные носители считаются контрафактными и по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации, если иные последствия не предусмотрены данным Кодексом;

статьи 1487, в силу которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, введенных в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия;

ряда положений статьи 1515, устанавливающих, что товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незаконно размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение, являются контрафактными; правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещены незаконно используемый товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение (пункт 1); в тех случаях, когда введение таких товаров в оборот необходимо в общественных интересах, правообладатель вправе требовать удаления за счет нарушителя с контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров незаконно используемого товарного знака или сходного с ним до степени смешения обозначения (пункт 2); правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации: в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения; в двукратном размере стоимости товаров, на которых незаконно размещен товарный знак, или в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака (пункт 4).

1.1. Как следует из представленных материалов, ООО «ПАГ» заключило государственный контракт на поставку в государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Черняховская центральная районная больница» партии медицинских товаров производства компании «Sony Corporation» (Япония). Соответствующие товары (60 рулонов термочувствительной бумаги для медицинских регистрирующих приборов) были приобретены обществом у компании «MEDITECH Sp. z o.o.» (Польша) и ввезены на территорию Российской Федерации.

Решением Арбитражного суда Калининградской области от 24 февраля 2015 года были удовлетворены иски компании «Sony Corporation» к ООО «ПАГ» о защите исключительного права на товарный знак «SONY», а именно: ответчику запрещено без разрешения истца осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также хранение с этой целью товаров, указанных в поданной им таможенной декларации, на упаковке которых (на которых) размещен товарный знак «SONY», и использовать данный товарный знак в отношении товаров, для которых он зарегистрирован, в том числе осуществлять ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение таких товаров в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также их перевозку или хранение с этой целью. Товары, ввезенные ответчиком на территорию Российской Федерации по указанной таможенной декларации, на упаковке которых (на которых) размещен товарный знак «SONY», были изъяты из оборота и уничтожены за счет ответчика, а в качестве компенсации за нарушение исключи-

тельного права на данный товарный знак с него взыскано в пользу истца 100 000 руб. Встречный иск ООО «ПАГ» о признании ввоза товаров несостоявшимся оставлен без удовлетворения.

Принимая данное решение, арбитражный суд первой инстанции исходил из следующего: введение товара в гражданский оборот на территории Российской Федерации третьим лицом без согласия правообладателя является нарушением исключительного права на товарный знак независимо от того, что соответствующий товар ранее был введен в гражданский оборот на территории иного государства; при этом под моментом введения товара в гражданский оборот на территории Российской Федерации понимается подача таможенной декларации с заявлением данного товара к таможенным режимам, предполагающим его использование в гражданском обороте на территории Российской Федерации. Тринадцатый арбитражный апелляционный суд согласился с приведенными доводами и, отметив, что при определении соразмерной величины компенсации Арбитражный суд Калининградской области учитывал характер допущенного ответчиком нарушения, оставил его решение без изменения (постановление от 2 июля 2015 года).

Постановлением Суда по интеллектуальным правам от 1 декабря 2015 года судебные акты арбитражных судов первой и апелляционной инстанций были отменены в части запрета ответчику в будущем без разрешения истца использовать товарный знак в отношении товаров, для которых он был зарегистрирован, в том числе осуществлять их ввоз, предложение к продаже, продажу или иное введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации, а также перевозку или хранение с этой целью; в удовлетворении требований истца в данной части было отказано, в остальной части указанные судебные акты оставлены без изменения. При этом Суд по интеллектуальным правам отметил, что перемещение товаров через таможенную границу Российской Федерации и подача таможенной декларации и (или) иных документов, необходимых для помещения товаров под таможенную процедуру (в том числе предусматривающую ограничения в пользовании и распоряжении ввезенным товаром), могут составлять самостоятельное нарушение исключительного права на товарный знак вне зависимости от факта введения маркированных им товаров в гражданский оборот.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2016 года ООО «ПАГ» отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

1.2. По мнению ООО «ПАГ», примененные в его деле положения Гражданского кодекса Российской Федерации противоречат статьям 1, 7, 17–19, 35 и 55 Конституции Российской Федерации и нарушают конституционные принципы правовой определенности и справедливости в той мере, в какой эти положения в их истолковании судами допускают отнесение к контрафактным товаров с законно размещенным на них товарным знаком, произведенных, маркированных и проданных самим правообладателем или с его согласия за пределами Российской Федерации; позволяют применять в качестве мер гражданско-правовой ответственности изъятие из оборота и уничтожение таких товаров, еще не введенных в оборот (в частности, не выпущенных в свободное обращение таможенными органами), применять указанные санкции, а также взыскание компенсации в отношении таких товаров, притом что они не содержат объективных признаков угрозы публичным интересам, а их оборот не посягает на публичный порядок; применять одинаковые санкции в отношении подделок, маркированных товарным знаком без согласия правообладателя, и в отношении оригинальных товаров; не предполагают учета стоимости таких товаров при определении

размера подлежащей взысканию компенсации; допускают применение указанных санкций при отсутствии установленной законом цели охраны исключительного права на товарный знак, т. е. при отсутствии угрозы смешения размещенных на товарах обозначений и введения в заблуждение потребителей.

Этими и другими приведенными заявителем доводами, по существу, обосновывается неконституционность закрепленного в статье 1487 ГК Российской Федерации национального принципа исчерпания прав, как создающего, по его мнению, препятствия для так называемого параллельного импорта, а также приводящего – во взаимосвязи с пунктом 4 статьи 1252 и пунктами 1, 2 и 4 статьи 1515 данного Кодекса – к отождествлению юридических последствий нарушения указанного принципа и мер ответственности за ввоз поддельной продукции.

1.3. В соответствии со статьями 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации проверяет по жалобе объединения граждан конституционность закона или отдельных его положений, затрагивающих конституционные права и свободы, на нарушение которых ссылается заявитель, и примененных в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм, не будучи связанным при принятии решения основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Как следует из представленных материалов, подпункт 2 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в деле ООО «ПАГ» не применялся, а потому в этой части его жалоба не является допустимой, а производство по ней в силу требований статей 43 и 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» подлежит прекращению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются взаимосвязанные положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации – в той мере, в какой на основании этих положений разрешается вопрос о привлечении к ответственности лица за нарушение исключительного права на товарный знак посредством ввоза соответствующих товаров на территорию Российской Федерации без согласия обладателя данного исключительного права для их введения в гражданский оборот.

2. Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности; не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34); право частной собственности охраняется законом (статья 35, часть 1); каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени (статья 23, часть 1); каждому гарантируется свобода научного, технического и других видов творчества; интеллектуальная собственность охраняется законом (статья 44, часть 1); установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, правовое регулирование интеллектуальной собственности относятся к ведению Российской Федерации (статья 71, пункты «ж», «о»).

Закрепление в числе основ конституционного строя России единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, поддержки конкуренции, свободы экономической деятельности (статья 8, часть 1, Конституции Российской Федерации) предполагает, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, наличие надлежащих гарантий стабильности, предсказуемости и надежности гражданского оборота, эффективной судебной защиты прав и законных интересов его участников (Постановление от 21 апреля 2003 года № 6-П).

Вместе с тем Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3), а также возможность ограничения перемещения товаров и услуг, если это необходимо для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей (статья 74, часть 2). Однако, как следует из приведенных положений Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с предписаниями ее статей 17 (часть 3) и 19 (части 1 и 2), такие ограничения, в том числе связанные с реализацией прав на средства индивидуализации при перемещении товаров и услуг, должны носить соразмерный характер.

В силу также вытекающих из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства и справедливости, на основе которых осуществляется регулирование и государственная, в том числе судебная, защита прав и законных интересов (частных и публичных) участников рыночного взаимодействия, праву каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности корреспондирует обязанность ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает такая деятельность.

Применительно к интеллектуальным правам, включая исключительное право на товарный знак, знак обслуживания, это означает обязанность их обладателя соблюдать общеправовые принципы реализации прав и свобод, в частности добросовестность при их осуществлении и недопустимость злоупотребления ими. Вместе с тем, как и право собственности, интеллектуальные права подлежат защите исходя из общего блага и необходимости поддержания конкурентной экономической среды, в том числе в целях утверждения в Российской Федерации таких конституционно значимых ценностей, как гражданский мир и согласие (преамбула Конституции Российской Федерации).

Соответственно, федеральное законодательство по таким предметам ведения Российской Федерации, как установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, федеральные экономические службы, гражданское законодательство и правовое регулирование интеллектуальной собственности (статья 71, пункты «ж», «о», Конституции Российской Федерации), равно как и основанные на нем правоприменительные, включая судебные, акты должны обеспечивать баланс и надлежащую защиту прав и деловой репутации обладателя исключительного права на товарный знак, знак обслуживания, с одной стороны, и прав импортеров и приобретателей товаров, на которых он размещен, — с другой.

3. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации индивидуализация товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей в гражданском обороте обеспечивается, в частности, путем признания исключительного права на товарный знак (пункт 1 статьи 1477);

лицу, на имя которого зарегистрирован товарный знак (правообладателю), принадлежит исключительное право использования товарного знака любым не противоречащим закону способом (пункт 1 статьи 1484).

Товары иностранного производства, на которых их производителем размещены товарные знаки, могут быть правомерно приобретены вне пределов Российской Федерации и впоследствии перемещаться через ее границу. Фактически на территорию Российской Федерации такие товары могут поставяться как самим производителем либо иным хозяйствующим субъектом по согласованию с ним, так и хозяйствующим субъектом без согласования с производителем или с выбранными им официальными дистрибьюторами, т. е. в порядке параллельного импорта. В таких случаях баланс и защита прав и законных интересов производителей как обладателей исключительного права на товарный знак и их официальных дистрибьюторов, с одной стороны, и импортеров и потребителей — с другой, достигается посредством нормативно-правового регулирования и на его основе — в случае спора — обеспечивается правосудием.

В целях учета указанных конкурирующих прав и интересов в их сопряжении законодательство многих стран использует принцип исчерпания прав (первой продажи или введения в оборот), означающий, по общему правилу, ограничение действия исключительного права на товарный знак, т. е. свободный оборот товаров, если они на законных основаниях уже введены в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия. При этом возможность импорта продукции независимо от согласия производителя товара или его официального дистрибьютора (параллельный импорт) во многом зависит от того, какой вид (режим) исчерпания прав установлен в правовой системе того государства, на территорию которого ввозится соответствующая продукция, — национальный, региональный или международный.

Национальное исчерпание прав означает, что на территории определенного государства исключительное право на размещенный правообладателем на конкретном товаре товарный знак, подлежащее правовой охране на территории данного государства, исчерпывается с момента первого введения товара в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия на территории данного государства. Региональное исчерпание прав предполагает исчерпание правообладателем исключительного права на товарный знак в рамках таможенной территории нескольких государств. При международном исчерпании прав исключительное право на товарный знак признается исчерпанным по отношению к конкретному товару с момента его первого введения в гражданский оборот непосредственно правообладателем или с его согласия на территории любого государства.

В статье 6 Соглашения Всемирной торговой организации по торговым аспектам права интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 года, обязательного для всех государств — участников ВТО, оговаривается, что данное Соглашение не затрагивает вопросы исчерпания прав интеллектуальной собственности. Таким образом, решение этих вопросов передается на усмотрение самих государств-участников, к числу которых относится и Россия.

В свою очередь, Конституция Российской Федерации, как следует из ее статей 71 (пункты «е», «ж», «л») и 74 (часть 2), не предопределяет правомерность и предпочтительность какого-либо конкретного режима исчерпания прав, оставляя решение этого вопроса на усмотрение федерального законодателя, уполномоченного на установление основ федеральной экономической политики, включая внешнеэкономические отношения Российской Федерации, исходя из конституционной обязанности защищать национальные

экономические интересы, права и законные интересы граждан и иных участников гражданского оборота, в том числе в сфере предпринимательства. Обеспечение же проведения в Российской Федерации единой экономической политики Конституция Российской Федерации возлагает на Правительство Российской Федерации (статья 114).

4. Статья 1487 «Исчерпание исключительного права на товарный знак» ГК Российской Федерации, согласно которой не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации непосредственно правообладателем или с его согласия, предусматривает тем самым национальный режим исчерпания исключительного права на товарный знак.

Поскольку установление того или иного режима исчерпания прав, по смыслу статей 71 (пункты «е», «ж», «л») и 74 (часть 2) Конституции Российской Федерации, является дискрецией федерального законодателя, названное законоположение само по себе не может рассматриваться как несовместимое с ее требованиями. Вместе с тем следует учитывать, что статья 1487 ГК Российской Федерации действует в контексте принципов и норм Конституции Российской Федерации и в системной связи с другими положениями гражданского законодательства.

В силу Конституции Российской Федерации, участвуя в межгосударственных объединениях, Россия может передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами, участником которых она является, если это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам ее конституционного строя (статья 79); международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (статья 15, часть 4).

В настоящее время для Российской Федерации являются обязательными, в частности, Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в городе Астане 29 мая 2014 года (с последующими изменениями и дополнениями), и Таможенный кодекс Евразийского экономического союза, Договор о котором подписан в городе Москве 11 апреля 2017 года.

Согласно приложению № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе на территориях государств-членов применяется принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза, в соответствии с которым не является нарушением исключительного права на товарный знак, товарный знак Союза использование этого товарного знака, товарного знака Союза в отношении товаров, которые были правомерно введены в гражданский оборот на территории любого из государств-членов непосредственно правообладателем товарного знака и (или) товарного знака Союза или другими лицами с его согласия (пункт 16).

Следовательно, для государств – членов ЕАЭС установлен региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак. Это означает, что те товары с размещенными на них товарными знаками, которые были введены в гражданский оборот на территории Российской Федерации или какого-либо другого государства, входящего в ЕАЭС, непосредственно правообладателем или с его согласия, могут в дальнейшем свободно находиться в обороте на территории всех государств – членов ЕАЭС; импорт же на территорию ЕАЭС из других государств товаров с размещенными на них товарными знаками допускается только с согласия правообладателей этих товарных знаков.

При отсутствии соответствующего закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации региональный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, предусмотренный приложением № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, действует в Российской Федерации в силу статьи 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации и конкретизирующего ее предписания применительно к гражданскому законодательству пункта 2 статьи 7 данного Кодекса.

Таким образом, статья 1487 ГК Российской Федерации, как закрепляющая в рамках дискреции федерального законодателя национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак, подлежит применению во взаимосвязи с международно-правовым регулированием принципа исчерпания прав, включая пункт 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе, которым предусматривается исчерпание исключительного права на товарный знак правомерным введением в гражданский оборот товаров непосредственно правообладателем размещенного на них товарного знака или другими лицами с его согласия на территории любого из государств — членов ЕАЭС.

5. По смыслу статей 8 (часть 1), 17 (часть 3), 34 (часть 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, права и свободы в сфере предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности не должны осуществляться с нарушением прав и свобод других лиц и ставить под угрозу конституционно защищаемые ценности. Как указано в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 10-П, в силу конституционного принципа справедливости, проявляющегося в необходимости обеспечения баланса прав и обязанностей всех участников рыночного взаимодействия, свобода, признаваемая за лицами, осуществляющими предпринимательскую и иную не запрещенную законом экономическую деятельность, и гарантируемая им защита должны быть уравновешены обращенным к этим лицам требованием ответственного отношения к правам и свободам тех, кого затрагивает их хозяйственная деятельность.

Конституционное требование действовать добросовестно и не злоупотреблять своими правами равным образом обращено ко всем участникам гражданских правоотношений. Исходя из этого, Гражданский кодекс Российской Федерации называет в числе основных начал гражданского законодательства следующие: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3 статьи 1); никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1); не допускаются любое заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом), использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке (пункт 1 статьи 10); в случае несоблюдения этих требований суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (пункт 2 статьи 10).

В свете указанных требований Конституции Российской Федерации и корреспондирующих им общих положений (по сути, принципов) гражданского законодательства должны интерпретироваться и применяться и нормы, непосредственно определяющие содержание и гарантии прав на объекты интеллектуальной собственности. На необходимость истолкования положений Гражданского кодекса Российской Федерации, законов и иных актов, содержащих нормы гражданского права, в системной связи с основ-

ными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 данного Кодекса, обращается внимание в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, как разъясняется в его пункте 1, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела, характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны.

Осуществляя правовое регулирование по таким предметам ведения Российской Федерации, как установление правовых основ единого рынка, таможенное регулирование, федеральные экономические службы, гражданское законодательство и правовое регулирование интеллектуальной собственности (статья 71, пункты «ж», «о», Конституции Российской Федерации), федеральный законодатель призван исходить из необходимости соблюдения баланса конституционно значимых для сферы рыночных отношений ценностей — экономической безопасности, свободы предпринимательства, охраны прав потребителей и деловой репутации производителей товаров (работ, услуг) путем предоставления участникам гражданского оборота эффективной государственной, в том числе судебной, защиты нарушенных прав и свобод, обеспечивая тем самым определенность и устойчивость вводимого им правового регулирования и способствуя развитию экономики. В свою очередь, правоприменители, прежде всего суды, обязаны применять положения законодательства об интеллектуальной собственности не только исходя из их системной связи с основными положениями гражданского законодательства, но и в контексте общеправовых принципов равенства и справедливости, а также принимая во внимание вытекающие из этих принципов требования соразмерности (пропорциональности) и соблюдения баланса конкурирующих прав и законных интересов — частных и публичных (статья 17, часть 3; статья 19, части 1 и 2; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации).

Данная правовая позиция полностью распространяется на судебную защиту лиц, обладающих исключительным правом на товарный знак, которая должна осуществляться с учетом прав и законных интересов других лиц, в том числе при рассмотрении вопроса о допустимости параллельного импорта. Соответственно, спор правообладателя товарного знака с импортером товаров, на которых он размещен, должен разрешаться на основе указанных принципов и требований при оценке интересов сторон, как частных, так и публичных.

Исходя из этого, положения антимонопольного законодательства, в частности статья 10 «Запрет на злоупотребление хозяйствующим субъектом доминирующим положением» Федерального закона от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ «О защите конкуренции», согласно которой установленные в ней требования не распространяются на действия по осуществлению исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации продукции, работ или услуг (часть 4), не могут интерпретироваться и применяться как полностью выводящие коллизию интересов правообладателей товарных знаков и иных участников правоотношений по поводу товаров, на которых размещены соответствующие товарные знаки, и связанную с этим возможность оценки поведения сторон как недобросовестного из-под действия механизмов обеспечения баланса конституционно значимых ценностей. Иное означало бы

злоупотребление исключительным правом на товарный знак, выходящее за разумные пределы защиты правообладателем своего экономического интереса, которое не должно поощряться, поскольку осуществление субъективных прав в противоречии с их назначением или с публичными целями, охраняемыми гражданским правом, влечет отказ в правовой защите.

Действия правообладателя, недобросовестно использующего — в нарушение требований Конституции Российской Федерации и основных начал гражданского законодательства — механизм национального (регионального) исчерпания исключительного права на товарный знак, в частности ограничивающего ввоз на внутренний рынок Российской Федерации конкретных товаров или реализующего ценовую политику, состоящую в завышении цен на российском рынке по сравнению с другими рынками в большей степени, чем это характерно для обычной экономической деятельности и для удовлетворения разумного экономического интереса правообладателя, не могут расцениваться как одобряемые с точки зрения защиты конституционно значимых ценностей, если такие действия приводят к ограничению доступа российских потребителей к соответствующим товарам, прежде всего тем, наличие которых на внутреннем рынке является жизненно важной необходимостью (например, отдельные категории лекарственных средств, оборудование для жизнеобеспечения населения и т. д.). Особую опасность такого рода действия могут приобретать для имеющих существенное значение публичных интересов в связи с применением каким-либо государством установленных вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, санкций против России, ее хозяйствующих субъектов, следование режиму которых со стороны правообладателя товарного знака, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение.

По смыслу законоположений, являющихся предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу, в их взаимосвязи с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации и в контексте требований статей 8 (часть 1), 17 (часть 3), 34 (часть 2), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, если правообладатель, обратившийся в суд на основании статьи 1487 ГК Российской Федерации с требованием применить в отношении лица, осуществившего без его согласия ввоз на территорию Российской Федерации конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, последствия, предусмотренные пунктом 4 статьи 1252, пунктом 2 и подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 данного Кодекса, осуществляет свое исключительное право на товарный знак в противоречии с вытекающим из Конституции Российской Федерации гражданско-правовым принципом добросовестности, нарушая конституционно защищаемые ценности, то в таком случае должны быть использованы гражданско-правовые институты противодействия злоупотреблению правом, что предполагает правомочие суда отказать в иске либо снизить размер неблагоприятных последствий для другой стороны спора.

Таким образом, положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не могут — в системной связи с конституционными предписаниями и с иными положениями данного Кодекса — рассматриваться как допускающие в судебной практике защиту интересов лица, которому принадлежит исключительное право на товарный знак (правообладателя), без оценки добросовестности

его поведения в связи с реализацией этого права и без учета того, не может ли применение по требованию правообладателя последствий ввоза на территорию Российской Федерации без его согласия определенной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в случае недобросовестного поведения правообладателя создать угрозу для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья граждан, охраны природы и культурных ценностей, других публично значимых и конституционно защищаемых интересов. Иное противоречило бы статьям 8 (часть 1), 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку вело бы к нарушению охраняемых ею ценностей, что недопустимо.

Соответственно, не исключается правомочие суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, а также пунктов 3 и 4 статьи 1, пунктов 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию этих последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов.

Федеральный законодатель – с учетом требований Конституции Российской Федерации и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – правомочен внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на обеспечение доступа на российский рынок товаров (групп товаров) адекватной стоимости, исходя из их важности для жизни и здоровья граждан, иных конституционно значимых публичных интересов, а также на конкретизацию действия национального принципа исчерпания исключительного права на товарный знак в сочетании с региональным принципом, закрепленным пунктом 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе. При этом выбор принципа исчерпания исключительного права на товарный знак (с учетом положений международных договоров, в том числе пункта 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе), равно как и выбор позиции относительно параллельного импорта остаются прерогативой федерального законодателя.

6. Введение в гражданский оборот на территории Российской Федерации без согласия лица, которому принадлежит исключительное право на товарный знак, товаров, на которых размещен этот товарный знак, влечет применение в отношении нарушителя определенных мер воздействия (ответственности). В частности, правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения контрафактных товаров за счет нарушителя, а также требовать от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере от десяти тысяч до пяти миллионов рублей, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения (пункты 1 и 2 и подпункт 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации).

Осуществляя правовое регулирование ответственности за нарушение прав интеллектуальной собственности (статья 71, пункт «о», Конституции Российской Федерации), федеральный законодатель в пределах своих полномочий вправе устанавливать и изменять меры ответственности, в том числе их вид и размер, будучи вместе с тем связан предписаниями статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, которые во взаимосвязи с ее статья-

ми 8, 17, 19, 34 и 35 применительно к праву частной собственности, свободе экономической деятельности допускают возможность их ограничений федеральным законом, если такие ограничения базируются на общих принципах права, отвечают требованиям равенства и справедливости, являются адекватными, соразмерными конституционно значимым целям и ценностям и необходимы для их защиты.

Имея своим предназначением воспрепятствование злоупотреблению правом, такое правовое регулирование не должно посягать на само существо того или иного права и приводить к утрате его реального содержания; конституционными требованиями справедливости и соразмерности предопределяется дифференциация гражданско-правовой ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении тех или иных мер государственного принуждения.

Соответственно, в каждом конкретном случае меры гражданско-правовой ответственности, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий (в том числе для лица, в отношении которого они применяются) тому вреду, который причинен в результате противоправного деяния, с тем чтобы обеспечивалась их соразмерность совершенному правонарушению, а также соблюдался баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств.

Исходя из этого Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 13 декабря 2016 года № 28-П сформулировал правовую позицию, в силу которой взыскание компенсации за нарушение интеллектуальных прав, будучи штрафной санкцией, преследующей в том числе публичные цели пресечения нарушений в сфере интеллектуальной собственности, является, тем не менее, частноправовым институтом, который основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений (пункт 1 статьи 1 ГК Российской Федерации), а именно правообладателя и нарушителя его исключительного права на объект интеллектуальной собственности, и в рамках которого защита имущественных прав правообладателя должна осуществляться с соблюдением вытекающих из Конституции Российской Федерации требований справедливости, равенства и соразмерности, а также запрета на реализацию прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц, т. е. таким образом, чтобы обеспечивался баланс прав и законных интересов участников гражданского оборота.

Положения пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в целях охраны исключительного права на товарный знак создают для правообладателя преимущества, освобождающие его от бремени доказывания размера причиненного ущерба и наличия вины нарушителя. Вместе с тем это не освобождает суд, применяющий в конкретном деле нормы, которые ставят одну сторону (правообладателя) при защите своих прав в более выгодное положение, а в отношении другой предусматривают возможность неблагоприятных последствий, от обязанности руководствоваться в рамках предоставленной ему дискреции правовыми критериями баланса конкурирующих интересов сторон и соразмерности назначаемой меры ответственности правонарушающему деянию. Иное не согласовывалось бы ни с конституционными принципами справедливости и соразмерности, ни с общими началами частного права.

Пункт 1 статьи 1515 ГК Российской Федерации определяет в качестве контрафактных товары, этикетки, упаковки товаров, на которых незакон-

но размещены товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. При этом согласно пункту 2 той же статьи правообладатель вправе требовать изъятия из оборота и уничтожения за счет нарушителя контрафактных товаров, этикеток, упаковок товаров, на которых размещены незаконно используемый товарный знак или сходное с ним до степени смешения обозначение. Во взаимосвязи со статьями 1252, 1484 и 1487 данного Кодекса названные законоположения позволяют относить к контрафактным как поддельную продукцию, так и товар, снабженный законным товарным знаком, но импортированный в Россию без согласия правообладателя.

Этим, однако, не предопределяется возможность применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к импортеру, ввозящему на территорию России поддельные или недоброкачественные товары, и к импортеру, не получившему на ввоз в Россию товара, ранее на законных основаниях выпущенного в оборот в другой стране, согласия правообладателя товарного знака. При ввозе поддельных товаров, маркированных товарным знаком, правообладатель этого товарного знака не только несет убытки в виде упущенной выгоды, которую он мог бы получить от ввоза законно выпущенных товаров, но и претерпевает серьезные репутационные риски, связанные с несоответствием товара ожидаемым характеристикам и требованиям потребителей. Очевидна и разница в степени угрозы для законного оборота, степени общественной опасности использования потребителями товаров, контрафактных в силу поддельного происхождения, и товаров, признаваемых таковыми исключительно в силу их ввоза в страну неуполномоченным импортером.

Соответственно, поскольку подпункт 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации прямо предписывает суду определять размер компенсации, на выплату которой вправе рассчитывать обладатель исключительного права на товарный знак, по собственному усмотрению исходя из характера правонарушения, предполагается, что ее конкретный размер должен устанавливаться с учетом того, что при параллельном импорте понесенные правообладателем убытки, по общему правилу, не столь велики, как при ввозе поддельных товаров, маркированных принадлежащим ему товарным знаком.

Во всяком случае, по смыслу приведенных правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, при применении положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации отсутствуют конституционно-правовые основания для назначения таких мер ответственности за нарушение исключительного права на товарный знак, как изъятие из оборота и уничтожение товаров, ранее введенных правообладателем в гражданский оборот на территории другого государства и ввезенных на территорию России без его согласия (параллельный импорт), — в отличие от последствий ввоза поддельных товаров, изъятие и уничтожение которых может не производиться лишь в порядке исключения (если введение таких товаров в оборот продиктовано необходимостью защиты общественно значимых интересов). Это означает, что товары, ввезенные на территорию России в порядке параллельного импорта, могут быть изъяты из оборота и уничтожены лишь в случае установления их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей, что, однако, не исключает применение иных последствий нарушения исключительного права на товарный знак с учетом содержащегося в настоящем Постановлении конституционно-правового истол-

кования положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации.

Следовательно, суды, в том числе специализированный Суд по интеллектуальным правам, рассматривающие в порядке обжалования решений арбитражных судов нижестоящих инстанций дела, связанные с взысканием по искам правообладателей (представляющих их лиц) предусмотренной подпунктом 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации компенсации, уполномочены – исходя из выявленного в настоящем Постановлении конституционно-правового смысла указанного законоположения – не допускать применения данной меры гражданско-правовой ответственности без учета характера совершенного правонарушения, т. е. в случае ввоза на территорию России без согласия правообладателя товарного знака продукции, на которой товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, не допускать взыскания такой же по размеру компенсации, как при ввозе (реализации) поддельной продукции, если это не повлекло для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от использования товарного знака на поддельной продукции.

Данный подход, основанный на правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, применим и к другим последствиям незаконного использования товарного знака (изъятию товара из оборота и его уничтожению без какой бы то ни было компенсации). При этом федеральный законодатель не лишен возможности внести в действующее законодательство изменения, направленные на дифференциацию размера ответственности за незаконное использование товарного знака в зависимости от характера допущенного нарушения исключительного права на товарный знак.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по конституционно-правовому смыслу этих положений:

закрепленный федеральным законодателем в рамках предоставленной ему дискреции национальный принцип исчерпания исключительного права на товарный знак применяется во взаимосвязи с регулированием принципа исчерпания прав международными договорами, участником которых является Российская Федерация, в том числе пунктом 16 приложения № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе;

не исключается правомочие суда, действуя на основании статей 17 (часть 3) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 1, пунктами 1 и 2 статьи 10 ГК Российской Федерации, отказать полностью или частично в применении последствий ввоза на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака конкретной партии товара, на котором товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия и который законно выпущен в оборот за пределами Российской Федерации, в тех случаях, когда в силу недобросовестности поведения правообладателя товарного знака применение по его требованию таких последствий может создать угрозу для жизни и здоровья граждан, иных публично значимых интересов; при этом следование правообладателя товарного знака режиму санкций против Российской Федерации, ее хозяйствующих субъектов, установленных каким-либо

государством вне надлежащей международно-правовой процедуры и в противоречии с многосторонними международными договорами, участником которых является Российская Федерация, выразившееся в занятой правообладателем позиции в отношении российского рынка, может само по себе рассматриваться как недобросовестное поведение;

не предполагается применение при ввозе на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя товарного знака партии товара, на котором товарный знак размещен правообладателем или с его согласия, таких же по размеру (тяжести последствий) мер гражданско-правовой ответственности, как при ввозе поддельного (на котором товарный знак размещен не правообладателем и не с его согласия) товара, если по обстоятельствам конкретного дела это не влечет для правообладателя убытков, сопоставимых с убытками от введения в оборот поддельного товара;

товары, на которых товарный знак размещен самим правообладателем или с его согласия, ввезенные на территорию Российской Федерации без согласия правообладателя, могут быть изъяты из оборота и уничтожены в порядке применения последствий нарушения исключительного права на товарный знак лишь в случае их ненадлежащего качества и (или) для обеспечения безопасности, защиты жизни и здоровья людей, охраны природы и культурных ценностей.

2. Конституционно-правовой смысл положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является обязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Дело общества с ограниченной ответственностью «ПАГ», разрешенное на основании положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пунктов 1 и 2 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежит пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

19 февраля
2018 года,
город Санкт-
Петербург

№ 9-П

по делу о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3¹ части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 101, 102 и 104 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явился запрос Промышленного районного суда города Смоленска. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Л. М. Жарковой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части 5 статьи 2 Федерального закона от 4 июня 2011 года № 126-ФЗ «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» периоды службы (работы), учтенные в соответствии с данным Федеральным законом при преобразовании пенсионных прав застрахованных лиц в расчетный пенсионный капитал, не включаются в выслугу лет (в стаж работы), с учетом которой (которого) назначается пенсия за выслугу лет или ежемесячное пожизненное содержание.

В соответствии с пунктом 5 статьи 15 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» пребывающему в отставке судье выплачивается пенсия на общих основани-

ях; пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи не менее 20 лет, выплачивается по его выбору пенсия на общих основаниях или не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание в размере восьмидесяти процентов ежемесячного денежного вознаграждения работающего по соответствующей должности судьи; пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в должности судьи менее 20 лет и достигшему возраста 55 (для женщин – 50) лет, размер ежемесячного пожизненного содержания исчисляется пропорционально количеству полных лет, отработанных в должности судьи (абзац первый); пребывающему в отставке судье, имеющему стаж работы в этой должности более 20 лет, ежемесячное пожизненное содержание увеличивается из расчета: за каждый год стажа работы свыше 20 лет – один процент указанного содержания, но всего не более 85 процентов ежемесячного денежного вознаграждения занимающего соответствующую должность судьи (абзац второй); пребывающие в отставке судьи, ставшие инвалидами вследствие военной травмы, имеют право на получение ежемесячного пожизненного содержания и пенсии по инвалидности (абзац третий).

Пункт 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает запрет применения правил, определяющих меры социальной защиты судьи и членов его семьи и порядок их предоставления (пункты 2, 3, 4 и 5 данной статьи), если в предусмотренном законом порядке будет установлено, что причинение вреда судье и членам его семьи не связано со служебной деятельностью судьи.

1.1. Конституционность приведенных законоположений оспаривается в запросе Промышленного районного суда города Смоленска, в производстве которого находится гражданское дело по иску гражданина Г. В. Рязанова к Управлению Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Смоленской области о признании права на пенсионное обеспечение в виде ежемесячного возмещения в размере ежемесячного денежного вознаграждения судьи.

Г. В. Рязанов, 1974 года рождения, с 1 июля 2004 года замещал должности судей, в том числе с 21 апреля 2009 года – должность судьи Гагаринского городского суда Смоленской области, с 1 января 2011 года – должность судьи Гагаринского районного суда Смоленской области. 13 декабря 2013 года, находясь на работе, он заболел и через пять дней был госпитализирован, а 1 июля 2014 года ему была установлена I группа инвалидности вследствие общего заболевания, которая 1 августа 2016 года была подтверждена без указания срока переосвидетельствования.

Решением квалификационной коллегии судей Смоленской области от 26 сентября 2014 года полномочия судьи Гагаринского районного суда Смоленской области Г. В. Рязанова были прекращены по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 14 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи. При этом Г. В. Рязанову было выплачено выходное пособие с учетом 10 лет стажа работы в должности судьи. Ежемесячное пожизненное содержание не могло быть назначено ему ввиду отсутствия необходимой продолжительности стажа работы в качестве судьи.

Решением Управления Пенсионного фонда Российской Федерации в Гагаринском районе Смоленской области от 6 мая 2015 года Г. В. Рязанову с 1 июля 2014 года была установлена трудовая (с 1 января 2015 года – страховая) пенсия по инвалидности, размер которой по состоянию на 19 мая 2017 года составил 14 475 руб. 27 коп. При этом на основании его заявления в страховой стаж не были включены периоды работы с 1 января 2002 года по

26 сентября 2014 года, которые по достижении им возраста 55 лет могут быть учтены при назначении ему ежемесячного пожизненного содержания с определением размера данной выплаты пропорционально имеющемуся стажу работы в качестве судьи. Кроме того, Г. В. Рязанову как инвалиду I группы была установлена ежемесячная денежная выплата в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 28¹ Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

12 мая 2015 года Г. В. Рязанов обратился в Управление Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Смоленской области с заявлением о назначении ему предусмотренного пунктом 3 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» ежемесячного возмещения в размере ежемесячного денежного вознаграждения судьи, однако письмом от 15 мая 2015 года он был уведомлен о невозможности установления такой выплаты без подтверждения причинной связи заболевания с исполнением должностных обязанностей.

Решением Гагаринского районного суда Смоленской области от 28 января 2016 года, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Смоленского областного суда от 26 апреля 2016 года, Г. В. Рязанову было отказано в удовлетворении заявления об установлении факта наличия указанной причинной связи.

Решением комиссии по назначению ежемесячного пожизненного содержания судьям при Управлении Судебного департамента в Смоленской области от 28 июня 2016 года со ссылкой на названные судебные акты Г. В. Рязанову было отказано в установлении ежемесячного возмещения в размере ежемесячного денежного вознаграждения судьи.

Полагая, что в условиях отсутствия правового механизма, обеспечивающего судье, ставшему инвалидом вследствие повреждения здоровья, не связанного со служебной деятельностью, пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с ежемесячным денежным вознаграждением судьи, ему должно быть назначено ежемесячное возмещение в соответствии с пунктом 3 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Г. В. Рязанов предъявил в Промышленный районный суд города Смоленска иск к Управлению Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Смоленской области с соответствующими требованиями.

Придя к выводу о том, что имеется неопределенность в вопросе о соответствии Конституции Российской Федерации подлежащих применению в данном деле части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», пункта 5 статьи 15 и пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», Промышленный районный суд города Смоленска определением от 28 июня 2017 года приостановил производство по делу и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности названных законоположений.

По мнению заявителя, оспариваемые законоположения вступают в противоречие со статьями 19 (части 1 и 2) и 39 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, поскольку не гарантируют судьям, ставшим в период осуществления полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшим в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с ежемесячным денежным вознаграждением судьи.

1.2. В силу требований статей 74, 101 и 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации, проверяя по запросу суда конституционность оспариваемых им законоположений, принимает постановление только по предмету, указанному в запросе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой, и исходя из их места в системе правовых норм; при этом предметом проверки в Конституционном Суде Российской Федерации по запросу суда может быть лишь закон, подлежащий применению в конкретном деле.

Статья 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает меры социальной защиты судьи и членов его семьи в случае причинения судье увечья или иного повреждения здоровья в связи с исполнением им служебных обязанностей. Пункт 7 указанной статьи, оспариваемый заявителем, исключает возможность применения ее положений к случаям, когда причинение вреда судье и членам его семьи не связано со служебной деятельностью судьи.

Между тем, как следует из представленных материалов, в производстве Промышленного районного суда города Смоленска находится дело судьи в отставке, ставшего инвалидом вследствие общего заболевания, т. е. здоровью которого не был причинен вред вследствие увечья или иного повреждения здоровья, исключающих дальнейшую возможность заниматься профессиональной деятельностью. Соответственно, не может ставиться и вопрос о возмещении такого вреда. Поэтому пункт 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», касающийся исключительно тех судей и членов их семей, которым причинен вред, и определяющий порядок применения положений указанной статьи в зависимости от обстоятельств его причинения, не может расцениваться как подлежащий применению в рассматриваемом Промышленным районным судом города Смоленска деле.

Следовательно, в части оспаривания конституционности пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» данный запрос не отвечает критерию допустимости и производство по настоящему делу в этой части подлежит прекращению на основании пункта 2 статьи 43 и статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются положения части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и пункта 5 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» постольку, поскольку на их основании решается вопрос о праве на пенсионное обеспечение судьи, ставшего в период осуществления полномочий инвалидом вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения им права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшего в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи.

2. В соответствии со статьями 118 (часть 1), 120 (часть 1), 121 (часть 1) и 122 (часть 1) Конституции Российской Федерации и конкретизирующими их положениями статей 1, 4, 5, 15 и 16 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом; суд осуществляет судебную власть самостоятельно, независимо от

чьей бы то ни было воли; судьи как представители судебной власти независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, несменяемы и неприкосновенны.

Судьи реализуют публично-правовые цели правосудия, что предопределяет закрепление особого конституционного статуса судьи, который включает в себя в том числе обязательства соблюдать установленные законом требования и возлагаемые на судью ограничения.

Исходя из того что специфика судебной деятельности и статус судьи требуют от представителей судейского корпуса высокого уровня профессионализма и морально-этических качеств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 года № 310-О), федеральный законодатель устанавливает особый правовой режим приобретения, осуществления и прекращения статуса судьи, включая специальные квалификационные требования к кандидатам на должность судьи, а также порядок назначения на должность, пребывания в должности и прекращения полномочий судьи (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 2011 года № 19-П). При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, предполагается повышенная ответственность судьи за выполнение своих профессиональных обязанностей, соблюдение законов и правил судейской этики (постановления от 7 марта 1996 года № 6-П, от 19 февраля 2002 года № 5-П, от 28 февраля 2008 года № 3-П и др.). Такой подход корреспондирует международным стандартам и рекомендациям в сфере правосудия. В соответствии с Бангалорскими принципами поведения судей (одобрены резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2006/23 от 27 июля 2006 года) судья сознательно, по доброй воле принимает на себя необходимые для поддержания достоинства судебной власти ограничения, которые рядовыми гражданами могут рассматриваться как обременительные (пункт 4.2), и не вправе совершать поступки, которые позволяли бы усомниться в его профессиональной добросовестности (пункт 6.7).

В соответствии с действующим правовым регулированием ограничения, связанные с осуществлением полномочий судьи, включают запрет осуществлять иную оплачиваемую (приносящую доход) деятельность (за исключением педагогической, научной и иной творческой), которая могла бы учитываться при определении пенсионных прав. В частности, судья не вправе замещать иные государственные должности, должности государственной службы, муниципальные должности, должности муниципальной службы, быть третейским судьей, арбитром; заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, в том числе принимать участие в управлении хозяйствующим субъектом независимо от его организационно-правовой формы; заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности, занятие которой не должно препятствовать исполнению обязанностей судьи и не может служить уважительной причиной отсутствия на заседании, если на то не дано согласия председателя соответствующего суда (для мировых судей — председателя соответствующего районного суда, для председателей судов — президиумов соответствующих судов, а в случае отсутствия таких президиумов — президиумов вышестоящих судов) (пункт 3 статьи 3 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»).

Предъявляя к судье и его профессиональной деятельности высокие требования, общество и государство — в силу признания конституционного статуса судьи средством, призванным обеспечивать каждому действительную защиту его прав и свобод правосудием, — вправе и обязаны обеспечить ему дополнительные гарантии надлежащего осуществления деятельности

по отправлению правосудия (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 19 февраля 2002 года № 5-П, от 31 января 2008 года № 2-П и от 20 апреля 2010 года № 9-П). Такие гарантии должны включать и предоставление судье за счет государства материального и социального обеспечения, обусловленного предъявляемыми к судье требованиями и установленными для него запретами и ограничениями, предопределенными спецификой профессиональной деятельности.

Соответственно, федеральный законодатель, осуществляя в порядке конкретизации предписаний статей 71 (пункты «г», «о»), 76 (часть 1), 118–122, 124–126 и 128 Конституции Российской Федерации правовое регулирование в таких сферах ведения Российской Федерации, как порядок организации и деятельности органов судебной власти, судебная система и судоустройство, и устанавливая особенности правового положения судей, управомоченных в силу своего конституционно-правового статуса на осуществление правосудия от имени государства, должен исходить из необходимости надлежащего материального и социального обеспечения как действующих судей, так и судей, пребывающих в отставке, в том числе тех, чьи полномочия прекращены по основанию, предусмотренному подпунктом 2 пункта 1 статьи 14 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», в связи с установлением инвалидности.

При этом конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона, выступает также гарантированный статьей 19 Конституции Российской Федерации принцип равенства, который носит универсальный характер и оказывает регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и соблюдение которого означает, помимо прочего, и запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории (запрет различного обращения с лицами, находящимися в одинаковых или сходных ситуациях).

3. Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», закрепляя в развитие конституционных положений гарантии обеспечения независимости судей, относит к их числу право судьи на отставку. Названный Закон отставкой судьи признает почетный уход или почетное удаление судьи с должности, при котором за лицом, пребывающим в отставке, сохраняются звание судьи, гарантии личной неприкосновенности и принадлежность к судейскому сообществу. Каждый судья имеет право на отставку по собственному желанию независимо от возраста. Кроме того, судья считается ушедшим или удаленным в отставку, если его полномочия прекращены в связи с невозможностью их осуществления по состоянию здоровья или по иным причинам, а также при наличии объективных обстоятельств, препятствующих продолжению судейской деятельности, например, достижение судье предельного возраста пребывания в должности судьи (подпункты 1, 2, 4, 9 и 11 пункта 1 статьи 14, пункты 1 и 2 статьи 15); судье, пребывающему в отставке, выплачивается по его выбору пенсия на общих основаниях или не облагаемое налогом ежемесячное пожизненное содержание, предоставляются иные гарантии и льготы (пункты 1 и 3–5 статьи 15, абзацы второй – четвертый пункта 1, пункты 4 и 5 статьи 19, абзац второй пункта 2 и пункт 4 статьи 20).

По общему правилу, ежемесячное пожизненное содержание в размере восьмидесяти процентов ежемесячного денежного вознаграждения работающего по соответствующей должности судьи назначается при уходе в отставку судьям, имеющим стаж работы в должности судьи не менее 20 лет.

Назначение ежемесячного пожизненного содержания пребывающим в отставке судьям, имеющим не менее 20 лет стажа работы в качестве судьи, независимо от того, в каком возрасте они прекратили исполнение полномочий по должности судьи, обеспечивает им защиту от риска утраты профессиональной трудоспособности ранее достижения общеустановленного пенсионного возраста.

При наличии стажа работы в области юриспруденции не менее 25 лет и по достижении возраста, с которым пенсионное законодательство связывает утрату трудоспособности и назначение страховой пенсии по старости на общих основаниях, предусмотренных статьей 8 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), право на получение ежемесячного пожизненного содержания в полном объеме предоставляется и судьям, продолжительность работы которых в должности судьи составляет менее 20 лет (но не менее 10 лет) (абзац сороковой пункта 1 статьи 19 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»). Так, для пребывающих в отставке судей, имеющих стаж работы в должности судьи менее 20 лет и достигших возраста 55 лет (для женщин — 50 лет), ежемесячное пожизненное содержание устанавливается в размере, исчисленном пропорционально количеству полных лет, отработанных в должности судьи, а именно по 4 процента за каждый отработанный в этой должности год (абзац первый пункта 5 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», пункт 4.1.2 утвержденной приказом Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 10 августа 2015 года № 669кд/234 Инструкции о порядке назначения и выплаты ежемесячного пожизненного содержания судьям федеральных судов общей юрисдикции, федеральных арбитражных судов и мировым судьям, ежемесячного возмещения в связи с гибелью (смертью) судьи, в том числе пребывавшего в отставке, нетрудоспособным членам семьи судьи, находившимся на его иждивении).

Таким образом, для судей установлен специальный правовой механизм, который гарантирует им достойное и согласующееся с их высоким статусом пенсионное обеспечение. При этом в качестве условий приобретения судьями права на ежемесячное пожизненное содержание закон называет пребывание в отставке и наличие стажа работы в должности судьи не менее 20 лет, а в случае недостаточной продолжительности стажа — достижение определенного возраста. Судьи, не отвечающие данным требованиям, права на ежемесячное пожизненное содержание не приобретают, их пенсионное обеспечение осуществляется на общих основаниях, предусмотренных законодательством.

Отставка судьи, как следует из положений подпункта 2 пункта 1 статьи 14 и пункта 2 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», может быть связана с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, в том числе в случае установления инвалидности. Прекращение полномочий по соответствующему основанию (подпункт 2 пункта 1 статьи 14 названного Закона) носит вынужденный характер и может иметь место как в случае, когда судья при уходе в отставку имеет стаж установленной законом продолжительности и, соответственно, — право на ежемесячное пожизненное содержание, так и в случае, когда право на такую выплату у него отсутствует ввиду недостаточной продолжительности стажа и (или) недостижения установленного законом возраста. В то же время законодательство, определяя условия и порядок предоставления ежемесячного пожизненного содержания, не учитывает такого обстоятельства, как установление судье инвалидности, исключаяо-

шей возможность продолжения судейской деятельности. Соответственно, специальный механизм пенсионного обеспечения судей не предусматривает предоставления тем из них, которые стали инвалидами вследствие заболевания, не связанного с осуществлением служебной деятельности, выплат, соотносимых с утраченным ежемесячным денежным вознаграждением по должности судьи.

Для судей, чьи полномочия были прекращены досрочно по состоянию здоровья, препятствующему их исполнению, предусматривается лишь льготный порядок зачета в стаж работы судьей времени предшествующей работы в аппаратах судов на должностях, для замещения которых необходимо высшее юридическое образование, а также в качестве прокурора, следователя, адвоката. В исключение из общего правила перечисленные периоды включаются в судейский стаж независимо от продолжительности стажа работы в должности судьи (часть первая статьи 7 Федерального закона от 10 января 1996 года № 6-ФЗ «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации»). Если же и при применении льготного порядка исчисления стажа его продолжительность составляет менее 20 лет, ежемесячное пожизненное содержание в размере, исчисленном пропорционально имеющемуся стажу работы в должности судьи, может быть назначено такому судье лишь по достижении возраста 55 лет (мужчины) или 50 лет (женщины). До достижения указанного возраста и приобретения права на ежемесячное пожизненное содержание ему может быть назначена пенсия по инвалидности на общих основаниях, в том числе при наличии страхового стажа – страховая – в соответствии с Федеральным законом «О страховых пенсиях», целевым назначением которой является компенсация утраченного в связи с наступлением такого страхового случая, как инвалидность, дохода в виде его заработной платы или иного вознаграждения (статьи 3 и 8 Федерального закона от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»).

Вместе с тем судья, который в период исполнения обязанностей получил заболевание, повлекшее инвалидность, и оказался вследствие этого обстоятельства в сложной жизненной ситуации, вправе в силу своего конституционно-правового статуса, включающего особые требования и ограничения, рассчитывать на поддержку государства и соответствующее социальное обеспечение, учитывающее как его статус, так и размер заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения).

4. В соответствии с действующим правовым регулированием судья, ставший инвалидом вследствие заболевания, не связанного с осуществлением служебной деятельности, и ушедший в отставку в связи с невозможностью по состоянию здоровья продолжать исполнение полномочий судьи, может избрать один из двух вариантов определения размера страховой пенсии по инвалидности. Первый предполагает преобразование в расчетный пенсионный капитал пенсионных прав, приобретенных в период исполнения обязанностей судьи. Второй – назначение страховой пенсии по инвалидности без учета периода исполнения обязанностей судьи, с тем чтобы по достижении возраста 55 лет (50 лет для женщин) приобрести право на предоставление ежемесячного пожизненного содержания пропорционально времени исполнения обязанностей судьи.

4.1. При избрании первого варианта размер страховой пенсии по инвалидности судьи, ушедшего в отставку, определяется с учетом того, что заработная плата (с 1 января 2013 года – ежемесячное денежное вознаграждение) судьи не включается в базу для начисления страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации (пункт 1 части 3 статьи 9 Федерального закона от 24 июля 2009 года № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсион-

ный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», утратившего силу с 1 января 2017 года в связи с принятием Федерального закона от 3 июля 2016 года № 250-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с передачей налоговым органам полномочий по администрированию страховых взносов на обязательное пенсионное, социальное и медицинское страхование»»; подпункт 1 пункта 3 статьи 422 Налогового кодекса Российской Федерации); соответственно, в период осуществления полномочий судьи формирование расчетного пенсионного капитала, а с 2015 года – индивидуального пенсионного коэффициента не происходит.

В целях обеспечения формирования пенсионных прав судей за период исполнения ими своих полномочий Федеральным законом «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» был определен порядок преобразования в расчетный пенсионный капитал пенсионных прав, приобретенных ими с 1 января 2002 года. В соответствии с названным Федеральным законом расчетный пенсионный капитал судей формируется из средств, выделенных Пенсионному фонду Российской Федерации из федерального бюджета в сумме, которая рассчитывается путем умножения действующей на день установления страховой части трудовой пенсии стоимости страхового года, определяемой как произведение минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом на начало финансового года, за который уплачиваются страховые взносы, и тарифа страховых взносов в соответствующий государственный внебюджетный фонд, увеличенное в 12 раз, на продолжительность периодов работы в должности судьи.

Со вступлением в силу Федерального закона «О страховых пенсиях» по отношению к периодам работы в должности судьи применяется установленный данным Федеральным законом индивидуальный пенсионный коэффициент за каждый полный календарный год такой деятельности – 1,8 (части 10 и 12 статьи 15).

Одновременно судье предоставлено право выбора порядка оценки пенсионных прав за периоды работы с 1 января 2002 года по 1 января 2015 года: в соответствии с названным Федеральным законом либо Федеральным законом «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан».

Применение в целях конвертации пенсионных прав судей указанных подходов, которые в системе пенсионного страхования используются для зачета в страховой стаж нестраховых периодов (периодов, за которые не начисляются и не уплачиваются страховые взносы), включая те, которые не были связаны с осуществлением трудовой деятельности (в частности, периодов ухода одного из родителей за первым ребенком до достижения им возраста полутора лет; ухода, осуществляемого трудоспособным лицом за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом или за лицом, достигшим возраста 80 лет; проживания супругов военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, вместе с супругами в местностях, где они не могли трудиться в связи с отсутствием возможности трудоустройства, но не более пяти лет в общей сложности и т. п.), обусловлено тем обстоятельством, что страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации на суммы

заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения) судьи не начисляются и не уплачиваются.

Таким образом, размер страховой пенсии по инвалидности судье в отставке определяется без учета его заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения), а сам он при назначении пенсии в системе обязательного пенсионного страхования ставится в худшее по сравнению с застрахованными лицами положение, поскольку периоды работы в должности судьи оцениваются, как правило, аналогично периодам, в которые трудовая деятельность по уважительным причинам не осуществлялась.

Такие же условия преобразования в расчетный пенсионный капитал и индивидуальный пенсионный коэффициент пенсионных прав, приобретенных в период, когда они не подлежали обязательному пенсионному страхованию, установлены федеральными законами «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и «О страховых пенсиях» для военнослужащих. Однако военнослужащим в рамках специального механизма их пенсионного обеспечения устанавливается пенсия по инвалидности как в случае, когда инвалидность вызвана ранением, контузией, увечьем или заболеванием, полученными при защите Родины, в том числе в связи с пребыванием на фронте, прохождением службы за границей в государствах, где велись боевые действия, или при исполнении иных обязанностей военной службы (служебных обязанностей) (инвалидность вследствие военной травмы), так и при наступлении инвалидности вследствие увечья, полученного в результате несчастного случая, не связанного с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей), либо заболевания, не связанного с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей) (инвалидность вследствие заболевания, полученного в период военной службы). Причина инвалидности влияет на размер пенсии, но и в том и в другом случае он соотносится с денежным довольствием военнослужащего (статьи 19, 21 и 22 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 года № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей»).

Соответственно, можно констатировать, что законодатель, не предусмотрев специального пенсионного обеспечения на случай установления судье инвалидности, препятствующей продолжению профессиональной деятельности, в рамках системы обязательного пенсионного страхования не создал и адекватного правового механизма, который позволял бы преобразовывать пенсионные права, приобретенные в период осуществления полномочий по должности судьи, в расчетный пенсионный капитал (за период с 1 января 2002 года по 1 января 2015 года) и индивидуальный пенсионный коэффициент (начиная с 1 января 2015 года) в объеме, соотносимом с заработной платой (ежемесячным денежным вознаграждением) судей.

4.2. Второй вариант пенсионного обеспечения судьи в отставке, которому в период осуществления служебных обязанностей установлена инвалидность, основан на применении правила части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан», которое не предусматривает учета периода осуществления полномочий судьи при преобразовании пенсионных прав, с тем чтобы сохранить право на получение ежемесячного пожизненного содержания по достижении установленного законом возраста.

В этом случае размер страховой пенсии по инвалидности будет определяться исключительно на основе стажа и пенсионных прав, приобретенных до назначения на должность судьи. Следовательно, размер пенсии составит еще меньшую сумму, чем при преобразовании пенсионных прав, приобретенных в период осуществления полномочий по должности судьи, в расчетный пенсионный капитал, однако по достижении 55-летнего (для женщин — 50-летнего) возраста судья получит возможность выбора между получением страховой пенсии по инвалидности и ежемесячным пожизненным содержанием, размер которого будет определен пропорционально количеству лет работы в должности судьи.

Применение части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» приводит к тому, что в течение зачастую продолжительного времени судья в отставке, который в силу состояния здоровья лишен возможности осуществлять даже те виды профессиональной деятельности, которые совместимы с его статусом, получает социальное обеспечение, не соответствующее конституционно-правовому статусу судьи и несоотносимое с его заработной платой (ежемесячным денежным вознаграждением).

Такой судья ставится в худшее положение по сравнению с гражданами, находившимися в качестве нетрудоспособных членов семьи на иждивении судьи, которым гарантируется ежемесячное возмещение в связи с гибелью (смертью) судьи, в том числе пребывавшего в отставке, вследствие причин, не связанных с его служебной деятельностью, в размере, соотносимом с ежемесячным пожизненным содержанием судьи, которое фактически получал судья в отставке или которое рассчитывается пропорционально количеству полных лет, отработанных им в качестве судьи, независимо от его возраста на день гибели (смерти) (пункты 4¹–4³ статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»). Тем самым нетрудоспособным членам семьи судьи гарантируется социальное обеспечение в связи со смертью кормильца, отвечающее конституционно-правовому статусу судьи, а социальная защита, выступающая элементом их правового статуса, являющегося — как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 19 ноября 2012 года № 27-П — производным от статуса умершего кормильца, предоставляется им в более значительном объеме по сравнению с социальной защитой, предоставляемой судьям, ставшим инвалидами вследствие заболевания, не связанного с осуществлением служебной деятельности.

Следовательно, специальный правовой механизм социального обеспечения судей в отставке не предусматривает условий и порядка установления такого обеспечения в случае наступления препятствующей продолжению исполнения полномочий судьи инвалидности по причинам, не связанным со служебной деятельностью, а система обязательного пенсионного страхования, в силу того что судьи не подлежат данному виду страхования, не может обеспечить назначение страховой пенсии по инвалидности в размере, учитывающем заработную плату (ежемесячное денежное вознаграждение), получаемую в период исполнения полномочий судьи.

Таким образом, судье, ставшему в период осуществления своих полномочий инвалидом вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения им права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшему в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, вопреки конституционным принципам равенства и справедливости, в нарушение статей 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2), 118 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации не гарантируется пенсионное обеспечение по инвалидности в размере, соотно-

симом с утраченным доходом в виде заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения) судьи на условиях, определяемых с учетом его конституционно-правового статуса.

Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, — незамедлительно определить условия и порядок пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, с тем чтобы гарантировать им надлежащую социальную защиту как лицам, обладающим особым конституционно-правовым статусом.

Выбор способа пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, — прерогатива законодателя. Поскольку существуют различные правовые модели, которые могут быть избраны законодателем, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», во избежание возникновения пробела в правовом регулировании считает возможным установить, что действующий порядок пенсионного обеспечения указанной категории судей применяется до исполнения федеральным законодателем настоящего Постановления.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (части 1 и 2), 118 (часть 1) и 120 (часть 1), взаимосвязанные положения части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и пункта 5 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования установленный ими правовой механизм не гарантирует судьям, ставшим в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедшим в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, пенсионное обеспечение в размере, соотносимом с утраченным доходом в виде заработной платы (ежемесячного денежного вознаграждения) судьи, на условиях, определяемых с учетом его конституционно-правового статуса.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности пункта 7 статьи 20 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации».

3. Федеральному законодателю надлежит — исходя из требований Конституции Российской Федерации и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем

Постановлении, – незамедлительно определить условия и порядок пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, с тем чтобы гарантировать им надлежащую социальную защиту как лицам, обладающим особым конституционно-правовым статусом.

4. Действующий порядок пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, и до приобретения ими права на ежемесячное пожизненное содержание ушедших в отставку в связи с неспособностью по состоянию здоровья осуществлять полномочия судьи, применяется до исполнения федеральным законодателем настоящего Постановления.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации **Н. С. Бондаря**

Полностью соглашаясь с принятым Конституционным Судом Постановлением от 19 февраля 2018 года № 9-П в части признания не соответствующими Конституции Российской Федерации взаимосвязанных положений части 5 статьи 2 Федерального закона «О гарантиях пенсионного обеспечения для отдельных категорий граждан» и пункта 5 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», но выражая сомнение по поводу порядка его исполнения (пункт 3 резолютивной части), считаю необходимым изложить свое мнение по этому вопросу.

1. Для понимания и оценки избранного Конституционным Судом порядка исполне-

ния указанного Постановления принципиальное значение имеет учет того обстоятельства, что *особенностью данного дела явилось его рассмотрение в связи с запросом суда, направленным в Конституционный Суд в порядке части 4 статьи 125 Конституции* (в данном случае – запрос в связи с находящимся в производстве Промышленного районного суда города Смоленска конкретным делом по иску судьи в отставке Г. В. Рязанова к Управлению Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Смоленской области о признании права на пенсионное обеспечение в виде ежемесячного возмещения в размере ежемесячного денежного вознаграждения судьи). Это обстоятельство придает

свою специфику и порядку исполнения Постановления, его правовым последствиям: последние имеют своего рода «адресно-индивидуализированный» характер, что связано с судебным рассмотрением конкретного дела, ставшего поводом для обращения в Конституционный Суд, когда дальнейшая судьба этого конкретного дела в суде общей юрисдикции напрямую зависит от решения Конституционного Суда.

Но наряду с адресными (ориентированными на конкретный суд) аспектами таких запросов важно учитывать, в том числе при выработке порядка исполнения соответствующих постановлений Конституционного Суда, и более общие характеристики данного института. Что же касается самого порядка исполнения решений Конституционного Суда, принимаемых по запросам судов, то он, безусловно, имеет важное значение для повышения процессуальной эффективности таких обращений (в связи с последующим разрешением приостановленных конкретных судебных дел), и, более того, это важный канал процессуальных взаимоотношений Конституционного Суда с судами других юрисдикций, который достоин активного использования. В связи с этим небезынтересно отметить, что за период с 1 января 2012 года по 25 февраля 2018 года Конституционным Судом рассмотрено 29 запросов судов, по которым принято 27 постановлений; это составляет 12,98 % от общего числа принятых за этот период постановлений, т. е. каждое восьмое постановление принималось в последние годы по запросам судов. Поэтому представляется вполне оправданным анализ соответствующих вопросов (в рамках настоящего мнения) с учетом самой природы института судебного запроса как особого вида обращений в Конституционный Суд.

2. Важно, прежде всего, учитывать, что существо, предназначение института конституционно-судебного запроса, как он закреплен в системе действующего правового регулирования в Российской Федерации, не сводится к его пониманию в качестве лишь одной из процессуальных форм взаимодействия различных юрисдикционных органов судебной системы, имея в виду сугубо судопроизводственные (процедурно-процессуальные) цели такого обращения. Хотя этот аспект, естественно, нельзя недооценивать (на что было обращено внимание выше), *суть данного института*

определяется тем, что он является своего рода опосредованной конституционной жалобой, косвенной формой ее реализации по инициативе стороны судебного заседания или самого суда; соответственно, целевые характеристики данного института, равно как и предназначение выносимого в связи с судебным запросом решения Конституционного Суда, должны выявляться и обосновываться с позиции прежде всего защиты, восстановления конституционных прав и свобод участника судебного заседания по конкретному делу.

Понимание запроса суда в Конституционный Суд как конституционной квазжалобы обусловлено, в частности, следующими ключевыми моментами: 1) нормативно-правовое закрепление запроса суда обеспечивается в системном единстве с прямой конституционной жалобой в рамках одной и той же нормы Конституции (часть 4 статьи 125), что свидетельствует об их сущностной однородности; 2) предпосылкой допустимости как конституционной жалобы, так и судебного запроса является наличие конкретного дела, в котором либо подлежат применению, либо применены нормы оспариваемого закона (часть 4 статьи 125 Конституции, статьи 96 и 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»). При этом то обстоятельство, что в Конституционный Суд вправе напрямую обратиться гражданин, чьи права и свободы нарушаются законом, примененным в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде (статья 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»), лишь подчеркивает важность участия судов в конкретном конституционном нормоконтроле, и это также сближает институты прямой конституционной жалобы и конституционно-судебного запроса; 3) запрос суда может быть направлен в Конституционный Суд как по инициативе самого суда, так и по ходатайству одной из сторон судебного процесса. Очевидно, соответствующее ходатайство перед судом выступает в качестве специфической процессуальной формы возбуждения процедуры конституционной защиты прав и свобод конкретного лица. Что же касается «инициативного» конституционно-судебного запроса, то его смысл, как вытекает из правовой позиции, выраженной в Постановлении Конституционного Суда от 16 июня 1998 года № 19-П, определяется возложенным на суды

как на независимые органы правосудия конституционным полномочием обеспечивать судебную защиту прав и свобод человека (абзац третий пункта 5 мотивировочной части); 4) однородность институтов запроса суда и конституционной жалобы определяется также общностью предусмотренных Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» пределов проверки Конституционным Судом соответствия Конституции закона, оспариваемого в запросе суда или жалобе гражданина, равно как и вариантов итоговых решений по данному делу (статьи 86, 87, 99, 100 и 104). В качестве формы косвенного доступа граждан к конституционному правосудию судебный запрос рассматривается, к стати, и Венецианской комиссией (пункт 54 Исследования о прямом доступе к конституционному правосудию, принятого на 85-м пленарном заседании Венецианской комиссии (Венеция, 17–18 декабря 2010 года).

Следовательно, в рамках института конституционно-судебного запроса суд выступает в качестве некоего посредника между гражданином и Конституционным Судом. Специфика же юридической природы конституционно-судебного запроса определяется двойственным, *публично-частным характером данного института*. С одной стороны, это публично-правовые, институциональные начала, которые ориентированы на преодоление конституционно-дефектной неопределенности нормы, послужившей препятствием для достижения целей правосудия; с другой стороны, конституционно-судебный запрос призван обеспечить законное и обоснованное разрешение конкретного дела, находящегося в производстве суда общей юрисдикции или арбитражного суда. В этом плане конституционно-судебный запрос телеологически определяется смыслом так называемого конкретного нормоконтроля, в рамках которого, как ранее отмечал Конституционный Суд, решение вопроса о конституционности предписаний закона является необходимым и адекватным средством для устранения нарушений (абзац первый пункта 2 мотивировочной части Определения от 29 сентября 2015 года № 2002-О).

Этим предопределяются и процессуальные последствия направления запроса суда в Конституционный Суд: как Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» (статья 103), так и

нормы отраслевого процессуального законодательства (пункт 3 части первой статьи 238 УПК Российской Федерации, часть 3 статьи 15, пункт 5 части 1 статьи 190 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, часть 3 статьи 13, пункт 1 части 1 статьи 143 АПК Российской Федерации, статья 215 ГПК Российской Федерации) обязывают суд приостановить производство по делу, четко устанавливая при этом период, временные рамки такого приостановления – с момента вынесения решения суда об обращении в Конституционный Суд и до принятия им постановления.

Тем самым со всей очевидностью предполагается, что со вступлением вынесенного в связи с рассмотрением запроса суда итогового решения Конституционного Суда в силу производство по делу, ставшему поводом для обращения суда в Конституционный Суд, подлежит возобновлению и конкретное дело должно быть разрешено на основе принятого Конституционным Судом решения. Что это означает для самого Конституционного Суда?

Признав запрос суда допустимым, т. е. усмотрев в подлежащей применению судом в конкретном деле норме закона наличие неопределенности в части ее соответствия Конституции, Конституционный Суд должен преодолеть эту неопределенность одним из доступных ему способов, предусмотренных Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», и тем самым дать заявителю ответ на поставленный вопрос о том, является ли конституционно допустимым применение для разрешения конкретного дела соответствующей нормы.

3. Возвращаясь в связи с этим к анализируемому Постановлению Конституционного Суда в связи с запросом Промышленного районного суда города Смоленска, уместно отметить, что важное значение при выработке Постановления имело решение вопроса не только о конституционности оспариваемой судом нормы, но и о том, какие правовые последствия имеет признание нормы не соответствующей Конституции, в частности для разрешения районным судом конкретного дела.

Принятое Постановление ограничилось в этой части оговоркой общего плана: поскольку существуют различные правовые модели, которые могут быть избраны законодателем, Конституционный Суд, руководствуясь пун-

ктом 12 части первой статьи 75, статьями 79 и 80 названного Федерального конституционного закона, во избежание возникновения пробела в правовом регулировании считает возможным установить, что действующий порядок пенсионного обеспечения указанной категории судей применяется до исполнения федеральным законодателем данного Постановления (абзац восьмой пункта 4.2 мотивировочной части и пункт 4 резолютивной части).

Конституционный Суд наверняка исходил в данном случае из вполне обоснованного для многих других ситуаций принципа разумной сдержанности, посчитав нецелесообразным вводить некое временное правовое регулирование, позволяющее восполнить пробел, образовавшийся в связи с признанием оспариваемых законоположений неконституционными, и обеспечить определенность решения соответствующих вопросов в период до внесения необходимых изменений в федеральное законодательство. Подобная сдержанность становится тем более понятной, если учитывать сложившуюся практику реагирования федерального законодателя на содержащееся порой в решениях Конституционного Суда временное регулирование: зачастую оно едва ли не автоматически трансформируется в постоянные законодательные нормы.

Однако, устранив неясность в отношении дальнейшего нормативного правового регулирования данных отношений, Конституционный Суд сохранил действие признанных неконституционными положений вплоть до исполнения федеральным законодателем принятого Постановления. Вряд ли, однако, было бы оправданно ориентироваться на применение неконституционных положений, в том числе при определении порядка исполнения указанного Постановления Конституционного Суда. В данной ситуации, вероятно, более предпочтительным вариантом исполнения решения Конституционного Суда могла бы стать его отсрочка — вплоть до принятия нового правового регулирования, которое должно быть принято во исполнение Постановления Конституционного Суда в связи с признанием проверяемого правового регулирования противоречащим Конституции.

Такой подход в принципиальном плане не нов для конституционного правосудия. В частности, имеются постановления, в которых Конституционный Суд признавал право граждан-заявителей на пересмотр судебных решений по их конкретным делам в будущем — на

основе нового правового регулирования, которое должно быть принято во исполнение постановления Конституционного Суда в связи с признанием проверяемого правового регулирования противоречащим Конституции (постановления от 27 ноября 2008 года № 11-П, от 27 июня 2012 года № 15-П, от 19 ноября 2012 года № 27-П).

Но как быть с постановлением, принятым по запросу суда? Ведь в этом случае пришлось бы не возобновлять рассмотрение приостановленного дела, «заморозить» его вплоть до внесения федеральным законодателем необходимых изменений в признанное неконституционным правовое регулирование. Однако на каком основании возможно такое «замораживание»? Ни конституционным, ни отраслевым процессуальным законодательством это не предусмотрено, и, вероятно, не случайно, так как трудно представить, что такой порядок возобновления рассмотрения приостановленного судебного дела отвечал бы требованию его рассмотрения в разумные сроки. Поэтому представляется очевидным, что, решая вопрос о порядке исполнения постановления Конституционного Суда, нельзя не учитывать особенности дел, связанных с рассмотрением запросов судов.

4. Представляется, что логика пункта 12 статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» применительно к ситуациям нормоконтроля, связанного с рассмотрением запросов судов, диктует возможность и необходимость особого, специального порядка исполнения решения Конституционного Суда. Речь идет, в частности, об использовании в рамках предоставленных Конституционному Суду возможностей установления особого порядка исполнения своего постановления модели *индивидуального конституционно-судебного регулирования*, которое должно распространяться на рассмотрение именно (и только!) конкретного дела, ставшего поводом для конституционно-судебного разбирательства. Такое специфическое (не нормативное, а индивидуальное) правовое регулирование, имеющее обеспечительно-исполнительский аспект в отношении реализации постановления Конституционного Суда о признании нормы неконституционной, обладает двуедиными характеристиками.

С одной стороны, конституционно-судебное индивидуальное регулирование должно служить четким, определенным ориентиром

для суда при выработке им подхода к разрешению находящегося в производстве конкретного дела. С другой стороны, оно призвано выступать ограничителем судебского усмотрения при разрешении соответствующего дела, обеспечивая гарантии защиты, восстановления нарушенных прав лица, дело которого находится в производстве суда как заявителя в Конституционный Суд. Выработка подходов к формированию конституционно-судебного индивидуального регулирования (актуальность чего для судебной системы подчеркивается, кстати, и в вышедшей недавно крупной монографии ректора Российского государственного университета правосудия В. В. Ершова «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений» (М.: 2018, 625 с.) имеет принципиальное значение для совершенствования, повышения эффективности реализации института конституционно-судебного запроса.

Поэтому, признавая, что сам по себе использованный Конституционным Судом подход, предполагающий возможность сохранения признанных неконституционными законоположений до внесения изменений в законодательство в целях недопущения возникновения пробела в правовом регулировании, не лишен оснований, его применение, очевидно, должно обуславливаться наличием исключительных обстоятельств, связанных, например, с уровнем, масштабами возникающего пробела либо финансово-экономическим характером соответствующих законоположений, немедленная утрата юридической силы которыми могла бы привести к существенным негативным последствиям для доходов и (или) расходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (примером таких решений Конституционного Суда являются постановления от 30 января 2001 года № 2-П, от 22 марта 2007 года № 4-П, от 18 июля 2008 года № 10-П и от 5 июля 2017 года № 18-П).

Вместе с тем подобный подход, подчеркнем еще раз, вряд ли может быть распространен на случаи, касающиеся вынесения Конституционным Судом итогового решения на основе запроса суда, имея в виду, что в такой ситуации речь идет не только о защите конкретного конституционного права, реализации которого добивается гражданин посредством общеправового судопроизводства, но и об обеспечении надлежащего осуществления права на судебную защиту в связи с таким судопроизводством, а также об обеспечении пре-

рогатив судебной власти, которая, руководствуясь принципами равенства и справедливости, не может отказывать в правосудии. Тем более сомнительным было бы вменение в обязанность обратившегося в Конституционный Суд суда разрешить находящееся в его производстве дело на основе того правового регулирования, которое признано неконституционным.

Представляется, что применительно к итоговым решениям Конституционного Суда, вынесенным в связи с рассмотрением запросов судов, *достаточной для разрешения судом конкретного дела, ставшего поводом для направления запроса в Конституционный Суд*, должна являться сама возможность применения постановления Конституционного Суда, содержащего вывод о неконституционности нормы, и сформулированные в нем правовые позиции в сочетании с принципом прямого действия Конституции. Это подтверждается в том числе императивным предписанием статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которым до принятия нового нормативного акта (в частности, если из решения Конституционного Суда вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании) непосредственно применяется Конституция, что, очевидно, адресовано прежде всего судам.

Если же Конституционный Суд полагает необходимым оговорить особенности исполнения такого рода решений, то соответствующие оговорки во всяком случае не должны блокировать реализацию права на судебную защиту. Иной подход привел бы к тому, что сам по себе институт конституционно-судебного запроса существенно терял бы в своем практическом весе и ценности для судов, которые не имели бы уверенности в том, что вынесенное в связи с их обращением итоговое решение Конституционного Суда позволит своевременно разрешить конкретное дело на основе норм, отвечающих требованиям Конституции. Другое дело, что само содержащееся в Постановлении от 19 февраля 2018 года № 9-П обоснование неконституционности оспоренных законоположений вполне можно было бы усилить путем обращения к конституционным критериям правового регулирования статусных характеристик судей, их материального, в том числе пенсионного, обеспечения субъективно-личностного характера, а именно путем отсылки не только к судебно-ори-

ентированным положениям статей 118 (часть 1) и 120 (часть 1) Конституции, но и к положениям ее статей 21 (часть 1) и 23 (часть 1), из которых вытекает, что недопустимо умалять достоинство и подвергать сомнению профессиональную репутацию судьи. Соответствующий методологический подход, кстати, получил развернутое обоснование в Постановлении Конституционного Суда от 26 февраля 2015 года № 3-П. С опорой на выработанные в этом Постановлении правовые позиции целесообразно было бы констатировать, что недопустимой является ситуация, при которой не обеспечивается безотлагательное восстановление относящихся к самому существу статуса судьи его прав, связанных с профессиональным достоинством, посредством обеспечения достойных условий жизни гражданину как судье в отставке.

5. Таким образом, Конституционный Суд, будучи правомочен оговорить особенности исполнения Постановления от 19 февраля 2018 года № 9-П в части вытекающих из него мер своего рода общего характера, касающихся внесения федеральным законодателем изменений в правовое регулирование пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, должен был определить и способ исполнения данного Постановления в части его индивидуальных последствий, гарантирующих возобновление Промышленным районным судом города Смоленска находящегося в его производстве дела по иску гражданина Г. В. Рязанова.

Если говорить о конкретном наполнении таких особенностей исполнения Постановления от 19 февраля 2018 года № 9-П, то они могли бы сводиться, в частности, к следующей формуле: при отсутствии специального правового механизма пенсионного обеспечения судей, ставших в период осуществления своих полномочий инвалидами вследствие причин, не связанных со служебной деятельностью, — установление которого является исключительной прерогативой федерального законодателя — гражданину Г. В. Рязанову в порядке исключения должна быть обеспечена возможность воспользоваться правом на получение ежемесячного пожизненного денежного содержания в размере, исчисленном пропорционально количеству полных лет, отработанных в должности судьи, предусмотренного абзацем первым пункта 5 статьи 15 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», без учета оговоренного в этой норме условия в виде достижения возраста 55 лет, т. е. с момента прекращения его полномочий судьи.

Что же касается последующего (нормативно-правового) исполнения федеральным законодателем Постановления Конституционного Суда от 19 февраля 2018 года № 9-П, то здесь действительно могут быть использованы «различные правовые модели», в основе оценки которых должна быть реальная возможность эффективного гарантирования надлежащего пенсионного обеспечения судей в отставке, в частности в ситуациях, предусмотренных указанным Постановлением.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**26 февраля
2018 года,
город Санкт-
Петербург**

№ 10-П

по делу о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н. Н. Горностаевой

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В. Д. Зорькина, судей К. В. Арановского, А. И. Бойцова, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева, Ю. М. Данилова, Л. М. Жарковой, С. М. Казанцева, С. Д. Князева, А. Н. Кокотова, Л. О. Красавчиковой, С. П. Маврина, Н. В. Мельникова, Ю. Д. Рудкина, О. С. Хохряковой, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 ГК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданки Н. Н. Горностаевой. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявительницей законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н. С. Бондаря, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно пунктам 1 и 2 статьи 25 Федерального закона от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» физические и юридические лица несут ответственность за достоверность сведений, содержащихся в документах, представляемых ими для установления и выплаты трудовой пенсии, а работодатели, кроме того, — за достоверность сведений, представляемых для ведения индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования; в случае, если представление недостоверных сведений или несвоевременное представление сведений, предусмотренных пунктом 4 статьи 23 данного Федерального закона, повлекло за собой перерасход средств на выплату трудовых пенсий, виновные лица возмещают Пенсионному фонду Российской Феде-

рации причиненный ущерб в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Статья 1102 ГК Российской Федерации предусматривает, что лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 данного Кодекса; правила, предусмотренные главой 60 данного Кодекса, применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли.

В соответствии со статьей 1109 ГК Российской Федерации не подлежат возврату в качестве неосновательного обогащения: имущество, переданное во исполнение обязательства до наступления срока исполнения, если обязательством не предусмотрено иное; имущество, переданное во исполнение обязательства по истечении срока исковой давности; заработная плата и приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью, алименты и иные денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средства к существованию, при отсутствии недобросовестности с его стороны и счетной ошибки; денежные суммы и иное имущество, предоставленные во исполнение несуществующего обязательства, если приобретатель докажет, что лицо, требующее возврата имущества, знало об отсутствии обязательства либо предоставило имущество в целях благотворительности.

Конституционность приведенных законоположений, а также статьи 7 Федерального закона от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» оспаривается в жалобе гражданки Н. Н. Горностаевой, которой решением бюро медико-социальной экспертизы по Вологодской области № 8 от 14 декабря 2009 года была установлена инвалидность III группы бессрочно, а решением того же бюро от 12 октября 2010 года – инвалидность II группы бессрочно и с которой в 2016 году по судебному решению были взысканы суммы пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, назначенной ей на основании выданных этим бюро справок об установлении инвалидности.

Противоречие оспариваемых законоположений Конституции Российской Федерации, ее статьям 15, 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 39, 45, 46 (часть 1), 49 (часть 1) и 55 (часть 3), заявительница усматривает в том, что по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой, эти законоположения позволяют взыскивать с гражданина – без установления признаков недобросовестности или противоправности в его действиях – ранее полученные им суммы пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты только на том основании, что при проведении повторной медико-социальной экспертизы выявлены допущенные в ходе ранее проведенной медико-социальной экспертизы процедурные нарушения и в связи с этим признаны недействительными выданные гражданину документы (справки) об установлении инвалидности, необходимые для назначения пенсии и выплат.

1.1. Из представленных в Конституционный Суд Российской Федерации материалов следует, что по итогам проведенной 28 марта 2014 года в связи с обращением следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Вологодской области повторной (в порядке контроля) медико-социальной экспертизы в отношении ряда граждан, включая Н. Н. Горностаеву, констатировавшей, что решения бюро медико-социаль-

ной экспертизы по Вологодской области № 8 от 14 декабря 2009 года и от 12 октября 2010 года приняты с нарушением процедуры проведения медико-социальной экспертизы, а именно положений пунктов 15, 16 и 29 Правил признания лица инвалидом (утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2006 года № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом»), эти решения были отменены, а выданные Н. Н. Горностаевой справки признаны недействительными с момента их выдачи.

Н. Н. Горностаева обратилась в Вологодский городской суд Вологодской области с административным иском о признании действий по проведению повторной медико-социальной экспертизы и решения от 28 марта 2014 года незаконными. При этом, как утверждала заявительница, тем же бюро медико-социальной экспертизы ей вновь была установлена инвалидность (решением от 14 июля 2014 года – II группы на один год, решением от 23 июля 2015 года – II группы также на один год).

Решением от 22 января 2016 года было отказано в удовлетворении ее требований в связи с пропуском срока для обращения в суд и отсутствием уважительных причин для его восстановления (это решение оставлено без изменения апелляционным определением судебной коллегии по административным делам Вологодского областного суда от 18 мая 2016 года; определением судьи Вологодского областного суда от 16 августа 2016 года и определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 21 сентября 2016 года Н. Н. Горностаевой отказано в передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании соответствующих судов кассационной инстанции).

Решением Вологодского городского суда Вологодской области от 30 августа 2016 года с Н. Н. Горностаевой взыскана излишне выплаченная сумма пенсии по инвалидности в размере 376 459,98 руб., сумма ежемесячной денежной выплаты в размере 82 999,28 руб., а также расходы по уплате госпошлины в размере 7 794,6 руб. Суд, опираясь на пункты 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», сделал вывод о незаконности получения Н. Н. Горностаевой указанных выплат.

Оставляя это решение без изменения, судебная коллегия по гражданским делам Вологодского областного суда в апелляционном определении от 16 ноября 2016 года констатировала, что изложенные в апелляционной жалобе доводы об отсутствии вины и недобросовестности со стороны Н. Н. Горностаевой несостоятельны, поскольку для назначения соответствующих выплат ей были представлены справки об установлении инвалидности, полученные с нарушением законной процедуры проведения медико-социальной экспертизы (отсутствие заявления о проведении экспертизы, а также направления на экспертизу по установленной форме). Определениями судьи Вологодского областного суда от 30 января 2017 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2017 года отказано в передаче кассационных жалоб Н. Н. Горностаевой для рассмотрения в судебных заседаниях соответствующих судов кассационной инстанции.

Решением бюро медико-социальной экспертизы по Вологодской области № 9 заявительнице с 1 августа 2017 года установлена II группа инвалидности бессрочно.

1.2. Из статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» следует, что граждане вправе обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод законом и такая жалоба признается допустимой, если закон применен в конкретном деле, рассмот-

рение которого завершено в суде, что должно быть подтверждено копией официального документа.

Между тем представленные заявительницей документы свидетельствуют о том, что статья 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» при разрешении ее дела не применялась. При этом, как ранее указывал Конституционный Суд Российской Федерации, федеральный законодатель, действуя в пределах предоставленных ему полномочий, в названной статье закрепил понятие медико-социальной экспертизы (часть первая) и общие принципы оценки состояния организма в целях решения вопроса о возможности признания лица инвалидом (часть вторая); данные законоположения, содержащие норму-дефиницию и объективные критерии для установления учреждениями медико-социальной экспертизы инвалидности, служат элементами правового механизма подтверждения оснований для предоставления гражданам социальной защиты в связи с инвалидностью и сами по себе не могут приводить к нарушению конституционных прав граждан (определения от 23 июня 2015 года № 1439-О и № 1480-О).

Соответственно, в силу предписаний пункта 2 статьи 43 и статьи 68 названного Федерального конституционного закона производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», подлежит прекращению.

Положения же пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» (который с 1 января 2015 года не применяется, за исключением норм, регулирующих исчисление размера трудовых пенсий и подлежащих применению в целях определения размеров страховых пенсий в части, не противоречащей Федеральному закону от 28 декабря 2013 года № 400-ФЗ «О страховых пенсиях») об ответственности за достоверность сведений, необходимых для установления и выплаты пенсии, воспроизведены в частях 1 и 2 статьи 28 Федерального закона «О страховых пенсиях», что позволяет Конституционному Суду Российской Федерации в этой части принять данную жалобу к рассмотрению.

1.3. В соответствии со статьями 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации принимает к рассмотрению жалобы граждан на нарушение их конституционных прав и свобод законом, если придет к выводу, что оспариваемые законоположения затрагивают конституционные права и свободы граждан и что имеется неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли эти законоположения Конституции Российской Федерации; Конституционный Суд Российской Федерации принимает постановление только по предмету, указанному в жалобе, и лишь в отношении той части акта, конституционность которой подвергается сомнению, оценивая как буквальный смысл рассматриваемых законоположений, так и смысл, придаваемый им официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из их места в системе правовых норм; при принятии решения Конституционный Суд Российской Федерации не связан основаниями и доводами, изложенными в жалобе.

Таким образом, пункты 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статьи 1102 и 1109 ГК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на основании содержащихся в них законоположений решается вопрос о взыскании с гражданина, признанного инвалидом, полученных им сумм пенсии по ин-

валидности и ежемесячной денежной выплаты в случае, когда представленные для получения соответствующих мер социальной защиты справки, составленные по итогам медико-социальной экспертизы, признаны недействительными вследствие процедурных нарушений, допущенных при проведении такой экспертизы.

2. Конституция Российской Федерации, признавая Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (статья 7, часть 1), и определяя в качестве одного из основных направлений социальной защиты обеспечение государственной поддержки инвалидов (статья 7, часть 2), закрепляет в числе основ правового статуса личности право каждого на социальное обеспечение, в частности в случае инвалидности (статья 17, часть 1; статья 39, часть 1; статья 64), и относит определение условий и порядка реализации данного конституционного права к компетенции законодателя (статья 39, часть 2).

Одним из важнейших элементов социального обеспечения для инвалидов является пенсионное обеспечение, основное содержание которого заключается в предоставлении человеку средств к существованию. Это нашло отражение в Конвенции о правах инвалидов (принята 13 декабря 2006 года Резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН), которая признает права инвалидов на достаточный жизненный уровень для них самих и их семей и права на социальную защиту, включая меры по обеспечению инвалидам доступа к пенсионным пособиям и программам (пункт 1 и подпункт «е» пункта 2 статьи 28).

В силу неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции Конституция Российской Федерации обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения и ничто не может быть основанием для умаления достоинства личности. В сфере пенсионного обеспечения это предполагает, в частности, установление такого правового регулирования, которое – в соответствии с вытекающими из взаимосвязанных положений статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 1), 18, 19 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – гарантировало бы гражданам, что решения о назначении пенсии принимаются уполномоченными государством органами на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права на пенсию, тщательности при оформлении документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности его официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы (Постановление от 14 января 2016 года № 1-П; Определение от 7 декабря 2017 года № 2794-О и др.).

Притом что возможность пересмотра решения пенсионного органа о назначении пенсии, если оно принято при отсутствии законных оснований, в том числе в связи с представленными заинтересованным лицом недостоверными сведениями, не может быть поставлена под сомнение, правовой механизм, регламентирующий такой пересмотр, – в силу конституционных принципов правового государства и верховенства права, а также общеправовых принципов справедливости и юридического равенства – дол-

жен быть направлен на обеспечение баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе вытекающих из указанных принципов критериев разумности и соразмерности (пропорциональности).

Пенсионное обеспечение, а также предоставление мер социальной поддержки в связи с инвалидностью, способствующих преодолению, замещению (компенсации) ограничений жизнедеятельности и направленных на создание инвалидам равных с другими гражданами возможностей участия в жизни общества, осуществляются на основе признания лица инвалидом в порядке, предусмотренном законодательством, что предполагает проведение медико-социальной экспертизы (часть четвертая статьи 1, положения главы II Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»). Проведение такой экспертизы составляет обязанность уполномоченной организации – учреждения медико-социальной экспертизы, от ошибок которого, в частности формально-процедурного характера, допущенных в том числе на стадии получения необходимых документов для проведения освидетельствования и не влияющих на результат оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма, не должен страдать гражданин, которому была назначена и выплачивалась пенсия по инвалидности – при условии отсутствия в его действиях признаков недобросовестности (противоправности). Иное приводило бы к сугубо формальному подходу в разрешении данного вопроса вопреки сути защищаемого права и, как следствие, к непропорциональному его ограничению в нарушение требований равенства и справедливости, как они выражены в Конституции Российской Федерации, ее статьях 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3).

3. Федеральный законодатель, реализуя возложенные на него Конституцией Российской Федерации полномочия по социальному обеспечению инвалидов, предусмотрел в Федеральном законе «О страховых пенсиях» страховую пенсию по инвалидности (пункт 2 статьи 6) взамен трудовой пенсии по инвалидности (подпункт 2 пункта 1 статьи 5 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»), а также условия назначения такой пенсии, аналогичные условиям назначения трудовой пенсии по инвалидности: право на нее имеют граждане, признанные в установленном порядке инвалидами I, II или III группы, а признание гражданина инвалидом и установление группы инвалидности производятся федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы в порядке, предусмотренном Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (статья 9 Федерального закона «О страховых пенсиях», пункт 1 статьи 8 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»).

Согласно статье 18 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» назначение, перерасчет размеров и выплата трудовых пенсий (соответственно, и трудовых пенсий по инвалидности) производятся органом, осуществляющим пенсионное обеспечение в соответствии с Федеральным законом от 15 декабря 2001 года № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», – Пенсионным фондом Российской Федерации по месту жительства лица, обратившегося за трудовой пенсией (пункт 1); к обращению должны быть приложены необходимые для установления трудовой пенсии документы, перечень которых устанавливается в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации (пункт 2). Как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, гражданин не может реализовать свое субъективное право на пенсионное обеспечение без принятия уполномоченным органом решения о предоставлении ему пенсии конкретного вида и размера, которое и

определяет содержание обязанностей органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, и в силу такого решения у органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, непосредственно перед этим лицом, являющимся участником (субъектом) данного вида правоотношений, возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему сумм пенсии (Определение от 19 мая 2009 года № 541-О-О и др.).

В целях обеспечения добросовестного исполнения субъектами пенсионных отношений своих обязанностей и предупреждения злоупотребления правом на получение пенсии статьей 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» установлена ответственность физических и юридических лиц за представление недостоверных сведений и несвоевременное представление необходимых сведений, влекущих за собой изменение размера трудовой пенсии или прекращение ее выплаты, – возмещение ущерба, причиненного Пенсионному фонду Российской Федерации перерасходом средств на выплату трудовых пенсий (аналогичное правовое регулирование содержится в статье 28 Федерального закона «О страховых пенсиях» и в статье 15 Федерального закона от 28 декабря 2013 года № 424-ФЗ «О накопительной пенсии»).

Из приведенных положений пенсионного законодательства следует, что привлечение к юридической ответственности в виде возмещения Пенсионному фонду Российской Федерации причиненного ущерба обусловлено наличием вины субъекта правонарушения. Это согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, в силу которой наличие вины является общим и общепризнанным принципом юридической ответственности во всех отраслях права, а всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т. е. закреплено непосредственно в законе (постановления от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 18 мая 2012 года № 12-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 9 июля 2013 года № 18-П, от 8 апреля 2014 года № 10-П и др.).

Таким образом, федеральный законодатель, закрепивший – в рамках своих дискреционных полномочий в сфере регулирования пенсионных отношений – в статье 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» специальный механизм защиты публичных имущественных интересов, связанных с использованием средств Пенсионного фонда Российской Федерации на выплату в определенном размере пенсий лицам, которые отвечают установленным требованиям, исходил из того, что пункты 1 и 2 данной статьи не предполагают возложение ответственности на гражданина, которому была назначена пенсия, если не установлена его вина в указанных в данной статье деяниях, а ущерб, причиненный Пенсионному фонду Российской Федерации перерасходом средств на выплату пенсии, не являлся следствием противоправных действий (или бездействия) гражданина, неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него законом обязанностей.

При рассмотрении дел, связанных со взысканием излишне выплаченных сумм пенсий, в том числе если это обусловлено представлением признанной впоследствии недействительной справки об установлении инвалидности, правоприменители исходят из того (и об этом свидетельствуют материалы конкретного дела Н. Н. Горностаевой), что для целей защиты имущественных интересов Пенсионного фонда Российской Федерации существует возможность применения во взаимосвязи с положениями статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» норм главы 60 ГК Российской Федерации об обязательствах вследствие неосновательного обогащения. Так, согласно статье 1102, относящейся к указанной главе, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сдел-

кой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных статьей 1109 данного Кодекса; при этом соответствующие правила применяются независимо от того, явилось ли неосновательное обогащение результатом поведения приобретателя имущества, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли.

Содержащееся в главе 60 ГК Российской Федерации правовое регулирование обязательств вследствие неосновательного обогащения, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, представляет собой, по существу, конкретизированное нормативное выражение лежащих в основе российского конституционного правопорядка общеправовых принципов равенства и справедливости в их взаимосвязи с получившим закрепление в Конституции Российской Федерации требованием о недопустимости осуществления прав и свобод человека и гражданина с нарушением прав и свобод других лиц (статья 17, часть 3); соответственно, данное правовое регулирование, как оно осуществлено федеральным законодателем, не исключает использование института неосновательного обогащения за пределами гражданско-правовой сферы и обеспечение с его помощью баланса публичных и частных интересов, отвечающего конституционным требованиям (Постановление от 24 марта 2017 года № 9-П).

3.1. Для назначения, перерасчета размера и выплаты Пенсионным фондом Российской Федерации трудовой (страховой) пенсии по инвалидности к заявлению в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации о назначении соответствующей пенсии заинтересованному лицу необходимо приложить документ об установлении инвалидности. Это предусмотрено пунктом 2 Перечня документов, необходимых для установления трудовой пенсии и пенсии по государственному пенсионному обеспечению в соответствии с федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (утвержден постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Пенсионного фонда Российской Федерации от 27 февраля 2002 года № 16/19па), и подпунктом «а» пункта 8 аналогичного Перечня, касающегося страховых пенсий (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 28 ноября 2014 года № 958н). Таким документом является справка об установлении инвалидности, выдаваемая учреждением медико-социальной экспертизы по результатам проведения медико-социальной экспертизы (статьи 7 и 8 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»; пункт 36 Правил признания лица инвалидом).

Как следует из Правил признания лица инвалидом, медико-социальная экспертиза проводится бюро медико-социальной экспертизы по заявлению гражданина (его законного или уполномоченного представителя) с приложением медицинских документов, подтверждающих нарушение здоровья (пункт 24); заявление подается, по общему правилу, в связи с направлением гражданина на медико-социальную экспертизу медицинской организацией независимо от ее организационно-правовой формы, органом, осуществляющим пенсионное обеспечение, либо органом социальной защиты населения (пункт 15); оно может быть также подано в бюро гражданином самостоятельно, если медицинская организация, орган, осуществляющий пенсионное обеспечение, либо орган социальной защиты населения отказали ему в направлении на медико-социальную экспертизу, о чем выдается соответствующая справка (пункт 19); специалисты бюро обязаны ознако-

мить гражданина (его законного или уполномоченного представителя) с порядком и условиями признания гражданина инвалидом, а также давать разъяснения гражданам по вопросам, связанным с установлением инвалидности, что позволяет им информировать гражданина о необходимости представления для проведения медико-социальной экспертизы требующихся документов (в частности, направления на медико-социальную экспертизу или справки об отказе в его выдаче, соответствующего заявления); в случае отказа гражданина от представления необходимых документов решение о признании его инвалидом либо об отказе в признании его инвалидом принимается на основании имеющихся данных (пункты 4 и 33).

Правила признания лица инвалидом предусматривают также, что медико-социальная экспертиза проводится исходя из комплексной оценки состояния организма гражданина на основе анализа его клинико-функциональных, социально-бытовых, профессионально-трудовых и психологических данных с использованием классификаций и критериев, утверждаемых Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (пункт 2), и предполагает обследование гражданина, изучение представленных им документов, анализ социально-бытовых, профессионально-трудовых, психологических и других данных гражданина (пункт 25); решение о признании гражданина инвалидом либо об отказе в признании его инвалидом принимается простым большинством голосов специалистов, проводивших медико-социальную экспертизу, на основе обсуждения результатов его медико-социальной экспертизы (пункт 28).

Состав бюро медико-социальной экспертизы, согласно Порядку организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 11 октября 2012 года № 310н), включает не менее трех специалистов и формируется из врачей по медико-социальной экспертизе, психологов, специалистов по реабилитации (при необходимости – специалистов по социальной работе), которые несут персональную ответственность за соблюдение порядка и условий признания лица инвалидом, соблюдение принципов профессиональной этики и деонтологии; персональная ответственность специалистов бюро закрепляется в их должностных регламентах в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации (пункт 4).

Следовательно, учреждение медико-социальной экспертизы несет ответственность как за существование принятого решения, так и за соблюдение предусмотренного законом порядка признания граждан инвалидами, включая проверку представления необходимых для проведения экспертизы документов. При этом его решение о признании гражданина инвалидом, оформленное справкой об установлении инвалидности, является обязательным для исполнения органами государственной власти, органами местного самоуправления и организациями независимо от организационно-правовых форм и форм собственности (часть четвертая статьи 8 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»).

Кроме того, нельзя не учитывать и то, что в соответствии как с прежним, так и действующим правовым регулированием порядка рассмотрения заявлений о назначении трудовой (страховой) пенсии территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации наделен полномочиями по проведению проверки и оценки достоверности представленных в целях пенсионного обеспечения документов на всех этапах пенсионного процесса (пункт 12 Правил обращения за пенсией, назначения пенсии и перерасчета размера пенсии, перехода с одной пенсии на другую в соответствии с федеральными законами «О трудовых пенсиях в Российской Феде-

рации» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», утвержденных постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации и Пенсионного фонда Российской Федерации от 27 февраля 2002 года № 17/19пб; пункт 22 Правил обращения за страховой пенсией, фиксированной выплатой к страховой пенсии с учетом повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии, накопительной пенсией, в том числе работодателей, и пенсией по государственному пенсионному обеспечению, их назначения, установления, перерасчета, корректировки их размера, в том числе лицам, не имеющим постоянного места жительства на территории Российской Федерации, проведения проверок документов, необходимых для их установления, перевода с одного вида пенсии на другой в соответствии с федеральными законами «О страховых пенсиях», «О накопительной пенсии» и «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», утвержденных приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 17 ноября 2014 года № 884н).

3.2. Схожее правовое регулирование было установлено и применительно к назначению другого вида социального обеспечения инвалидов – ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной статьей 28¹ Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и также производимой территориальным органом Пенсионного фонда Российской Федерации.

Так, Порядком осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации (утвержден приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30 ноября 2004 года № 294), который действовал в период назначения и выплаты трудовой пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты Н. Н. Горностаевой (в настоящее время утратил силу), было предусмотрено право территориального органа Пенсионного фонда Российской Федерации при осуществлении ежемесячной денежной выплаты давать оценку сведениям, содержащимся в документах, представленных гражданином для подтверждения права на ежемесячную денежную выплату, а также оценку правильности оформления этих документов; проверять в необходимых случаях обоснованность выдачи представленных документов (пункт 6).

Согласно ныне действующему Порядку осуществления ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям граждан в Российской Федерации (утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22 января 2015 года № 35н) Пенсионный фонд Российской Федерации и федеральные государственные учреждения медико-социальной экспертизы в целях установления, перерасчета и выплаты ежемесячной денежной выплаты осуществляют межведомственное информационное взаимодействие и несут ответственность за достоверность, полноту и своевременность представления сведений, необходимых для осуществления ежемесячной денежной выплаты, в соответствии с законодательством Российской Федерации (пункт 8).

Таким образом, правоприменительные органы, уполномоченные на вынесение решений, связанных с реализацией гражданами их пенсионных прав, обязаны основываться на всестороннем исследовании фактических обстоятельств, включая оценку достоверности соответствующих сведений, обеспечивая тем самым реализацию конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства.

4. Гражданин, которому назначены пенсия по инвалидности и ежемесячная денежная выплата, не может ставиться перед безусловной необходимостью претерпевать всю полноту неблагоприятных последствий в случаях,

если впоследствии выявляется незаконность принятого в отношении него решения, в том числе в связи с признанием представленной им справки об установлении инвалидности недействительной, — безотносительно к характеру нарушений, допущенных учреждением медико-социальной экспертизы, притом что сами эти нарушения не являются следствием противоправных действий гражданина.

Соответствующий подход нашел свое отражение и в положениях статьи 1109 ГК Российской Федерации, согласно подпункту 3 которой исключается возврат в качестве неосновательного обогащения сумм пенсии, предоставленных гражданину в качестве средства к существованию, при условии отсутствия недобросовестности с его стороны и счетной ошибки.

Согласно неоднократно выраженной Конституционным Судом Российской Федерации правовой позиции в судебной практике должно обеспечиваться конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений; в тех случаях, когда в судебной практике допускается придание тем или иным законоположениям нормативно-правового смысла, влекущего нарушение реализуемых на их основе конституционных прав, возникает вопрос о соответствии этих законоположений Конституции Российской Федерации, который подлежит разрешению Конституционным Судом Российской Федерации, с тем чтобы исключить их применение и истолкование в значении, противоречащем конституционным нормам (постановления от 23 декабря 1997 года № 21-П, от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 8 ноября 2012 года № 25-П, от 25 июня 2015 года № 16-П, от 8 ноября 2016 года № 22-П, от 11 июля 2017 года № 20-П и др.).

В судебной практике решения вопроса о взыскании в качестве неосновательного обогащения денежных средств, полученных гражданином в виде пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, если они были назначены на основании справки об установлении инвалидности, которая впоследствии признается недействительной, как следует из материалов, исследованных Конституционным Судом Российской Федерации при рассмотрении настоящего дела, самому факту представления гражданином в территориальный орган Пенсионного фонда Российской Федерации такой справки в ряде случаев придается значение достаточного подтверждения недобросовестности его действий — независимо от того, в связи с чем такая справка была признана недействительной.

Именно такая трактовка имела место в деле заявительницы по настоящему делу: нарушения, допущенные в отношении нее учреждением медико-социальной экспертизы, носили формально-процедурный характер, выплаты заявительнице производились в течение продолжительного времени (с 2009 года по 2014 год), а сама она вновь была признана инвалидом II группы вскоре после отмены соответствующих решений учреждения медико-социальной экспертизы.

Между тем ни статья 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», подразумевающая виновный противоправный характер перечисленных в ней деяний в качестве необходимого условия применения к лицу соответствующих мер юридической ответственности, ни положения главы 60 ГК Российской Федерации, рассматриваемые во взаимосвязи с закрепляющей презумпцию добросовестности действий участников гражданских правоотношений нормой пункта 5 статьи 10 данного Кодекса, не предполагают возложения на гражданина бремени негативных последствий, связанных с допущенными при проведении в отношении него медико-социальной экспертизы формальными (процедурными) нарушениями, в виде взыскания сумм пенсии по инвалидности и ежемесячной де-

нежной выплаты в порядке возмещения ущерба Пенсионному фонду Российской Федерации или в качестве неосновательного обогащения.

Хотя получение гражданином указанных сумм при отсутствии для этого законных оснований либо в размере большем, чем причитается по закону, подпадает под признаки неосновательного обогащения за счет средств Пенсионного фонда Российской Федерации, приводит к нарушению публичных интересов в сфере пенсионного обеспечения, конституционных прав и свобод других граждан — участников системы пенсионных отношений, основанной на началах всеобщности и солидарности, следует учитывать, что возложение на гражданина обязанности возратить полученные с момента вынесения соответствующего решения денежные средства, обусловленные выявлением лишь формальных (процедурных) нарушений порядка признания гражданина инвалидом, допущенных учреждением медико-социальной экспертизы, — при отсутствии установленных фактов недобросовестности (противоправности) со стороны самого заинтересованного лица — приводило бы к нарушению баланса публичных и частных интересов в пенсионной сфере.

Возложение на гражданина, проходящего медико-социальную экспертизу по направлению медицинской организации, пенсионного органа или органа социальной защиты либо без направления, по собственной инициативе, ответственности при нарушении работниками учреждения медико-социальной экспертизы процедуры принятия решения означало бы, по существу, вменение ему в обязанность контролировать их действия, притом что в рамках легальной процедуры проведения такой экспертизы он не может оказать влияние на принятие соответствующим учреждением того или иного решения.

Судебные органы, рассматривая в каждом конкретном деле вопрос о наличии оснований для взыскания денежных сумм в связи с перерасходом средств Пенсионного фонда Российской Федерации, обусловленным выплатой пенсии по инвалидности, назначенной на основе решения уполномоченной организации, признанного впоследствии недействительным ввиду допущенных при его принятии процедурных нарушений, обязаны, не ограничиваясь установлением одних лишь формальных условий применения взыскания, исследовать по существу фактические обстоятельства данного дела, свидетельствующие о наличии либо отсутствии признаков недобросовестности (противоправности) в действиях лица, которому была назначена пенсия. Это соответствует правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной им в постановлениях от 6 июня 1995 года № 7-П, от 13 июня 1996 года № 14-П, от 28 октября 1999 года № 14-П, от 22 ноября 2000 года № 14-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 12 июля 2007 года № 10-П и др. Иной подход приводил бы к нарушению вытекающих из статей 1 (часть 1), 2, 7, 18, 19 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации принципов справедливости, правовой определенности и поддержания доверия граждан к действиям государства, препятствуя достижению баланса частных и публичных интересов, и в конечном итоге — к несоразмерному ограничению конституционного права на социальное обеспечение (статья 39, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать положения пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 ГК

Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу они не могут служить основанием для взыскания с гражданина, признанного инвалидом, полученных им сумм пенсии по инвалидности и ежемесячной денежной выплаты, в случае если представленная им для получения названных выплат справка об установлении инвалидности, составленная по результатам медико-социальной экспертизы, признана недействительной вследствие наличия лишь формальных (процедурных) нарушений, допущенных при ее проведении, притом что такие нарушения не повлияли (не могли повлиять) на оценку ограничений жизнедеятельности освидетельствуемого гражданина и не обусловлены недобросовестностью (противоправностью) с его стороны.

2. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статьи 7 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданки Горностаевой Надежды Николаевны на основании пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», статей 1102 и 1109 ГК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Для заметок